

Alfred Chester

CHARIOT OF FLESH

Альфред Честер

КОЛЕСНИЦА ПЛОТИ

перевод Валерия Нугатова

KOLONNA
PUBLICATIONS

2007

МИТИН
ЖУРНАЛ

ББК 84.4 США

Серия «Vasa Iniquitatis»
(«Сосуд беззаконий»)
является совместным проектом
издательств “KOLONNA PUBLICATIONS”
и «МИТИН ЖУРНАЛ»

Редактор: Дмитрий Волчек
Оригинал-макет и верстка: Сергей Фёдоров
Обложка: Алла Ефремова
Руководство изданием: Дмитрий Боченков

© Alfred Chester, 1953
© Edward Field, 1993
© Валерий Нугатов, перевод, 2007
© KOLONNA PUBLICATIONS, 2007
ISBN 978-5-98144-102-8 © МИТИН ЖУРНАЛ, 2007

Эдвард Филд

ЗАГАДКА АЛЬФРЕДА ЧЕСТЕРА

3 августа 1971 года иерусалимская полиция ворвалась в трехэтажный дом с закрытыми ставнями за зданием Христианского союза молодежи. Внутри был обнаружен труп мужчины, полуразложившийся на летней жаре; два изголодавшихся пса, запертых в чулане, угрожающе лаяли. Полиции пришлось вызвать кинолога, чтобы тот увел собак и можно было провести расследование.

5

Не исключено, что квартиру ограбили, поскольку все было перевернуто вверх дном, а сумки и ящики стояли наполовину упакованные или наполовину распакованные. Однако запертые собаки, пустые упаковки от таблеток и бутылки из-под спиртного, разбросанные по комнатам, вынудили полицию констатировать самоубийство. Позже, услышав об этом странном американце от соседей, которые с огромной радостью живописали антиобщественное поведение мешуга*, полиция засомневалась. Да, собаки лаяли несколько дней, но они всегда громко лаяли и даже кусали местных ребятишек, которым нравилось дразнить эксцентричного американца – они ведь просто дети, чего на них сердиться? – и естественно, шум, поднятый собаками, нисколько не встревожил соседей. В этом доме могло происходить что угодно, и они не вмешивались в чужие дела.

В полицию позвонил знакомый. Это был профессор Роберт Френд из Еврейского университета, который

* Сумасшедший (*идиш*).

приехал в морг и опознал тело Альфреда Честера – американского писателя, прожившего в Израиле около полутора лет. За пару дней до этого Честер должен был переехать на новую квартиру, и Френд ждал его звонка, чтобы помочь с переездом. Несколько дней Френд не получал никаких известий, заволновался и обратился в полицию. Да, Альфред Честер страдал психическим расстройством и вел себя странно, но профессор Френд хотел доказать полиции и собравшимся репортерам, что он был выдающимся писателем, а не просто человеком, ведущим «возмутительный» образ жизни. Известно, что Честер общался с арабами, но он имел на это полное право, настаивал профессор Френд. Он надеялся, что в газетах уважительно расскажут о достижениях покойного.

Тем не менее, в израильской прессе появились зловещие сообщения о распутном американском писателе, жизнь которого была якобы наполнена развратом и скандалами, связанными с алкоголем, наркотиками и арабскими мальчиками. Журналисты смутно намекали на причину смерти, игнорируя отчет полиции, где говорилось, что она была вызвана алкоголем и барбитуратами – смертельным сочетанием, с помощью которого Альфред Честер боролся с терзавшим его паранойяльным бредом. Он слышал голоса и слишком остро воспринимал звуки извне, не вынося, когда дети дразнили его и колотили по забору. Как только тело переправили обратно в Штаты, дело было закрыто по просьбе семьи Честеров.

По горькой иронии судьбы, к моменту своей смерти Альфред Честер был почти полностью забыт как писатель. В 50-е и 60-е годы литературный мир Парижа и Нью-Йорка носил его на руках, но Честер отвернулся от него, как только его психическое состояние стало ухудшаться. Лишь теперь, после десятилетий забвения, его творчество открывают заново. Наряду с этим пробуждением интереса создается

миф о недюжинном, но безумном и обреченном гении-самоубийце – в духе таких «изгоев», как Рембо, Жене или, скорее, Дж. Р. Экерли, английский автор, прославившийся тем, что регулярно «снял» на улице солдат, моряков и часовых. В какой-то рецензии Альфред Честер назван «одним из самых причудливых персонажей танжерской общины экспатриантов, где эксцентричность была нормой», а недавняя статья о нем в нью-йоркской газете озаглавлена «Возвращение обаятельного монстра».

7

Однако монстром он не был. Все, кто его знали, единодушно твердят о его подкупающем обаянии и о том, каким он бывал остроумным. Майкл Файнгольд из «Вилладж войс» идет еще дальше, заявляя, что «Честер воплощал в себе две главных крайности, на которых основано почти все искусство XX столетия: он был интеллигентным гомосексуалом, т. е. человеком, воспринимающим жизнь как череду ролей и поз, которые следует принимать, и он был безумцем-визионером...»

Хотя «Эсквайр» в начале 60-х назвал Альфреда Честера фигурой, которой увлечен весь литературный мир, он никогда не был популярным или широко читаемым автором. Он принадлежал, скорее, к кругу писателей-авангардистов, которые создавали не пользовавшиеся успехом, замысловатые произведения для искушенных читателей. Поскольку Честер был геем и не скрывал этого в своих текстах, он казался маргинальной фигурой среди великанов. В те времена места хватало лишь для троицы писателей-геев: Гора Видала, Теннесси Уильямса и Трумэна Капоте; Джеймса Болдуина, тоже гея, из-за черного цвета кожи относили к другой категории. В послевоенные десятилетия в этот чулан набились такие выдающиеся фигуры, как Пол Боулз, Джейн Боулз, Торнтон Уайлдер, Сомерсет Моэм, Карсон Маккалерс и Гленуэй Уэскотт.

Главной жизненной трагедией Честера стала травма, связанная с потерей волос из-за детского заболевания. В последнем своем рассказе «Нога» он с мучительными подробностями описывает детство, проведенное в бруклинском районе Флэтбуш. Честер родился в 1928 году в семье выходцев из России. Он говорил мне, что его настоящая фамилия – Шестипальский, но после приезда в Америку родители упростили ее. Он любил рассказывать о своей тетке, которая содержала публичный дом в Одессе. Поскольку скарлатина лишила его почти всей растительности на теле, включая ресницы и брови, ни один парик не мог как следует скрыть ее отсутствие, а парики, которые он носил в зрелом возрасте, были не только подчеркнута лохматые, но и непостижимо ярко-оранжевого цвета. Тем не менее, пока парик случайно не сгорел на кухне в 1964 году и Честер не начал появляться на людях без него, он не обсуждал свою безволосость даже с самыми близкими друзьями, которым становилось неловко при одном упоминании слов «парик» или «волосы».

Возможно, поэтому он никогда серьезно не задумывался над возможностью найти работу и всю жизнь обращался за финансовой помощью к родственникам. Его необразованная мать не могла принять «праздного» образа жизни, который вел ее сын. Вместо того чтобы просто попросить денег, Честер предпочитал обманывать ее путем изощренных махинаций: например, извещал из-за границы о фиктивном браке в надежде получить свадебные подарки.

Даже если забыть о парике, внешность Честера нельзя было назвать заурядной: монгольские глаза, губы бантиком и чуть ли не прозрачные пухлые щеки, которые, казалось, соединялись напрямик с туловищем, минуя шею. Но, поскольку у него не переводились привлекательные любовники, Честер служил живым доказательством того, что не нужно быть

красавцем, чтобы вести потрясающую сексуальную жизнь. В периоды одиночества он просто выходил на улицу, и его тут же «снимали». (Разумеется, это было задолго до того, как СПИД отбил охоту к такому легкомысленному времяпрепровождению.) Несмотря на многолетние занятия йогой и соблюдение диеты, он все равно выглядел пухлым неженкой, пока в тридцать с лишним у него не случился нервный срыв и, как это ни странно, его телосложение обрело крестьянскую силу: словно для того, чтобы он мог созреть физически, необходимо было лишиться рассудка. 9

Я познакомился с Альфредом Честером в Вашингтон-сквер-колледже Нью-Йоркского университета, когда демобилизовался из армии. Поскольку он был значительно младше и только что окончил школу, я не воспринимал его всерьез – в частности, из-за его странного вида. Однако он намного опережал меня как писатель. На уроках писательского мастерства он вступил в литературное соперничество с другим талантливым начинающим автором – ныне известной Синтией Озик, которая в своих мемуарах вывела теорию, будто Альфред в сущности был гетеросексуален, но увлекся мужчинами, поскольку считал себя непривлекательным для женщин. Когда воспоминания были опубликованы, композитор Нед Рорем позвонил ей и прокричал в трубку, что ее теория смехотворна: для мужчины внешность партнера еще важнее, чем для женщины, и в любом случае, мужчины становятся гомосексуалами вовсе не из-за своего уродства.

После колледжа Честер прожил большую часть 50-х годов во Франции, которая стала меккой для американских литераторов в послевоенные десятилетия: при сильном долларе и слабом франке можно было жить практически на гроши, работая (или рассказывая, что работаешь) над романом, пьесой или стихами. В отличие от многих экспатриантов,

Альфред Честер проводил уйму времени за печатной машинкой.

10 Он стал широко известной фигурой на Левом берегу; неопрятный, во взъерошенном парике и с «фараоновским носом» (его собственное выражение), светлыми глазами без ресниц и ищущим взглядом, Честер бродил по живописным улочкам и разговаривал ночи напролет в кафе. Он познакомился почти со всеми американскими писателями, посещавшими Париж в десятилетие экспатриантов – с Джеймсом Болдуином, Карсон Маккалерс, Юджином Уолтерсом, Джорджем Плимптоном и Джином Гарригом, а также с кинорежиссером и поэтом Джеймсом Брофтоном. Он стал близким другом принцессы Маргариты Каэтани, которая впервые представила это блестящее юное дарование в своем роскошном журнале «Botteghe Oscure» в 1952 году.

До Парижа Честер переживал лишь неразделенную любовь да потайные сексуальные приключения под пляжным променадом на Кони-Айленде или в станционных туалетах на линии метро Бруклин-Манхеттен. Но, оказавшись в Париже, он почти сразу познакомился со своим первым любовником Артуром – смуглым и статным израильским студентом-пианистом, который воспылал страстью к американцу со странной внешностью и начал напористо за ним ухаживать. Эта связь, со всеми ее взлетами и падениями, неверностью и изменами, определяла романтическую сторону жизни Альфреда Честера почти все французское десятилетие.

В 1955 году сборник рассказов Честера «Здесь обитают драконы» был опубликован издательством «Финистер», основанным Робертом Силверсом, и Альфред произвел такое сильное впечатление на парижских литераторов, что его роман «Джейми – мечта моей жизни» появился сначала во Франции и лишь потом в Англии и США. Тем не менее, Альфред Честер был

«открыт» и у себя на родине, а его рассказ в 1958 году номинировали на премию О. Генри. Один рецензент написал: «Обведите его имя красным карандашом. Он пишет лучше таких хорошо известных авторов, как Фолкнер, Стейнбек, Джин Стаффорд и Сол Беллоу». Головокружительная похвала для молодого писателя.

Его письма из Парижа уже свидетельствуют о зловещем смешении различных сторон его натуры, множественном раздвоении личности или нефиксированном, ситуативном «я», что прекрасно выражено в названии его неоконченного романа «Я и так далее». Этот кризис самоидентификации можно было бы рассматривать как проявление модной экзистенциалистской неуверенности в себе, если бы десятилетие спустя, уже в Марокко, он не привел к психопатическому срыву. В конце концов, это смешение обрело художественную форму в последнем романе Честера «Изысканный труп», где персонажи меняют пол и идентичность буквально в каждой главе.

Несмотря на то, что жизнь в Париже в те годы была дешевой, а любовник Честера Артур время от времени получал помощь от родственников в Израиле и филантропов, веривших, что в будущем он станет выдающимся пианистом, финансовые проблемы неотступно преследовали эту пару. За гонорар в 500 долларов Честер написал порнографический роман «Колесница плоти» для знаменитой серии «Спутник путешественника» издательства «Олимпия-пресс». Получив заказ от издателя Мориса Жиродиаса, Честер спросил Александра Трокки, как писать порнографический роман. «Возьми книгу, которая тебе нравится, и добавь еблю», – посоветовал Трокки. Позднее Честер признался Айре Козну, что, сочиняя «Колесницу плоти», он использовал сюжет романа Набокова «Подлинная жизнь Себастьяна Найта». Для «Олимпии» Честер редактировал «Лолиту» – задолго до того, как она была опубликована в Америке.

Наконец, в 1959 году, продав один рассказ «Нью-Йоркеру», он раздобыл сумму, необходимую для возвращения из Европы в Нью-Йорк.

12 Оказавшись на родине, Честер тотчас же пустился на поиски квартиры, подходящей для роскошного фортепьяно Артура – нелегкая задача в те годы жилищного дефицита. Он нашел великолепную, хотя и запущенную двухэтажную квартиру с частным садом на крыше, над театром, где годами давали «Фантазеров»*. Однако хозяин запрашивал непомерную цену, надеясь найти богатого клиента, который согласится бесплатно сделать ремонт. Честер проверил эту квартиру в реестре недвижимости и выяснил, что квартплата ограничена законом. Тогда, надев бархатный костюм, купленный на блошином рынке в Париже, и прихватив с собой друга, выдававшего себя за дизайнера интерьеров, Честер представился хозяину эксцентричным миллионером и принялся шумно обсуждать со своим «дизайнером», какие перемены они произведут в квартире: переоборудуют кухню, ванную, камин и т. д. Алчный хозяин с величайшей радостью сдал квартиру, а Честер вручил ему арендную плату за два месяца. Вскоре Честеру удалось снизить ее до законных 66 долларов в месяц и остаться в квартире на четыре года, подтвердив свое право в суде.

Но перевезти любовника в Штаты в те годы было непросто. Перебрав все варианты, Честер развернул сложные поиски американской жены для него, чтобы Артур мог въехать легально. Когда он дал объявление о поездке в Париж с оплатой всех расходов и бесплатном разводе через год, откликнулось сразу несколько кандидаток, из которых он выбрал одну тучную девицу, чья семья несказанно обрадовалась, что она нашла себе мужа. Но когда выяснилось, что

* Мюзикл 1960 г. по мотивам пьесы Э. Ростана «Романтики». Музыка Харви Шмидта, слова Тома Джонса.

ее родители собираются радушно принять Артура как настоящего зятя и поселить молодоженов в полуподвальном этаже своего дома, Честер «уволнил» чересчур нетерпеливую невесту и выбрал другую кандидатку. Личный психоаналитик этой женщины (в те годы все наши знакомые увлекались психоанализом) одобрил этот брак, в надежде, что, временно выйдя замуж, она перестанет бояться мужчин.

План Альфреда сработал практически без задержки, и пара поженилась в Париже. Артур был бисексуалом и ненадолго влюбился в свою невесту, доставив Честеру новое беспокойство, но это увлечение быстро прошло, и вскоре Артур легально въехал в США и поселился у Честера. «Невеста» вернулась к своему психоаналитику и, в конце концов, получила развод в Мексике.

Но на этом история не закончилась. Не так просто оказалось достичь домашнего мира: пианист с трудом смирялся с успешной литературной карьерой Честера, сравнивая ее с собственными несбывшимися мечтами стать известным исполнителем. В то же время он столкнулся с проблемами адаптации в чужой стране. Загрустив от недостатка друзей в Нью-Йорке, пианист вскоре познакомился с хорошенькой скрипачкой, которая соблазнила его во время дуэта. Артур убедил ее, что оказался поневоле втянут в сексуальные отношения с Честером, и вдвоем они сбежали в меблированные комнаты на Стейтен-Айленде, где очень быстро завели одного за другим шестерых детей. Однако, в конечном счете, брак распался из-за бисексуальности мужа.

Два года после возвращения Честера в Америку его телефон звонил непрерывно: издатели заказывали рецензии и эссе для высокоинтеллектуальных журналов – от «Партизан Ревью» до «Комментарии». Но у этой известности была и обратная сторона, поскольку Честер жил тогда в нищете, а электричество

и телефон нередко отключали за неуплату. Пока не было электричества, он еще мог пользоваться газовым холодильником. Но когда телефонная компания сообщила, что вынуждена приостановить оказание услуг, Честер сослался на гепатит, и ему разрешили отсрочить платеж. Однако когда он позвонил приятелю в Мексику и проговорил полчаса, телефон все-таки отключили.

14 Его критические статьи горячо обсуждались, ведь Честер расстреливал «священных коров» одну за другой – Сэлинджер, Апдайк, Речи и др. Об одной его рецензии Гор Видал недавно заметил: «Альфред Честер был великолепным писателем – крепким, как гвоздь, и наделенным тонким слухом, мгновенно распознававшим фальшивую ноту». Рассказы, которые Честер писал в это время, были посвящены гомосексуальным темам, при этом автор не прибегал к оправданиям, что было необычно для Америки в ту эпоху, еще до начала движения за права геев. Отвергая один из рассказов, «Хвалу Веспасиану», редактор «Партизан Ревью» писал: «Возражение вызывает у нас не сама тема или отдельные детали, а, скорее, напыщенная трактовка». У этой повести о гомосексуале, ведущем беспорядочную половую жизнь, и впрямь напыщенная интонация. В манере «Богоматери цветов» Жана Жене Честер повествует о почти религиозном, многотрудном паломничестве главного героя по общественным туалетам Парижа и Нью-Йорка. В другом рассказе, «Измаил», описывается краткий, но бурный роман с молодым пуэрториканцем, который отдается главному герою, а затем пренебрежительно его бросает.

Встреча с Полом Боулзом зимой 1963 года, когда тот приехал в Нью-Йорк писать музыку для бродвейской постановки пьесы Теннесси Уильямса, круто изменила жизнь Альфреда Честера. Боулз, живший в Марокко, убедил его приехать туда, и следующим

летом Честер, которому опостылело тратить время на критические статьи и хотелось написать новый роман, наконец, позволил хозяину квартиры откупиться от него и совершил роковую хиджру в Танжер.

Три года, проведенные Альфредом Честером в Марокко, прошли в тени демонической фигуры Пола Боулза и его жены Джейн. Можно предположить, что Пол Боулз заманил Честера в Марокко, чтобы питаться его энергией (Джейн называла Пола «пауком»), точь-в-точь как он высосал энергию из жены, оставив лишь пустую оболочку. Альфред и Джейн, люди энергичные и одаренные, являлись полной противоположностью Боулза с его сдержанным англосаксонским характером. Оба были эксцентричными евреями-гомосексуалами и обладали физическими недостатками: отсутствие волос у Честера и искалеченная нога Джейн Боулз. Оба злоупотребляли алкоголем и наркотиками, с головой окунались в марокканскую жизнь, заводили марокканских любовников и, в конце концов, лишились рассудка. И оба подпали под чары Пола Боулза. В одном рассказе Честер, откровенно признаваясь, какую власть имеет над ним Боулз, пишет: «Порой мне кажется, что он – Бог».

Но хотя Марокко погубило Честера, этот период, несомненно, стал кульминацией всей его жизни. Именно там он познакомился с высоким, статным рыбаком Дриссом, который, безусловно, был самой сильной его страстью и открыл ему доступ в закрытый мир мусульманского общества: Честер – пожалуй, наиболее проникательный его западный толкователь.

Он с радостью распрощался со своей нью-йоркской литературной карьерой, и, словно в доказательство поговорки: «Нью-Йорк не прощает тех, кто его покидает», сборник рассказов «Се Голиаф», опубликованный, пока он жил в Танжере, был встречен плохо, хотя Теодор Золотарев сделал занятное и проникательное замечание о том, что Альфред Честер –

это «своеобразный мостик между бароном де Шарлю и Гекльберри Финном». Ряд рецензий был отмечен нескрываемой гомофобией: автор одной сетовал, что писатель «впадает в психическое расстройство и гомосексуальный экстаз». Другой же критик вопрошал: «Почему в большинстве современных произведений художественной литературы гомосексуал, снимающий на улице партнеров, олицетворяет мучительные поиски любви, а персонажи, которые ищут любовь другими способами и в тех местах, где, возможно, чуть больше шансов ее найти, изображаются простыми болванами?» В ту эпоху разрешалось публиковать очень мало книг на эту тему, и обычно лишь те, где показывалась темная ее сторона.

Марокканскую идиллию Альфреда Честера разрушил приезд Сьюзен Зонтаг летом 1965 года. Она привлекла к себе международное внимание благодаря «Заметкам о кемпе», и когда эта «королева кемпа» приехала в Танжер и остановилась в самом дорогом отеле «Минза», Честер запаниковал, поскольку был уверен, что его марокканский любовник-бисексуал сбежит к ней, и она увезет его с собой. Но хотя Дрисс по достоинству оценил ее красоту, он никуда не сбежал. Наоборот, сбежал сам Альфред.

Собственная гомосексуальность впервые стала для Честера причиной серьезного внутреннего конфликта: он пытался разорвать сексуальные отношения с Дриссом и даже ходил к проститутке, чтобы переспать с женщиной. Безумие Честера породило панические страхи; его выходки привлекли внимание марокканских властей,^{*} и в 1965 году он был вынужден вернуться в Нью-Йорк.

Когда я снова увиделся с ним вскоре после этого, он признался, что барабанный бой в голове застав-

* По свидетельству Пола Боулза, Альфред Честер разрушил два дома, которые снимал в Марокко: разбивал раковины, проламывал стены, лил воду на крышу и т. п.

ляет его жениться на Сьюзен Зонтаг: он даже пытался ухаживать за ней, но неудачно. Это привело к их окончательному разрыву после того, как был опубликован роман «Изысканный труп». На обложке по предложению Честера была помещена фраза Зонтаг о том, что он – самый интересный писатель в Нью-Йорке. Альфред говорил мне, что так она сказала ему по телефону. Узнав об этом, Зонтаг стала угрожать судебным иском, обложку пришлось перепечатывать, и отношения их прекратились. Этот конфликт стал прелюдией к его разрыву со всеми друзьями по очереди. Честер даже решил, что я – «ненастоящий» Эдвард и перестал отвечать на мои письма.

17

Из рассказа «Нога», написанного в этот период, явствует, что приезд в Нью-Йорк он считал не возвращением на родину, а изгнанием из рая. Вскоре Честер отправился на мучительные поиски: сначала ему снова позволили въехать в Марокко, и он недолго наслаждался там жизнью; затем, когда его опять выдворили из страны, он принялся тщетно искать заменитель рая, и друзья почти потеряли его след, пока из Иерусалима не пришла весть о его смерти.

Если бы Альфред Честер не погиб и к нему вернулся рассудок, он непременно добился бы большого успеха. Но в последние годы его психическое здоровье ухудшалось, а литературная активность снизилась: подобно призраку, перебирался он из Англии во Францию, возвращался в Америку, блуждал по Израилю и даже Сахаре.

Хотя о смерти Альфреда Честера широко сообщалось в Европе, ее почти не заметили в Америке, и мы с Мартином Такером были единственными представителями литературного мира на его похоронах.

КОЛЕСНИЦА ПЛОТИ

Одним весенним утром 1953 года почти все французские ежедневные газеты поместили на первых страницах статьи о «загадочной насильственной смерти баронессы Карлы Арвон». Разумеется, газеты обязаны помещать статьи о загадочных насильственных смертях; обычно в них перечисляются все шокирующие подробности, и с бесстрастных черно-белых страниц на нас льется кровь, сыплются изнасилования, убийства и катастрофы.

Но смерть баронессы Арвон действительно оказалась «загадочной» и «насильственной». Обнаженное тело необычайно красивой женщины нашли в грязной гостинице в районе парижских трущоб. Отвечая на вопросы полиции, хозяин гостиницы сказал, что женщина сняла номер всего за несколько часов до того, как была обнаружена мертвой. Правда, хозяин сознался, что она не заполнила регистрационный бланк, сославшись на чрезмерную усталость и пообещав, что выполнит все формальности, как только спустится к ужину. К ужину она так и не спустилась. В полночь хозяин постучал в ее дверь и, поскольку ответа не последовало, повернул ручку и заметил, что дверь изнутри не заперта. Баронесса Арвон лежала на полу, а на столе рядом с кроватью все еще шипела спиртовка.

Я передаю газетное сообщение о ее смерти почти слово в слово. В оставшейся части большой статьи, посвященной Карле Арвон, рассказывалось о ее тихой,

спокойной и добродетельной жизни. Родившись в буржуазной семье, она в очень юном возрасте вышла замуж за грозного барона Арвона, который был на тридцать лет старше, – человека ожесточенного и полного ненависти: после революции ему пришлось покинуть свою родную центрально-европейскую страну и поселиться во Франции. Их брак был счастливым (писалось в газетах), но недолгим – баронесса овдовела уже через четыре года после того, как пошла под венец. Оставшись с трехлетней дочерью и несколькими миллиардами франков на руках, Карла Арвон провела еще двадцать лет жизни чуть ли не затворницей, лишь изредка появляясь в обществе на званых ужинах близких друзей – обычно, беженцев из Центральной Европы или, чаще, на каких-либо благотворительных вечерах. Ее благодеяния были столь же велики и знали о них так же мало, как и о ее непревзойденной красоте. Лишь немногим счастливицам (писали газеты) удалось лицезреть эту высокую стройную женщину с голубыми, как лед, глазами и волосами.

В общем, ее краткая тихая жизнь – любопытно, что умерла она в свой сороковой день рождения, – отнюдь не предвещала «загадочной насильственной смерти», хотя баронесса отчасти сама же ее предрекла. Согласно газетам, несколько ее близких друзей сообщили полиции, что последние пару лет баронесса Арвон часто повторяла в шутку:

– Однажды я всех вас удивлю. Я знаю, что за спиной вы называете меня баронессой-монашкой, – (и это действительно было правдой), – но сомневаюсь, что так будет всегда.

Тем весенним утром 1953 года я сидел в кафе на бульваре Сен-Жермен, попивая кофе и без особого интереса читая поразительно сдержанный репортаж о смерти баронессы. Лишь прочитав до конца всю колонку, я мельком взглянул на довольно размытую

фотографию посредине страницы. Лицо я узнал сразу. Я не испытал ни глубокого волнения, ни шока, как-то: «Не может быть!» или «Это неправда!» Лишь на миг – страшную и глубокую горечь оттого, что мои долгие поиски завершились так случайно и так нелепо. Образ, который я носил в сердце, в душе, в беспокойном жаре своих чресл, был разрушен в грязной, безумной гостинице в районе парижских трущоб. Вместе с ним погибли воспоминания двух десятилетий.

Дело в том, что я познакомился с Карлой вскоре после смерти ее мужа, – хоть и не знал еще, что им был барон Арвон, – познакомился со льдистоокой, льдистовласой Карлой, этой глыбой льда, внутри которой бушевало всепожирающее пламя. Мы познакомились случайно или, честно говоря, даже не знакомились: просто я пошел вслед за ней. Она возникла словно ниоткуда – позднее я узнал, что только так она и могла появляться. Я свернул за угол и увидел ее: сначала только спину, но что это была за спина! Она состояла из одной линии – одной мягкой изогнутой линии, которая плавно вилась или раздувалась, расширялась или сужалась, спускаясь от плеч к пояснице, и там раздвигалась на ширину бедер, идеально изгибаясь вокруг холмиков ее ягодиц – этих полушарий, всегда легко покачивавшихся в тисках ее белоснежного летнего платья. Платье доходило до середины икр, но единственная великолепная линия ее тела вновь выступала там в виде гладкой загорелой плоти, которая расцветала на миг, словно взывая к тянущейся руке, а затем заострялась тонкими точеными лодыжками. Волосы у нее были гораздо длиннее, нежели у большинства женщин в тот год. Какой прок мог ей быть от мужской прически? Ей шли именно такие волосы: немного волнистые, мягко ниспадавшие на плечи и невероятно легкомысленные, несмотря на их необычный цвет – платиново-серебристо-голубой, цвет безупречного

алмаза. Да, она была ледяной алмазной глыбой, но алмазы ведь рождаются из каменного угля, а уголь – горит.

24 Пару минут я так самозабвенно любовался ее спиной, что даже не подумал ускорить шаг. Затем, когда я решил все же догнать ее, она избавила меня от хлопот, свернув за угол и усевшись на террасе кафе. На этой широкой террасе больше никого не было, но я настолько увлекся девушкой, что даже не попытался этого скрыть: я сел за столик прямо возле нее.

Красивую женщину трудно описать, возможно, потому, что красота выражается в первую очередь в гармонии. Большинство женщин, которых описать можно, всего лишь милы, и у них есть какой-нибудь изъян. Но у такой красивой женщины, как Карла, ни одна черта не уступает другой, и все они согласованы. В общем, она сидела с бесстрастным лицом за соседним столиком и, похоже, не замечала меня. Она загорела, но ее лицо все же было бледнее икр оттенка слегка потемневших сливок; длинные и тонкие черные ресницы изгибались над нежными веками, а ясные глаза, почти такого же цвета, как волосы, не хотели меня замечать. Они смотрели прямо перед собой на мостовую, и ее вздернутый подбородок придавал им высокомерия. Приятно было наблюдать, как единственная линия снова изящно скользила от подбородка вдоль прямой шеи и спускалась затем ниже, образуя груди, которые, пренебрегая своим укрытием, всячески пытались обнажиться: я даже почувствовал, как ее теплые упругие сосочки трутся о материю платья. Мне захотелось наклониться к ней и, бесцеремонно спросив: «Можно, мадмуазель?», вынуть из лифа ее нежные белые округлости и поднести губы к соскам.

Когда подошел официант, она заказала коньяк, я – тоже.

– В такую погоду, – сказал я ей, как только официант скрылся, – не следует пить коньяк. От него становится еще жарче.

– Правда? – она даже не взглянула на меня.

– В общем, – начал я, пожалев, что плохо умею вести беседу, – да, это правда. Алкоголь повышает кровяное давление, или как это называется, и заставляет кровь – ну, вы понимаете. В любом случае становится жарче.

– Тогда скажите, пожалуйста, почему вы сами заказали коньяк? – Она впервые взглянула на меня, слегка приоткрыв пухлые губы.

Я улыбнулся, но она не пожелала улыбнуться в ответ и лишь продолжала холодно смотреть на меня.

– Возможно, – сказал я, – я хочу согреться.

Уловив лишь прямой смысл моих слов, она необдуманно проговорила:

– Возможно, я тоже.

Не успела она это произнести, как наш разговор предстал ей в ином свете, и она не смогла сдержать улыбки. Затем, отвернувшись от меня, вновь уставилась на мостовую, пока официант не принес нам напитки. Тогда я спросил:

– Не возражаете, если я пересяду за ваш столик?

Она глубоко вздохнула, и грудь у нее поднялась.

– Возражаю, и очень сильно. Во-первых, я совсем недавно овдовела. И, во-вторых, если бы даже я не считала, что разговаривать с незнакомцем неприлично, все же должна сознаться, что вовсе не расположена к этому.

– Почему?

– Просто не расположена. Мне кажется, большинство мужчин тешат себя иллюзией, будто способны доставить мне наслаждение, которое лично я нахожу абсолютно отвратительным.

– Вы сказали: большинство мужчин. Но это не значит – все.

– Пожалуй. Но, положив руку на сердце, вы же не станете утверждать, будто являетесь одним из тех редких мужчин, кого я интересую лишь как собеседница в бесцельном дружеском разговоре?

Я помедлил.

– Положив руку на сердце – нет.

– В таком случае, полагаю, лучше закончить этот разговор, – и она пригубила коньяк.

– Кстати, минуту назад вы сказали, что большинству мужчин хочется доставить вам наслаждение, которое вы находите отвратительным. Как наслаждение может быть отвратительным?

Она покраснела и уставилась на свой бокал.

– Я хотела сказать, что это не наслаждение – точнее, это они получают его, а не я. Я хотела сказать...

Она резко встала, и я понял, что она расплакалась.

Вскочив со стула, я направился к ее столику.

– Ужасно сожалею, я не хотел довести вас до слез. Извините меня, пожалуйста.

– Все хорошо, – сказала она спокойным голосом, но в глазах у нее по-прежнему стояли слезы. – Просто дайте мне носовой платок. Спасибо.

– Я действительно ужасно сожалею.

Сев рядом с ней, я обнял ее. Мои объятия были почти братскими, и наверное, она это почувствовала, ведь как только глаза у нее понемногу высохли, я ощутил, что она благодарна мне за поддержку. Именно эта странная перемена в нас обоих – моя братская любовь и ее благодарность – помогла мне понять, что ее взволновали не столько мои слова, сколько некая глубинная забота, при упоминании которой она легко могла расплакаться.

– Если только я могу чем-нибудь вам помочь, – сказал я, – мне хотелось бы сказать, что вы можете на меня рассчитывать. Разумеется, вы ничего обо мне не знаете, но уверяю вас, я – честный человек и...

– Никто не в силах помочь, – покачала она головой. – Все решено. Кончено. Все – в прошлом. – Я молчал, зная, что она будет говорить дальше. Минуту спустя она продолжила: – Если бы только я могла с кем-нибудь поговорить. Я представляю, как буду задыхаться от собственных страданий все предстоящие годы, но хранить молчание.

– Вы можете поговорить со мной. Я – человек постоянный, к тому же иностранец.

– Вы американец?

– Да.

Она вдруг посмотрела на меня, словно буравя взглядом мое лицо.

– Сможете сегодня вечером? – наконец спросила она.

– Да.

– Приходите сюда, в это кафе, к полуночи.

– Если хотите, я мог бы забрать вас где угодно. У меня есть машина.

– Нет, это невозможно. Давайте встретимся здесь.

Она встала и положила на стол мелочь.

– До свидания, – сказала она. – До вечера.

Голос у нее был хриплый и дрожащий, и в своей новой роли отца-исповедника я даже не попытался взглянуть вослед ее удаляющейся фигуре.

Без четверти двенадцать я снова сидел за тем же столиком. Стояла душная, теплая, влажная ночь, тонкий полумесяц луны висел над шпилем церкви, расположенной на площади через дорогу. Рандеву внушало мне опасения. В такую жаркую, сырую ночь увлажненная плоть должна присосаться к другой увлажненной плоти, тогда как лучик лунного света, пробиваясь сквозь окно спальни, будет освещать тела. Но все это – не для меня. Мне придется всю дорогу разыгрывать из себя доброго самаритянина, по-отечески прислушиваясь к проблемам несчастной девушки, и наверное, наибольшей физической

близостью станет еще одно братское объятие. «Какого черта я жду?» – подумал я, но продолжал ждать.

К полуночи кафе заполнили люди, решившие освежиться после театра или кино. Поднялся шум, и я понял, что это неподходящее место для долгой серьезной беседы. Затем я вдруг увидел, как она идет через площадь, словно вынырнув из темноты.

Теперь на ней было облегающее черное платье, как бы стискивавшее все ее изгибы: при ходьбе оно прижималось к чреслам, жадно облепляя внутренние выпуклости бедер. У этого платья вырез был ниже, чем у белого, и, если не считать короткого ожерелья, – очевидно, бриллиантового, – ее грудь была до половины обнажена.

Ее отцу-исповеднику пришлось бы несладко – в действительности ему уже приходилось несладко, и от прилива тепла пощипывало кожу. Когда она подошла к столику, все обернулись.

– Давайте уйдем отсюда, – предложил я.

Она кивнула, а я встал, взял ее за руку, и мы молча отошли за угол.

– Послушайте, – сказал я ей. – Если хотите, мы можем зайти в другое кафе. Или просто покататься по городу. Моя машина стоит на улице.

Она замешкалась.

– Надеюсь, я не ошиблась.

– Что вы имеете в виду?

– То, что доверилась вам.

– Вы чертовски мнительны. Наверное, считаете меня мужчиной, который способен вести машину и одновременно бороться с вами.

Она рассмеялась. Я впервые увидел, как она смеется. Это был здоровый гортанный смех, и я заметил ее белые ровные зубы и быстро мелькнувший розовый заостренный язычок.

– Хорошо, – сказала она. – Прокатимся.

Минут пять мы ехали, не обменявшись ни единым словом. Машин почти не было, и приятный ветерок задувал в окно, пока мы мчались по улице.

– Начнете рассказ? – спросил я.

– Попытаюсь. Это очень трудно, после того как прожила так долго в молчании.

– Так долго?

– Больше четырех лет. Это много. А ведь я была такой говорливой общительной девочкой. Мои возлюбленные даже говорили, что единственный способ заставить меня замолчать... – Она внезапно умолкла.

– Продолжайте.

– Да, я должна рассказать все. Все – с самого начала. Мои возлюбленные, – она глубоко вздохнула, – говорили, что единственный способ заставить меня замолчать – засунуть мне в рот язык или член. Это полностью меня успокаивало. В те времена я любила подобные штуки. Любила ощущать, как ко мне прижимается теплое тело мужчины, как его лицо трется о мое, затем чувствовать, как сухие губы, пробегая по мне, упираются в мои, и потом – сладкий влажный язык. Второе мне нравилось даже больше: беря в рот, я терпеливо ласкала его, обволакивая теплотой своего языка и горла. Я втягивала его всем телом, стремясь, чтобы его жизненная сила пролилась мне в рот. Но я никогда не делала большего – я хочу сказать: не занималась сексом, пока не вышла замуж.

Я выросла в одном из городков центральной Франции. Родители у меня были довольно зажиточные, но весьма тщеславные. Понимаете, если у меня появлялся богатый любовник, я знала, что без труда смогу привести его к себе вечером, и мы будем заниматься чем угодно, – и родители тоже об этом знали. Но если парень был беден и они узнавали, что я с ним встречаюсь, то называли меня шлюхой, пропащей. Для меня же парень был всего лишь парнем: вовсе

не его деньги нравилось мне держать во рту. Когда мне исполнилось шестнадцать, в наш городок пожаловал один очень богатый господин; он решил провести у нас лето, и это была потрясающая новость. Все время, пока этот господин у нас гостил, он оставался притчей во языцех: сначала все обсуждали его деньги, затем его слабость к девушкам и, наконец, наши с ним отношения. Мне он совсем не нравился. Ему было под пятьдесят – жуткая седая борода, скверный сердитый взгляд и огромный живот. Некоторые городские девушки переспали с ним и получили за это деньги. Я же с ним не спала, но, в конце концов, завладела всем его состоянием. Просто однажды, к всеобщему изумлению, перед нашим домом остановился его огромный «роллс-ройс». Мама чуть не упала от радости в обморок, увидев, как толстяк шагает к нашей двери. Без всяких объяснений он сказал родителям, что хочет на мне жениться. Дело в том, что, не сумев взять меня напрокат, как других девушек, он решил меня купить. Разумеется, никто никогда не спрашивает товар, желает ли тот, чтобы его купили, а владелец, естественно, вправе поступать со своей собственностью, как ему заблагорассудится. Родители продали меня по отменной цене. Я не видела их с тех пор, как уехала из дому, но догадываюсь, что они уже принадлежат к городской аристократии с собственным особняком и полудюжиною прислуги.

В конце лета я перебралась в Париж и в ожидании свадьбы жила у тетки своего жениха. Событие обещало стать весьма изысканным, и на его подготовку ушло два месяца. Не стоит уточнять, что Борис, мой будущий муж, желал предвосхитить если не союз наших душ, то уж точно союз наших тел. К счастью, его тетя – глупая старуха, умершая на следующий день после нашей свадьбы, – решила выступить

в роли моей компаньонки и никогда не оставляла меня с Борисом в комнате наедине.

Эти два месяца перед свадьбой дела шли не так уж плохо. Я имела все, чего могла пожелать девушка, и поскольку мне было всего шестнадцать, мое будущее – свадьба и первая физическая близость с отвратительным женихом – казалось слишком далеким, чтобы о нем тревожиться. К тому же у старой глупой тетки был очень красивый молодой дворецкий, который прокрадывался по ночам ко мне в комнату и занимал мой рот работой до самого утра. А работы он мог задать немало. Он даже хотел, чтобы я убежала с ним, но я была полной душой и отказалась.

31

Мы оба так увлеклись ее рассказом, что даже не заметили, как выехали из Парижа в предместье. Нерешительность, с которой она начала свое повествование, теперь сменилась глубоким, рассеянным спокойствием. Казалось, она забыла обо мне и заново переживала события своего прошлого; из-за этого у меня возникло странное чувство, будто я заглядываю в чужое окно, наблюдая, как незнакомые мужчина и женщина совершают любовные обряды.

– Наша свадьба состоялась в конце ноября, – продолжала она. – Я была ошеломлена ее роскошью, но все же вела себя идеально, поскольку тетка Бориса преподала мне урок. Я точно знала, какую степень холодности и теплоты проявлять к каждому из присутствующих. А затем, после приема, мы поехали к Борису домой. Всех слуг услали. В доме царила тишина, и я впервые напряглась в ожидании: что-то будет?

– Подойди, моя дорогая невеста, – сказал мне Борис. – Я отнесу тебя на жертвенный алтарь.

Он поднял меня, и я утонула в больших складках своего подвенечного платья. Он понес меня в главную спальню. Там горели громадные свечи, расставленные по всей комнате, а на окнах висели тяжелые

шторы, отсвечивавшие в их отблесках. Большая кровать пугала. Борис по-прежнему держал меня на руках; крепко сжимая мое тело, он сказал:

– Когда мы выходим в свет, Карла, ты должна помнить, что являешься надменной женой высокопоставленной особы и владелицей многих поместий; что ты вправе повелевать почти каждым встречным. Но, входя в эту комнату, ты должна обо всем этом забыть и помнить лишь одно: ты – моя шлюха. Ты существуешь лишь для моего удовольствия. И я могу использовать тебя, как сочту нужным. Ты поняла? – Его лицо склонилось ко мне.

Я промолчала, но отвернулась – вновь пугающая кровать.

– Ты поняла? – еще раз спросил он, так крепко сжав меня в руках, что я с трудом могла дышать. – Ты поняла?

Я кивнула.

– Тогда повтори, – велел он.

– В этой комнате, – тихо пробормотала я, – я – ваша шлюха. Я существую только для вашего удовольствия. Вы можете использовать меня, как сочтете нужным.

Пока я говорила, он смеялся, а его борода щеко-тала мне лицо. Затем он неожиданно разжал руки и уронил меня на пол. Я растерялась и не могла пошевелиться, но в любом случае я бы, наверное, не отважилась сдвинуться с места. Надо мной стоял Борис – огромный грозный изверг. Минуту спустя он с большим усилием наклонился, положил руки на ворот моего платья и дернул его. Я взвизгнула – скорее, пожалев о таком дорогом и красивом наряде, нежели испугавшись за свою жизнь. Он сорвал с меня платье, затем поднял на ноги и стащил обрывки материи с моих рук. Глаза его расширились и вспыхнули, как только он увидел меня в нижнем белье. Вновь протянув руку, он сдернул с меня бюстгальтер, и моя грудь всколыхнулась, вырвавшись на

волю. Он долго смотрел на нее, а затем вытянул палец и медленно провел по ней.

– Превосходно, – сказал он. – Даже лучше, чем я ожидал.

Он подвел палец к моему соску и нежно ущипнул этот маленький розовый бугорок. Должна признаться, прикосновение его шершавого пальца к моему соску немного меня возбудило. Затем он зажал его между большим и указательным и стал массировать – вначале мягко, а затем чуть сильнее, сдавливая и постепенно увеличивая нажим, и мои груди стало покалывать от жгучей боли. Он отпустил меня, и его руки переместились мне на бока, на эластичную резинку моих трусиков. Он медленно скатал их вдоль боков, обнажив пупок. Вновь выставив палец, стал поглаживать по кругу мой животик, пока мое тело не начало непроизвольно повторять движения его пальца, слегка покачиваясь из стороны в сторону. Неожиданно он снова схватил мои трусики, одним рывком сорвал их и зашвырнул через всю комнату. Его широкие ладони опять легли на мои бока, затем спустились к бедрам и продолжали двигаться вниз, одновременно стягивая чулки. Потом он наклонился и снял с меня чулки и туфли. Я осталась совершенно голой, а он отступил назад и смотрел на меня, не отрываясь, окидывая взглядом с головы до ног.

– Отлично, – прошептал он. – Отлично. Теперь повернись.

Я повернулась, затем возвратилась в исходное положение и повернулась вновь: он заставлял меня вертеться все быстрее и быстрее, пока груди не вытянулись вперед, а у меня самой не закружилась голова.

– Вертись, – велел он, и, поворачиваясь, я заметила, что он сам начинает раздеваться.

Я больше не мог вести машину. Теперь мы выехали за город, мне больше не удавалось сосредоточиться

на темной дороге, поэтому я свернул на боковую тропинку и заглушил мотор. Карла даже не обратила внимания. Она была целиком поглощена своей первой брачной ночью, страхась грядущего и в то же время наслаждаясь. Она тяжело дышала. Как бы мне хотелось взглянуть на то, что увидел Борис, посмотреть, как она, голая, кружится передо мной, пока я сам раздеваюсь! С трудом понимая, что делаю, я придвинулся и обнял ее. Казалось, она вообще не замечает моих движений.

– Я продолжала вертеться, – рассказывала Карла. – И всякий раз, когда поворачивалась к Борису, он стягивал с себя какой-нибудь предмет одежды и бросал на пол. У меня так кружилась голова, что я еле стояла на ногах, но когда надумала остановиться, он заорал: «Вертись!», и я вновь завертелась. Он обнажился до пояса: его грудь казалась продолжением густой бороды – сплошной копной седых волос. Потом он внезапно разделся до трусов.

– Хватит, – крикнул он.

Я остановилась, но мне пришлось ухватиться за стул, чтобы не упасть.

– А теперь, – сказал он, – встань на колени и ползи ко мне.

Я исполнила его просьбу, и как только доползла до него, он приказал мне спустить с него трусы. Я сделала это медленно, чтобы угодить ему, и когда оголилась его поясница, прямо передо мной вскочил его толстый член, едва не коснувшийся моего лица.

– Ты когда-нибудь видела больше? – спросил он меня.

– Нет, – честно призналась я. Длина и толщина его поразили меня: я уже представляла, как он разрывает, буквально разламывает меня пополам. Сняв трусы, он ткнул кончиком члена мне в губы, и я медленно открыла рот. Миновав зубы, его большая вздутая головка улеглась на корень моего языка. Меня за-

лило возбуждающее тепло, я почувствовала, как увлажнилось и стало липким мое лоно, и содрогнулась от зародившегося желания. Он по-прежнему засовывал фаллос мне в рот – очень медленно. Но тот был слишком большим. Я ласкала мешочек с яичками, придвигаясь ртом поближе к нему, мне хотелось проглотить его орудие, но оно оказалось для меня чересчур длинным. Когда места больше не осталось, он заорал:

– Ты возьмешь его в рот целиком и примешь его целиком во все другие свои дырки. Расслабься, и пусть он плавно войдет тебе в глотку.

35

Он продолжал засовывать: горло и язык у меня болели от этого твердого неумолимого бремени. И вот, наконец, лицо мое каким-то образом уперлось в его густую растительность, а подбородок улегся на мошонку. Онемев от этого чудовищного вторжения, я ощущала языком горячую пульсацию по всей длине. Он осторожно отступил, плавно вытащив член у меня изо рта, а затем стал засовывать вновь – все глубже и глубже. Руками он гладил меня по голове.

Борис схватил меня за плечи и поднял на ноги.

– Ты сосешь так, будто всю жизнь утыкалась лицом в мужскую промежность, – сказал он. – Теперь ложись на кровать, проверим остальные твои дырки.

Я улеглась и стала ждать его. Он встал в ногах кровати, и поскольку вместо спинки там было только два столбика – по одному с обеих сторон широкого ложа, он перегнулся и опустил ладони на мои лодыжки. Подтянув меня к себе, раздвинул мне ноги, растянув их на всю ширину постели, и закрепил каждую, высунув пятки за кроватные столбики. Когда прошла первая боль от выкручивания, я наслаждалась этим ощущением. Я почувствовала, что мое влажное лоно выставлено на всеобщее обозрение. Борис стоял надо мной и смотрел на мою промежность. Потом встал на колени и поднес лицо к моим чреслам. Его

борода коснулась моей чувствительной плоти, а затем его толстые губы прижались к моим топким срамным губкам; он высунул язык, и по моему телу пробежала дрожь наслаждения. Язык горячо забился в мою промежность, затем остановился у клитора, и зубы слегка куснули его, будто лезвия. Затем язык скользнул вдоль моей щелки, спустился, вновь поднялся к порогу удовольствия и заходил туда и обратно. Мне хотелось закричать от наслаждения, но я лишь застонала. Его руки яростно терли мое тело и месили груди, словно теплое тесто. Казалось, он лакает слизь с моих чресл, утопая в ней, а его язык обдирает мою плоть.

Рассказ Карлы доводил меня до безумия. Здесь, прямо под этим черным платьем, таились эти маслянистые губки, прижатые одна к другой и скрытые бедрами, чьи контуры были хорошо мне видны. Я не смог удержаться и притянул Карлу к себе. Она продолжала говорить и, казалось, по-прежнему не сознавала моего присутствия – моего личного присутствия, однако чувствовала, что рядом сидит мужчина – какой-то мужчина, поскольку очень медленно протянула ладонь и положила на мой гульфик. Я затрепетал от ее прикосновения, а потом вдруг один ее пальчик скользнул в просвет между пуговицами, и я почувствовал, как холодный огонь ее кожи коснулся моей плоти. Я протянул руку и положил ей на колено, а ее бедра осторожно раздвинулись. Мои пальцы ощупью продвигались под ее платьем вверх – к темноте и влаге. Я медленно ощупывал ее бедра, а она тем временем рассказывала.

– Он оторвал лицо от моей промежности: его борода намочила от моего сока. Плавно скользнув вверх, он навалился на меня всем своим весом. Мне пока-

залось, что он раздавит меня, я не могла вздохнуть, и каждый сантиметр моего тела укрывали его плоть или волосы. Мокрая борода терлась о мой рот, и мне довелось отведать вкус своего возбужденного лона. Его руки беспрестанно двигались: терли, гладили, сжимали и щипали. Внезапно он схватил меня за ягодицы и так сильно сжал их, что я вскрикнула. Затем его пальцы скользнули между ними, и он проглатил тугое, сухое, маленькое отверстие.

– Мы расширим его потом, – сказал он. – А пока я хочу мокренькое.

37

Он схватил мои бедра и запрокинул их так, что они прижались к моему животу, приподняв мое болюще: горячие надутые губки, готовые вот-вот разойтись. Я увидела, как Борис обхватил свой член и подвел к порогу его жилища. Я почувствовала его великолепную горячую пульсацию. Головка медленно втиснулась внутрь, мои бедра широко раздвинулись, а ноги забились в воздухе от нетерпения. Кончик члена мягко всасывался и выходил из меня, пока я не возбудилась настолько, что вцепилась ногтями в плечи мужа.

– Вставь, – закричала я. – Вставь его внутрь. До конца.

Борис хватал ртом мои груди, а затем припал к моему соску. Он сосал жадно, продолжая двигать членом.

– Сейчас, – заорал он, и я почувствовала, как он одним махом вогнал его в меня на всю длину. Этот безумный мучительный толчок заставил забыть обо всем, и затем громадное орудие засело во мне. Оно билось, как таран, затрагивая каждую частичку моего тела. Я начала с жадностью извиваться вокруг горячей затычки, пока Борис жевал мои соски, кусал груди и щипал все тело. Казалось, горячая железка не просто вставлена на несколько дюймов в мои чресла, а, минуя живот, проникает в грудь до самого сердца. Мое сердце билось с ней в такт.

Карла расстегнула пуговицы моих брюк, обвила рукой мой жезл и нежно вытащила. Мои пальцы добрались до теплой плоти ее бедра и продолжали двигаться дальше: я коснулся мягких волос, вовсе не удивившись, что она без трусиков. А потом я словно обезумел – стал терзать сочащуюся, чувствительную плоть, грубо дергая ее пальцами. Она застонала и на миг прервала свой рассказ: глаза ее закрылись, голова откинулась назад, а волосы рассыпались, подобно лунному свету, по спинке сиденья. Я погрузил пальцы в трепещущую влагу ее дырки. Рука, обнимавшая ее за плечи, скользнула теперь под лиф и обхватила грудь; крепко сжимая, я сгреб и обнажил ее, и в полумраке рассмотрел ее белизну и идеальную форму, твердые темные соски. Я склонил лицо – мои губы жаждали ее, а язык трепетал, чувствуя, как ее грудь напряглась от вожделения. Затем Карла продолжила рассказ, хотя мне хотелось, чтобы она молчала. Но она говорила, несомненно пребывая в каком-то трансе, ведь ее возбуждение длилось уже четыре года, и эту похоть будил в ней член Бориса. Я вспомнил, как ранее она сказала, что единственный способ заставить ее замолчать – занять ее рот работой. Я поднял голову, и наши лица с силой соединились, а языки переплелись, обвивая друг друга. Через минуту я отпрянул, осторожно наклонил ей голову, и ее губы поцеловали мое пульсирующее орудие. Она начала сосать – резко, остервенело, захватывая член целиком, словно хотела проглотить вместе с ним и меня. Мои пальцы бешено двигались в ее дырке; мне хотелось, чтобы она перестала сосать и наши чресла соединились, но ее невозможно было оттащить. Я готов был взорваться: ее нежные расслабленные губы и язык умело обращались с моим напряженным стояком. Вдруг она остановилась, села прямо и быстро свела бедра, зажав ими мою руку, а потом заговорила:

– Он полежал на мне минуту – совершенно неподвижно, будто заснул. А потом вдруг ожил и начал вскакивать и падать, поднимаясь и вновь опускаясь; его член проникал глубоко, выходил и снова входил. Это повторялось тысячу раз, и казалось, будто с каждым толчком меня натягивают чуть-чуть ту же. Толчки становились все быстрее, наконец, мы уже терлись друг о друга, как сумасшедшие, я рывалась на части, а сок Бориса хлестал в меня, будто фонтан – в небо. Мы немного полежали без движения, а затем началось что-то ужасное. Сначала я подумала, что он кусается в шутку, но потом боль настолько усилилась, что перестала быть приятной. Он хватал меня зубами за шею, плечи и грудь, глубоко впиваясь в плоть, пока не выступала кровь. Я закричала и попыталась его отпихнуть.

– Не забывай, что ты – моя шлюха, – сказал он и дал мне пощечину. Борис приподнялся и вытащил из меня член; передвинувшись вдоль тела, уселся мне на живот и начал безжалостно меня избивать. Ладонью он бил по лицу, а его огромные ягодицы подпрыгивали у меня на животе. От побоев всякое удовольствие и возбуждение пропало. Наверное, это продолжалось с полчаса. Перестав, наконец, колотить меня голыми руками, он начал лупить обувь, затем ремнем, а в самом конце – царапать мне кожу металлическим крючком от вешалки. Я обмякла, истекая кровью, ослабела и почувствовала дурноту. Мне хотелось умереть, но при этом я боялась, что Борис убьет меня. Эрекция у него была небывалая: это пугало и вызывало отвращение.

– Встань на четвереньки, – велел он. У меня болела каждая клеточка, но я из последних сил перевернулась на живот и встала, как он велел. Борис прошагал через всю комнату и снял со стены одну большую свечу. Вернувшись ко мне, раздвинул мои нежные ягодицы и стал постепенно придвигать свечку, пока

мой анус не почувствовал приближение тепла. Оно усиливалось, и затем пару раз я ощутила, как меня лизнуло пламя. От боли я даже подпрыгнула, а затем попыталась вырваться, но он был намного сильнее меня. Мне снова пришлось встать в ту же отвратительную позу, и я опять почувствовала, как огонь тычется в мою дырочку. Это продолжалось до бесконечности, пока я серьезно не обожглась. Затем Борис влез на меня сверху и, не раздумывая, засадил член, минуя ожоги, в мой узкий канальчик. Я непрерывно кричала и слышала, как Борис вздыхает с невиданной страстью. Он обхватил меня руками: одной – дергал за грудь, словно за коровье вымя, а другой обвил мои бедра. Эти жестокие мучения продолжались почти до самого рассвета. Всякий раз, когда боль, казалось бы, уменьшалась, он вставал с кровати и затем возвращался со свечкой. Незадолго до рассвета я погрузилась в глубокий обморок. Очнулась я на шезлонге: на полу валялись забрызганные кровью простыни. Сам Борис лежал на голой кровати, подобно исполинской горе. Его член снова – или, возможно, до сих пор – стоял, это вызвало у меня отвращение. Все мое тело было истерзано, я могла шевелить лишь головой... И так продолжалось целых четыре года. Изобретательность Бориса казалась неистощимой: он придумывал все новые и более мучительные пытки. Секс стал кошмаром моей жизни – меня тошнило при одной мысли о нем, будь то с мужем или с любым другим мужчиной. Не раз мне хотелось бросить его, сбежать: даже нищенствовать было бы лучше, чем такая жизнь. Но это было невозможно: он нашел бы меня, куда бы я ни скрылась. И к тому же за мной все время присматривали. Он нанимал людей, которые следили, чтобы я всегда находилась поблизости.

Днем я играла роль почтенной и невозмутимой супруги знатного господина, и на людях муж мой

был идеальным джентльменом. Знакомые часто говорили мне, что поражаются столь успешному браку, ведь Борис, продолжали они, намного старше меня. А я улыбалась, представляя, как резко изменилось бы их мнение, если бы они увидели хоть одну нашу оргию.

Через несколько месяцев после свадьбы я забеременела. Борис обрадовался и одновременно пришел в ярость. Обрадовался, потому что давно мечтал о сыне и наследнике, а в ярость пришел, поскольку теперь был вынужден обращаться со мной не столь грубо: во-первых, ради ребенка, а во-вторых, чтобы не компрометировать себя, отправляя меня к врачу всю покрытую синяками, шрамами и рубцами. Тогда-то я и решила, что жизнь моя станет сносной лишь в том случае, если я смогу беременеть как можно чаще. Когда же родилась девочка, я возликовала, решив, что Борис наверняка захочет, чтобы я забеременела вновь, и еще раз попробует зачать сына.

Но я ошиблась. Девочку он презирал и решил, к моему изумлению, что такая дура, как я, никогда не сможет родить мальчика. И, разумеется, он не хотел отказываться от острых сексуальных удовольствий ради пресных радостей отцовства. Однажды утром, через два-три месяца после рождения Анджелы, Борис зашел ко мне в спальню и сказал:

– Карла, дорогая, сегодня вечером к тебе придет один молодой человек.

– Кто он? – спросила я.

– Ты с ним пока не знакома.

– Боюсь, я не в силах с кем-либо знакомиться, Борис. Нельзя ли от него отделаться?

– Я не желаю ни о чем спорить.

Я знала, что лучше с ним не препираться, ведь хотя Борис никогда не обсуждал наши любовные утехи днем, он хорошо помнил обиды и молча вымещал их на мне ночью.

– Он придет к ужину или к кофе? – спросила я.
– Ни то ни другое, жди его к одиннадцати.
– К одиннадцати – не поздновато ли?
– Возможно, но это неважно. Можешь лечь в постель, когда захочешь, но главное, – добавил он свирепо, – не позже одиннадцати. Поняла? К одиннадцати часам ты должна лежать голой в постели. Все остальное я возьму на себя. В этом можешь не сомневаться.

42

И я, разумеется, подчинилась его приказанию. Лежа в постели, гадала, какие новые мучения мне уготованы, однако с Борисом никогда не приходилось гадать долго. Поэтому вскоре после одиннадцати дверь распахнулась, и в спальню вошел молодой человек. Он был очень красив и лишь немногим старше меня, но, подобно мужу, вовсе не привлекал меня как сексуальным партнер.

– Вы – тот молодой человек, о котором говорил мой муж? – спросила я, зная, что это он. Но юноша лишь молча взглянул на меня. Прошагав к изножью кровати, он начал раздеваться; полностью обнажившись, подошел сбоку, сжимая в руке член, и жестом показал мне, чтобы я занялась им. Я равнодушно поглаживала его и безропотно позволила засадить себе в рот. Затем он нетерпеливо меня отшвырнул и улегся на кровать с торчащим кверху красным членом. Молодой человек зна́ком велел мне сесть на свое орудие, я присела на корточки и стала извиваться, а его кончик плавно вошел в мое отверстие. Когда я собралась опуститься на него, юноша резко дернулся всем телом, и член скользнул по моей щелке, словно колесо по колее. Мне пришлось начать сначала, и он вновь дернулся, а я опять приложила его головку к своей дырке. На сей раз он позволил мне опуститься – и стержень глубоко проник внутрь. В этот миг он передвинулся и свесил ноги сбоку с кровати, а меня заставил сесть сверху и надежно закупорил своей горячей затычкой на всю ее длину.

Затем он потянулся через кровать, взял там две подушки и осторожно подложил себе под бедра, так что моя задница сильно приподнялась вверх. Тогда-то я поняла, что в комнату вошел Борис. Он раздвинул мне ягодицы и воткнул в зад свою толстую конечность, а затем повалился на меня, и я оказалась зажатой меж двумя мужчинами, словно сэндвич с двумя огромными сосисками: одна вонзалась в меня сверху, а другая – снизу.

Этот молодой человек – его имени я так и не узнала – стал частым гостем в моей спальне. Позднее Борис привел еще и девушку, которая тоже участвовала в наших оргиях, и я познала радости (или ужасы) лесбийской любви. Не знаю, сколько людей перебывало у нас за четыре года моей жизни с Борисом. Еще были карлик и – некоторое время – мужчина в татуировках с зеленым членом и нарисованными на анусе лепестками розы.

– Понюхай мой прелестный цветок, – говорил он. Время от времени он просил кого-нибудь из мужчин «полить цветочек», и я наблюдала, как Борис или кто-то другой с радостью за это принимался.

Но ни одно из этих развлечений не доставляло Борису такого удовольствия, как пытки, которым он подвергал меня. И занимался он этим, лишь когда мы оставались наедине, причем не чаще одного раза в месяц. Однажды он сказал мне:

– Когда ты наскучишь мне, Карла, я очень красиво тебя убью. Буду трахать, пока ты не завизжишь от радости, – а ты ведь знаешь, что я на это способен, – и в миг твоего оргазма засуну раскаленную железку тебе в жопу. Разве женщина может мечтать о лучшей смерти?

Единственной моей отрадой была дочь Андже-ла, и Борис нередко грозился сделать младенца участником наших оргий. Но я-то знала, что он никогда на это не решится, ведь как бы низко ни падал

он ночью, днем его поведение было безупречным. В конце концов, я выяснила, что ради спасения своей репутации он готов отказаться даже от плотских удовольствий.

И вот, когда мы прожили в браке уже почти четыре года...

44

Карла внезапно умолкла, вздрогнула и, взглянув на меня, похоже, впервые за несколько часов вспомнила, кто я. Потом заметила мою ладонь, все еще зажатую ее бедрами, и собственную грудь, свисающую из выреза платья.

– Что вы со мной делаете? – сказала она. – Где мы?

– Где-то за городом. А делаю я то, чего вам хочется.

– Нет, нет, нет, – она оттолкнула мою руку.

– Поздно скромничать, – сказал я. – Каких-то полчаса назад вы остервенело мне сосали.

– Это ложь.

– Ложь? Взгляните сюда, – в полутьме можно было разглядеть пятна помады на члене. – Давайте продолжим. Сегодняшняя ночь к этому располагает.

– Нет, вы с ума сошли. Я покончила с грязью и мужчинами.

– Неужели? – Я с силой прижался к ней, припав ртом к ее тугим напряженным губам. Поначалу они не хотели размыкаться, но я обрабатывал их языком, и постепенно они расслабились, обмякли и наконец раскрылись для поцелуя. Рука моя вновь опустилась на ее бедра, а пальцы стали снова ласкать ее чувствительную плоть и холмик Венеры. Когда мы оторвались друг от друга, в ее глазах уже пылала страсть. Мы торопливо разделись, вышли из машины и отправились на придорожную лужайку. В небе забрезжил рассвет, я повернулся к Карле и увидел все то, чем любовался Борис. Ну, почти все. А пока мы кувыркались в траве, я рассмотрел и остальное: мягко расходясь и маслянисто улыбаясь, это незаполненное

и одинокое нечто ждало, пока я заткну его языком, торчавшим из моих чресл.

Наш роман продолжался всего три месяца. Мы всегда встречались после полуночи и приезжали на место нашей первой случки. Наши совокупления всегда были неистовы, а мы – ненасытны. Обоим нам всегда было мало. Но приходилось все же останавливаться до восхода солнца.

– Мне нужно домой, – говорила она. – Анджеке не следует знать, что я уходила. Да и от слуг трудно скрыть мое отсутствие, хоть я и переселила их всех в другие комнаты, чтобы они не смогли догадаться о моих отлучках. Не хочу, чтобы они сплетничали: девочка может подслушать.

Вечно эта Анджеке! Я стал ревновать ее к ребенку. Из-за него я не мог прийти к Карле домой. Именно из-за дочери Карла отказывалась встречаться со мной днем.

– Я хочу, чтобы она каждую минуту могла на меня рассчитывать, – сказала мне Карла. – Она должна всегда знать, где я. Должна полностью мне доверять.

– Но разве ты не оставила ее в тот день, когда мы с тобой познакомились?

– Это было исключение, связанное с завещанием Бориса. Я уже говорила тебе, что он не француз. В тот день я должна была увидеться с послом его страны. На самом деле, любимый, если бы мы не встретились в тот раз, вероятно, мы бы не встретились никогда.

– Наша встреча была predetermined.

– Да, – вздохнула она, – так и есть.

Эти беседы мы всегда вели ночью, лежа в обнимку на росистом лугу. Когда стало прохладнее, нам пришлось забираться в хлева, и ночь за ночью я изнемогал над Карлой, пока за нами с любопытством наблюдали коровы. В конце концов, я предложил ей выйти за меня замуж.

- Это невозможно.
- Почему?
- Из-за...
- Анджелы, – закончил я за нее фразу.
- Да.
- Ох уж эта Анджела. Почему ты не попросишь ее, чтоб она тебя еще и трахала? Тогда бы тебе никто больше не был нужен.

Карла рассмеялась:

- У тебя это получается лучше.
- Послушай, Карла, все эти луга да хлева – так не может дальше продолжаться. Встречаться только в это ненормальное время! Иногда я хочу тебя в полдень, а потом думаю: еще двенадцать часов.
- Думаешь, со мной такого не бывает? Но мы должны с этим смиряться.
- Что значит: смиряться? Как долго? Всю жизнь?
- Жизнь не такая уж долгая. Представь, если наш роман продлится еще лет двадцать.
- Зимой будет не до веселья.
- Что-нибудь придумаем.

Но мы так ничего и не придумали. Или, точнее, я был полон идей, а у нее их не появлялось вовсе.

- Но Анджела... – всегда говорила она.

Последние две недели мы больше спорили, нежели занимались сексом.

- Надо найти какой-нибудь выход, или... – начал я.

Она перебила меня:

- Или что?
- Или мы не сможем больше встречаться.
- Нет, – было заметно, что она испугалась.
- Я не шучу, Карла.
- Если ты меня бросишь, я сойду с ума.

Время от времени я предлагал отвезти ее домой или, оставив на рассвете в кафе, где мы встречались в полночь, пытался за ней проследить. Но все тщетно: она по три-четыре раза пересаживалась в другое такси.

Последнюю неделю мы даже не спали вместе. Я встречался с ней в кафе и спрашивал, не передумала ли она.

– Нет, – отвечала она, вся в слезах. – Неужели нельзя оставить все, как есть?

И я уходил, садился в машину и катался по городу, возвращаясь по три-четыре раза за ночь. Она сидела там до утра и даже после закрытия кафе печально бродила по мостовой.

В последнюю ночь я был уверен, что она передумает.

– Ты даже не представляешь, что со мной станет, – сказала она.

– С тобой все будет хорошо, – ответил я. – С тобой все должно быть хорошо, ради Анджелы.

Я ушел и стал кататься по городу, а когда вернулся, ее уже не было. Она не появилась ни на следующую ночь, ни на третью. Целый месяц приходил я в это кафе каждый вечер, а затем отправлялся в промозглые осенние луга и хлева, где коровы таранились на меня, как будто мыча: «Нет, болван, ее здесь нет».

Найти ее оказалось невозможно. Я знал лишь ее имя – Карла, и когда нанял сыщика, с удивлением выяснил, что в Париже – сотни женщин с серебристо-голубыми волосами. Я понял, что поиски бесполезны, и знал, что сам совершил ошибку: лучше уж Карла в хлеву или на лугу, чем вообще никакой Карлы. Я оставался в Париже и ждал того знаменательного летнего дня – годовщины нашей встречи. Две недели до и после я заходил в кафе, полагая, что, возможно, она забыла точную дату. Но Карла так и не появилась.

С тех пор я почти каждый год, за вычетом военных лет, приезжал в Париж и всегда старался растянуть свое пребывание до дня нашего знакомства. Но, похоже, она исчезла бесследно, и я больше ничего не слышал о ней вплоть до того весеннего дня 1953 года. По ее просьбе мы могли бы оставить все, как есть,

еще лет на двадцать. Как же быстро они пролетели! Как они были пусты и как могли бы быть наполнены!

Я был мужчиной сорока с лишним лет, который завершил свою охоту.

Но нет, охота не завершилась. Возможно, теперь, зная, кем она была, я мог бы выяснить, как провела она последние двадцать лет жизни.

48 Я прождал пару дней, высматривая в газетах новые сообщения о смерти Карлы. Больше ничего не появлялось. Тема ее смерти исчезла со страниц почти так же загадочно, как исчезла она сама.

Спустя три дня после публикации статьи я обратил внимание на небольшую заметку в колонке некрологов одной газеты. Там просто говорилось, что баронесса будет похоронена в тот же день на частном семейном кладбище и что ее оплакивает единственная дочь.

На следующий день я с утра пораньше позвонил Анджеле Арвон.

Адреса в списке не оказалось, но я нашел в справочнике телефонный номер: он был по-прежнему записан на имя барона Бориса Арвона.

После второго гудка трубку снял мужчина.

– Могу ли я поговорить... – я запнулся, не зная точно, на какой титул могла претендовать девушка. Наконец я сказал: – Могу ли я поговорить с мадмуазель Арвон?

– Простите, а кто ее спрашивает?

Лишь тогда осознал я всю тщетность своих усилий. Что может значить мое имя для девушки, совсем недавно лишившейся матери? Ничего, и она не захочет со мной разговаривать.

– Говард Каннингем, – ответил я. Еще никогда не произносил я своего имени с такой безысходностью.

– Пожалуйста, подождите минутку, сударь. Я посмотрю, дома ли мадмуазель.

«Без сомнения, нет», – подумал я. Но затем, к своему удивлению, услышал в трубке женский голос:

– Мистер Каннингем?

– Да.

– Это Анджела Арвон. Вы – тот американец, мистер Каннингем, старинный друг моей матери? – Голос у нее оказался намного нежнее, чем у матери: у Карлы голос был хриплый, чувственный.

– Да, – ответил я. – Я удивлен, что вы знаете обо мне.

– Я о вас ничего не знаю или, в любом случае, знаю очень мало. Не могли бы вы приехать, хотя бы на пару минут?

– Разумеется.

– Сможете сегодня утром, прямо сейчас?

– Да, – сказал я, и она дала адрес.

50 Особняк Арвонов располагался в Булонском лесу. Это был огромный дом, довольно уродливый снаружи, если не считать уже расцветшего английского сада и каштановой рощи, опоясывавшей имение с трех сторон.

Миновал высокие ворота, я подъехал к дому по аллее и остановился в нескольких ярдах от террасы, где шофер Арвонов сел за руль моей машины и отогнал ее на задний двор. Поднимаясь по ступеням к двери, я неожиданно для себя затрепетал, ощущая присутствие Карлы повсюду: я чувствовал его во всем, что окружало меня.

Даже в девушке, открывшей дверь. Она была такого же возраста, в каком я знал ее мать, но бледнее Карлы, и печаль ее была тяжелее. Прическа – такая же, как у матери, но волосы другого цвета – яркие, золотисто-каштановые, а глаза зеленые. Она носила глубокий траур и печально улыбнулась, пригласив меня войти в дом. Шагая впереди, Анджела провела меня в гостиную, и лишь когда девушка чуть отошла от меня, я заметил, что она намного ниже Карлы.

– Пожалуйста, садитесь, мистер Каннингем. Что вы пьете в это время дня?

– Ничего.

Она налила два бокала хереса, а затем села рядом со мной на диван. Я изо всех сил старался не смотреть на нее.

– Ваша мать говорила обо мне? – спросил я.

– Лишь за день до смерти. И она почти ничего о вас не сказала.

– Не могли бы вы...

– Она сказала: «Анджела, думаю, на днях сюда позвонит один американец по имени Говард Каннингем. Я хочу, чтобы ты попросила его приехать и отдала ему этот конверт». Я спросила, почему она не может отдать его сама, но мама улыбнулась: «Возможно, мне не удастся с ним встретиться. Пожалуйста, не спрашивай меня ни о чем, дорогая; просто сделай, как я говорю. И будь с ним любезна, потому что я очень сильно его любила». Вот и все, что она мне сказала. Подождите, я принесу конверт.

51

Она встала, прошла через всю комнату, а затем вернулась и протянула письмо.

– Если хотите прочесть прямо сейчас – пожалуйста. Я оставлю вас на пару минут.

Я вскрыл конверт и обнаружил внутри два листа гербовой бумаги Арвонов. Первая страница была датирована днем накануне ее смерти, и я прочитал на ней следующее:

«Дорогой мой Говард!

Прежде чем написать тебе это письмо, я прождала почти двадцать лет, и теперь, когда, наконец, приступила к нему, у меня очень мало времени, и я должна спешить.

Я люблю тебя и никогда не переставала любить. И я хочу, чтобы ты узнал обо всем, что со мной произошло, поскольку ты подвел меня, когда я страшно в тебе нуждалась. Я сказала тебе, что сойду с ума. Но я познала лишь преднамеренное безумие, которое охватывало меня между полуночью и рассветом – в часы, когда мы были вместе. Я прилагаю список людей, с которыми прошу тебя встретиться. Это неполный список моего безумия, но он состоит из людей, которые должны помнить твое имя. Большинство из них видели тебя, точно так же, как видела тебя я, медленно проезжая мимо нашего кафе в каждую годовщину нашего знакомства. Я действительно видела

тебя прошлым летом: ты, конечно, постарел, но, по моему, стал более зрелым и привлекательным. Как я мечтаю провести с тобой хотя бы еще одну ночь на дугу!

Обойди всех перечисленных людей, но обязательно в том порядке, в каком они перечислены. Думаю, большинство из них расскажут тебе все, о чем я хочу тебе поведать.

52 Если ты читаешь это письмо, значит, я умерла. Вместе с ним я оставляю записку Анджеле, которую она найдет на следующий день после моей смерти. Она заплатит много денег, чтобы газеты больше ничего не писали о моей кончине. О ней могли бы вообще ничего не написать, но это необходимо, чтобы ты узнал и приехал в мой дом – дом Бориса.

Когда встретишься со всеми перечисленными людьми, я хочу, чтобы ты вновь приехал в этот дом.

Я никогда не переставала тебя любить,

КАРЛА».

На втором листе перечислялись шесть имен с адресами. Я уставился на эти имена невидящим взором, вспоминая Карлу и потягивая херес.

Анджела вернулась в комнату и села рядом со мной.

– Я так рада, что вы здесь, мистер Каннингем. Она любила только нас двоих.

– Да, – вздохнул я, – надеюсь, вы не подвели ее так жестоко, как я.

– Я всегда чувствовала, что ради меня она отказывалась от многого, и старалась сделать так, чтобы ее жертвы были оправданы. Не могли бы вы рассказать, когда познакомились с моей матерью?

– Вскоре после смерти вашего отца. Мы расстались, потому что я хотел на ней жениться, а она не могла из-за... – Я запнулся.

– Из-за меня.

Мы замолчали, и я наблюдал, как тяжело она дышит.
– Лучше мне уйти, – сказал я. – Ваша мать хотела, чтобы я встретился ради нее с некоторыми людьми.

– Вы еще придете? Пожалуйста.

– Спасибо. Мне бы очень хотелось. После того, как увижусь с этим людьми.

Мы встали, и она протянула мне руку. Я не удержался, притянул девушку к себе и поцеловал ее в лоб. Это было отеческое прикосновение, похожее на первый контакт с ее матерью. Но как только мои губы коснулись ее холодного лба, она словно прижалась ко мне. Я не хотел прерывать нашей близости, но в конце концов все же отодвинулся. Щеки Анджелы теперь порозовели, а зеленые глаза засветились. Я ласково погладил ее лицо.

– Вы так похожи на мать.

Она опустила свою ладонь на мою и вновь притянула меня ближе.

– Мне нужно идти.

– Да... – Но никто из нас не шелохнулся.

Я почувствовал перед собой свежесть ее молодости и, несмотря на все попытки взять себя в руки, понял, что мое возбуждение выпячивается под брюками. Она прижалась животом к этой выпуклости и вздрогнула, словно коснулась пламени.

Опустив глаза, я заглянул в вырез ее платья. Она тяжело дышала, и я видел, как вздымаются и опадают два белых холмика. Они расходились мягкими дугами, покачиваясь из стороны в сторону. Анджела намеренно шевельнулась, и два нежных розовых сопочка мелькнули на миг, а затем скрылись из виду. Я знал, что если не отступить, может случиться нечто постыдное.

– Лучше мне уйти, – сказал я и отступил от нее.

– Я скажу, чтобы вашу машину подогнали ко входу, – она опустила взгляд на выпуклость у моего гульфика, а затем проскользнула мимо и вышла из комнаты.

– Ее пригонят через минуту, – сказала она, возвратившись, и я последовал за ней по главному коридору к парадной двери. Она встала на пороге, повернувшись ко мне спиной. Как бы невзначай передвинувшись, она оказалась прямо передо мной. Сквозь свои брюки и ее траурное платье я почувствовал округлые ягодицы; она плавно, по-кошачьи скользнула в сторону.

Но потом подъехала машина.

54 – Вот и она, – сказала Анджела, повернувшись ко мне. Мы пожали друг другу руки. – С нетерпением буду ждать встречи с вами.

Она проследила, как я сел в машину и поехал к воротам имения. «До чего же она похожа на мать», – подумал я.

Из шести адресов, оставленных Карлой, первые два были парижские, третий – на Ривьере, следующие два – снова парижские, а последний – где-то близ Пиренеев. Проще было бы съездить по третьему и шестому подряд, чтобы не возвращаться в промежутке в Париж, но, очевидно, Карла не случайно настаивала на этой последовательности. К тому же из-за Карлы я совершил столько путешествий, что еще одно не доставило бы мне больших неудобств.

После встречи с Анджелой Арвон я в тот же день позвонил первому человеку из списка – мужчине по имени Петер ван Дроофт. Это был левобережный номер. Трубку сняла женщина.

– Могу ли я поговорить с мсье ван Дроофтом?

– Сейчас он занят. Попросить, чтобы перезвонил вам?

– Нет, я собираюсь отлучиться из отеля.

– Не могли бы вы позвонить примерно через полчаса?

– Да, хорошо.

Я перезвонил, но он по-прежнему был занят. Когда я позвонил в третий раз, женщина спросила, хочу ли я записаться на прием. Я ответил: «Да».

– Он сможет принять вас сегодня в четыре, – сказала она.

– Прекрасно, – я повесил трубку, задумавшись: «Он что, врач?»

Я подъехал к многоквартирному дому без четверти четыре. Здание было старое и довольно ветхое; так как консьержки не наблюдалось, мне пришлось

чиркать спичками, дабы прочитав список жильцов на стене внизу лестницы. Ван Дроофт жил на шестом этаже.

Подъем стоил мне больших усилий, поскольку лестница была узкая, а ступеньки – высокие. Тяжело дыша, добрался я до шестого, последнего, этажа. На площадке было две двери, одна – без ручки. Я постучал в другую.

56 – Войдите, – послышался женский голос – тот самый, с которым я разговаривал по телефону.

Я повернул ручку и вошел в маленькую прихожую. Помимо письменного стола, за которым сидела женщина, я заметил лишь три предмета мебели: два деревянных стула и пепельницу между ними.

– Вы – мистер Каннингем?

– Да.

– Присядьте, пожалуйста. Мистер ван Дроофт примет вас через минуту.

Ей было около сорока, и она была очень тучна. Черные как смоль волосы закручивались тысячей маленьких завитков, похожих на пружинки, которые дрожали при разговоре. Круглое белое лицо было густо напудрено, а на щеках горели два ярко-красных пятна. Она слишком сильно красила губы, подводила тушью свои огромные черные ресницы и голубыми тенями – веки, а поверх выбритых бровей у нее были нарисованы толстые черные линии, похожие на усы. В низком кружевном вырезе платья виднелись контуры сдавленных грудей, которые напомнили мне два засунутых в лиф арбуза.

Она заметила, что я смотрю на нее, и улыбнулась, приоткрыв толстые красные губы и обнажив желтые зубки.

Внезапно из двери за моим стулом мужской голос выкрикнул:

– Колетт!

Колетт встала, обернулась и повернула небольшую ручку в стене за столом, после чего заглянула туда. Мужской голос что-то пробормотал, и Колетт сказала: – Хорошо.

Вернув ручку на место, она вытерла руки о бока и прошагала к двери у меня за спиной.

– Извините, – сказала она.

В тот миг, когда Колетт открыла дверь, что-то заставило меня обернуться, и я успел заметить комнату без мебели, а также двух обнаженных молодых людей. Один из них наклонялся, упираясь ладонями в колени, а другой стоял у него за спиной с наполювину вставшим членом. Затем дверь закрылась.

Меня одолело любопытство, я встал со стула, подошел к столу Колетт и быстро повернул ручку в стене. Как только отверстие открылось, я смог заглянуть в соседнюю комнату, которая, несомненно, была фотостудией. Самого фотографа я не увидел, но заметил двух молодых людей. Оба они теперь стояли. Колетт вразвалку вошла в мое поле зрения, и я увидел, как она с большими усилиями стянула с себя платье. Больше на ней ничего не было: ее тело обвивали слои рыхлой плоти, и при малейшем движении все складки дрожали и колыхались. Маленький треугольник темных волос почти полностью закрывали нависавшие студенистые бедра. Огромные груди тяжело свисали, заканчиваясь багряными сосками. На ней не осталось ничего, кроме замшевых туфель. Пройдя еще немного, она взобралась на белый стол и как можно шире раздвинула бедра. Оба юноши подошли к ней. У одного из них, темноволосого, уже стоял, а блондин торопливо дергал свой жезл, чтобы тот поскорее затвердел.

– В чем дело? – спросил голос, позвавший Колетт из-за двери, но его владельца я так и не увидел. – Не можешь его поднять?

– Хотелось бы взглянуть, как вы поднимаете свой, если вам придется трахать эту старую калошу, – сказал блондин.

Колетт рассмеялась.

– Посмотри, как его нужно поднимать, сынок. Правильно, Петер? – он протянула руку и схватила жирной ладонью орудие юноши. Когда оно встало, Колетт прибавила: – Лучше быстрее засунь, милый, пока он снова не опал.

58

Она откинулась назад, и юноша вклинился у нее между бедрами: его член мгновенно скрылся в горе мягкой бурой плоти. Другой парень встал за спиной у первого и вставил конец члена в анус своего друга.

– Теперь замрите, – сказал фотограф. Они замерли.

Послышалось несколько щелчков и какой-то шелест, затем все трое сменили позы: один юноша находился теперь спереди, а второй – сзади Колетт. Потом было несколько крупных планов: Колетт широко улыбается с членом в каждом ухе; Коллет широко улыбается с одним членом во рту и другим – между грудями; лоно Колетт широко улыбается, пока один из парней жадно его лижет.

– Все, – сказал фотограф. – Ребята, оденьтесь в другой комнате.

Я со щелчком закрыл отверстие и вернулся на свой стул. Не успел я сесть, как у меня за спиной распахнулась дверь, и в комнату вошла Колетт, которая для приличия снова влезла в платье.

– Мистер ван Дроофт сейчас вас примет, – сказала она. Я прошел в студию, и она закрыла за мной дверь. Ван Дроофт возился с объективом. Мне показалось, что он примерно моего возраста, но поскольку был очень худым, выглядел чуть-чуть старше. Он дружелюбно улыбнулся.

– Мистер Каннингем? – спросил фотограф, и я кивнул. – Чем могу служить, сударь?

– Я пришел по просьбе... – я чуть было не сказал: «баронессы Карлы Арвон», но решил, что, скорее всего, она не представлялась ему. – ...Карлы. У нее были такие платиново-голубые волосы. Я не знаю...

– Карла, – повторил он с некоторым изумлением. – Как давно я не видел ее.

– Она умерла, – бесстрастно сказал я.

– Какая жалость.

– Да, она оставила мне письмо, в котором просила встретиться с вами. Она сказала, вам есть о чем мне рассказать.

– Каннингем, Каннингем, – очень тихо проговорил он. – Наверное, вы – Говард Каннингем?

– Совершенно верно.

– Боже мой, никогда не думал, что вы и впрямь придете. У меня для вас пакет – я приготовил его почти двадцать лет назад. Мне понадобится время, чтобы его откопать. Но, вероятно, сначала нам нужно поговорить. Вы сейчас свободны?

– Да.

– Что ж, на сегодня ко мне больше никто не записан. Давайте пройдем в гостиную, и я расскажу все, что вам хотелось бы узнать о Карле.

Я последовал за ним в соседнюю комнату, где все еще одевались юноши. Ван Дроофт указал мне на стул, затем налил два бокала вина и уселся напротив.

– Нельзя ли побыстрее? – сказал ван Дроофт молодым людям.

– Мы и так торопимся, – ответили они. Мы оба молчали, пока они не завязали шнурки и не вышли через студию.

– В память о Карле, – провозгласил он тост и пригубил вино. – Так что же вам рассказать?

– Все.

– Но ведь все – это слишком много.

– Нет, я хочу знать все.

– Во всех подробностях?
– Во всех подробностях.
– Тогда я начну с одного осеннего вечера много лет назад. Я был тогда еще очень молодым фотохудожником. Камера заменяла мне тубики с красками. Я не желал становиться бизнесменом, мне хотелось делать снимки, которые можно было бы назвать искусством. В то время меня больше всего интересовали лица. Я вечно искал какое-нибудь новое, необычное лицо. Впервые увидев Карлу, я подумал: какое интересное, страдальческое лицо. Должен признать, оно показалось мне также красивым.

Я увидел ее на террасе одного кафе холодным осенним вечером много лет назад. Просто шел мимо, но, заметив этот безутешный лик, тотчас остановился и присел за соседний столик. Я раздумывал, как же решиться попросить эту явно несчастную женщину позировать мне. Я все еще подыскивал предлог, как вдруг к ней подбежал один очень грубый молодой человек. Признаюсь, это были вы. Естественно, я подслушал ваш разговор: даже если бы не сидел так близко от Карлы, я все равно услышал бы его, ведь этот глупый молодой человек – да-да, мистер Каннингем, он был глуп – громко орал и пусто-словил. Он сказал:

– Карла, я пришел в последний раз. Ты не передумала?
Девушка молчала. Он повторил:

– Ты не передумала?

И она ответила:

– Как бы я передумала? Ты же знаешь, что это невозможно.

– Возможно. Тебе придется сделать то, что я прошу, или мы расстанемся.

– Нет, прошу тебя, не говори так.

– Это правда. Все кончено. Я больше не придду.

– Ты даже не представляешь, что со мной станет, – сказала она.

И тогда он довольно ядовито, как я понял позднее, возразил:

– С тобой все будет хорошо. С тобой все должно быть хорошо, ради Анджелы.

Затем молодой человек развернулся и исчез. Девушка молча плакала. В этот момент я решил уйти, но затем неожиданно обратился к ней. Вы считаете это эгоистичным? Возможно, но в молодости я был нечуток к другим, и хотя обычно вел себя нерешительно, там, где дело касалось моего искусства, проявлял упорство. Поэтому я сказал:

– Я случайно подслушал ваш разговор. Могу ли я чем-нибудь вам помочь?

Похоже, она не услышала, и тогда я повторил вопрос.

– Нет, нет, нет, – ответила она сквозь слезы.

Я понял, что настаивать бесполезно, и поэтому достал из кармана клочок бумаги и написал: «Я – фотограф, и мне хотелось бы сделать несколько этюдов вашего лица. Я не в состоянии платить за подобные услуги, но вместо платы вы получите копии снимков. Если когда-нибудь вы великодушно уделите мне несколько минут, я буду вам весьма признателен». Я написал имя и адрес, положил записку на стол и вышел из кафе.

Я ничего не слышал о ней неделю или дней десять. И вот одним поздним вечером, когда я лежал в постели и читал, в дверь постучали. Я надел брюки и халат поверх пижамы, прошел через студию в прихожую и открыл дверь.

– Господин ван Дроофт, – сказала она, протягивая мне записку, которую я оставил в кафе.

Отодвинув записку в сторону, я сказал:

– Как можно вас забыть! Пожалуйста, входите, – она прошла вслед за мной в комнату, где мы сейчас сидим. – Признаться, вы откликнулись на мое приглашение в непривычное время.

– Извините, но другого у меня нет.

Я взял у нее пальто, и мы сели. Мой взгляд – взгляд мужчины и фотографа – упивался ее телом: платье скрывало и одновременно разоблачало его. Она была очень терпеливой моделью, и ей невероятно нравилось работать. Пару раз я извинился, что не могу ей заплатить, и наконец она сказала:

– Деньги мне не нужны, и я просто счастлива, что могу быть вам полезной.

62

Мы проработали три или четыре часа, изредка делая перерывы. В паузах пили вино и кофе и немного разговаривали, но беседа была совершенно безличной. Честно говоря, я боялся, как бы она не догадалась, что я заманил ее к себе под лживым предлогом, и поэтому старался не заговаривать о нас двоих. Она же, возможно, посчитала это признаком холодности, вследствие чего не хотела говорить о себе. Так было не только в первую, но и во все последующие ночи: дело в том, мистер Каннингем, что Карла стала очень часто заходить ко мне в студию.

Пару недель я делал лишь этюды ее лица, а затем перешел к портретам в полный рост – в разных костюмах и в различной обстановке. Она отнеслась к этому с восторгом и даже начала приносить с собой чудесные костюмы. Впервые фотографируя ее в костюме, я застеснялся и попросил надеть платье.

– С удовольствием, – сказала она.

– Можете переодеться в гостиной, – предложил я.

– Как вам угодно, – ответила она, странно улыбнувшись, и ушла в неосвещенную гостиную, оставив дверь открытой. Я готовился в студии к следующему снимку, и шорох одежды меня отвлекал. Скосив взгляд, я заметил, что она стоит голая в полумраке соседней комнаты. Я быстро отвернулся, но зов ее плоти опалил меня. И так было всякий раз, когда она надевала или снимала костюм: я всегда бросал один-единственный взгляд на ее тело в темноте.

Однажды – возможно, нечаянно – я оставил свет в гостиной включенным. Она ничего не сказала, но переодевалась дольше обычного, и в тот раз я задержал на ней взор, следя за ее медленными небрежными движениями. После этого я всегда оставлял свет включенным, и в конце концов, она начала переодеваться практически в дверях между комнатами, а потом вообще перестала выходить для переодевания из студии. Тем временем я отрывался от приготовлений и смотрел на нее. Она двигалась невероятно медленно: каждую пуговицу, каждый крючок расстегивала несколько минут. Она изящно стягивала с себя платье, и каждый сантиметр ее тела появлялся на свет, подобно откровению. Сняв платье, она потягивалась, как будто наконец вырвавшись на волю, а затем начинался долгий процесс расстегивания бюстгальтера. Появлялись груди, и соски смотрели на меня, словно глазки, которые спрашивали: «Почему ты не подойдешь ближе?» Каждая частичка ее тела была упругой и при этом мягкой. Мне хотелось фотографировать его и в то же время обладать им.

Однажды, оставшись совершенно голой, она вернулась ко мне и сказала:

– Петер, сфотографируйте меня, пожалуйста, вот так.

– С удовольствием, – ответил я и начал готовить композицию. Во время этих съемок она была очень послушна, и мне достаточно было дотронуться до нее, чтобы она приняла нужную позу. Трудно было сохранять самообладание, когда я брал ее за руку, плечо или гладкую теплую ногу. Она улыбалась, ничего не говоря и лишь время от времени спрашивая:

– Так лучше?

Порой, когда она отдыхала после съемок, ее бедра нечаянно раздвигались, и я мельком поглядывал на манящую черточку, рассекавшую ее мех. Я ждал, что бедра раздвинутся больше, и они раздвигались – но лишь чуть-чуть, позволяя догадываться о том, что за

яства стояли на этом столе. Я начинал быстро, тяжело дышать, откровенно опускал взор, и бедра вдруг смыкались, подобно часовым. Съемки обнаженной натуры продолжались неделю или дней десять, а затем, однажды вечером, Клара спросила:

– Петер, я прочитала очень интересную статью – о цветной пленке. Вы никогда не пробовали?

– Боже мой, нет. Вы знаете, какая она дорогая? Я не смог бы себе ее позволить.

– Так и знала, что вы это скажете. Но знаете, что я сделала? Заказала целую кучу. Я подумала, что интересно будет попробовать.

– Я не могу ее взять, Карла. Я не в состоянии заплатить за нее и не могу принять в дар...

– Ах, пустяки, Петер. Какой же вы зануда. Наверное, это все из-за вашей холодной северной крови.

– У меня только отец был северянином, а мать – испанка.

Она язвительно рассмеялась:

– Кто бы мог подумать! Вы хотите сказать, что где-то внутри у вас есть большая, длинная, твердая и страстная жилка?

Поскольку эта большая, длинная, твердая и страстная жилка убедительно проявляла себя, как минимум, дважды за ночь последние два месяца, я воздержался от замечаний. Тогда, да и сейчас, я мог бы объяснить свое поведение лишь туманным и довольно ханжеским словом «честь». Я попросил Карлу прийти ко мне позировать, и хотя больше всего на свете жаждал перемены в наших отношениях, – да и Карла, несомненно, была не против, – возможно, подходящий момент еще не настал. Если испанец во мне страстно желал наброситься на эту восхитительную женщину, то железный голос голландца шептал о сдержанности. Казалось, голландец пока держал все под контролем, однако испанец бесновался и сводил с ума второе «я».

Но вернемся к нашему разговору. Я сказал:

– Извините, Карла, мне кажется, я не должен принимать этот подарок.

– Петер, поверьте, вы доставили мне столько удовольствия в этой студии и, я не сомневаюсь, доставите еще больше в будущем, что мне очень хочется подарить вам хоть что-нибудь взамен. Возьмете?

Тем временем она раздевалась и, оставшись совсем голой, приблизилась и повторила:

– Возьмете?

– Я не могу, – ответил я.

– Ну возьмите...

Рука моя судорожно сжалась от желания:

– Хорошо, возьму.

Она придвинулась, и наши тела соприкоснулись, но я резко отвернулся. Скрылся в гостиной и налил себе выпить, потом еще. Немного успокоившись, я вернулся в студию: Карла лежала в шезлонге. Улыбаясь, она сказала:

– Я так рада, что вы приняли мой подарок.

– Единственная беда в том, – произнес я, – что я ничего не смыслю в цветной фотографии. У меня нет необходимого освещения и...

– Не страшно. Я обо всем позаботилась.

И правда: однажды после обеда, примерно через неделю, ко мне в студию пришли двое мужчин с огромным ящиком. Карла позаботилась обо всем: пленке, освещении, проявителе, камере и даже коробочке с макияжем для цветной фотографии. Остаток дня и весь вечер я читал книги и учебники, доставленные вместе с посылкой. К тому времени, когда пришла Карла, у меня голова шла кругом от новой информации.

– Я потратил восемь часов, – сказал я, – пытаюсь составить себе хоть какое-то представление.

– Посылка пришла сегодня? – спросила она с некоторым разочарованием. – Я думала, ее доставят только завтра.

– Разве это имеет значение?

– Н-нет, конечно, не имеет. Но давайте подождем до завтра.

– Меня это вполне устраивает, – сказал я. – Я и сам собирался попросить вас подождать: честно говоря, я весь измотан. Не хотите немного прогуляться? Я бы с удовольствием подышал воздухом.

Ночь стояла холодная, и улицы в столь поздний час были пустынные. Мы погуляли с полчаса по бульвару Монпарнас, а затем я предложил зайти в одно из кафе, расположенных на бульваре. Я знал кучу людей, часто посещавших эти кафе, и большинство из них уже начали беспокоиться, почему я не захожу по вечерам. Мое неожиданное появление с одной из самых восхитительных красавиц на свете произвело бы фурор. Но Карла отказалась.

– Я против, – сказала она. – Не хочу, чтобы меня увидели. Это маловероятно, но, возможно, там окажутся мои знакомые.

– Вам стыдно появляться со мной в обществе? – я очень рассердился, особенно потому, что как раз представил себе, с какой гордостью буду шагать рядом с ней.

– Нет, это не имеет никакого отношения к вам, Петер. В обычное время я бы с гордостью появилась на людях с таким талантливым человеком, как вы. Но сейчас... давайте пойдем в какое-нибудь небольшое заведение в переулке, и я попытаюсь вам объяснить.

– Ладно, – довольно угрюмо сказал я. В ту ночь Карла впервые заговорила о себе. Ее рассказ был расплывчатым и обобщенным. Какова в нем доля правды, я не знаю до сих пор. Во всяком случае, она рассказала мне о дочери и своем нежелании, чтобы ребенок знал об ее отлучках.

В ту же ночь она поведала о вас, мистер Каннингем, и попросила, чтобы я сложил все фотографии – или, точнее, их копии – в пакет и сохранил для вас.

– Как же он узнает обо мне, если вы не собираетесь с ним больше встречаться и даже не знаете его адреса? – спросил я.

– Узнает. Обещаю вам. Возможно, пройдет очень много лет, Петер, но однажды он зайдет к вам в студию.

Я оставил для вас этот пакет – среди снимков и впрямь есть весьма необычные. В общем, в ту ночь мы с Карлой очень много говорили – в основном, о нас, и это было восхитительно, ведь в наших отношениях наметился сдвиг. В ту ночь мы сблизились просто потому, что проговорили до рассвета. Он наступил неожиданно, и Карлу охватила паника. Я поймал для нее такси, она чмокнула меня в щеку и села в машину.

– Я очень рада, – сказала она, когда я закрывал за ней дверцу, – что вы готовы принять мой подарок.

Она улыбалась, а такси катилось по улице.

На следующий вечер она вела себя странно и нелепо на меня поглядывала. Говорила очень мало, и мы решили сразу же приступить к экспериментам с цветом.

– Лучше мне сначала наложить грим, – сказала она и открыла набор красок, доставленный вместе с оборудованием.

Затем Карла разделась – это заняло еще больше времени, чем обычно, и она была на удивление неаккуратна. Сняв платье, бросила его на пол. Уронила сверху бюстгальтер и приподняла грудь так, что розочки сосков повернулись ко мне.

– Нужно нанести сюда немного грима, – произнесла она, указав на соски, – чтобы их лучше было видно в цвете. Поможете?

Я кивнул, но не смог выдать из себя ни слова. Затем она начала медленно стягивать трусики вдоль боков, бедер, ног. Треугольник в паху показался мне почему-то незнакомым, словно я видел его впервые. Вероятно, во мне проснулся испанец, и я не мог оторвать

от нее взгляд. Он – я – мы видели тело, которым необходимо было овладеть, причем овладеть насильно и всеми мыслимыми способами. Мне хотелось использовать каждую его частичку, ведь каждая частичка, казалось, уже готова, пульсирует, трепещет и звенит в предвкушении.

Трусики упали на пол, и она ногой отпихнула их к груди одежды.

– Мне кажется, сначала вам нужно меня напудрить, – сказала она.

Я подошел к косметическому набору и вынул из обертки мягкую пуховку, затем откинул крышку пудреницы и, опустив пуховку туда, обильно смазал ее пудрой. Подойдя к Карле, я начал осторожно покрывать ей плечи розовой пылью, и нас окружил аромат. Карла развернулась, и я напудрил ей спину и верхнюю часть ягодиц, но вдруг замешкался.

– Хорошо бы припудрить и ниже. Вам так не кажется?

Я подчинился и стал водить пуховкой по округлостям ее плоти. При соприкосновениях у меня покалывало в кончиках пальцев. Когда я начал пудрить бедра, они мягко раздвинулись, правда, совсем чуть-чуть, так что между ними втиснулось лишь несколько тонких волосков пуховки. Вдруг Карла резко развернулась, и так как я стоял на коленях, лицо мое уперлось в другую пуховку – ее собственную. Я попятился и встал на ноги, не глядя ей в глаза, а затем стал пудрить ей шею и грудную клетку. Обвел кисточкой ее груди, и она вздохнула; мои пальцы двигались вокруг ее сосков. Снова встав на колени, я напудрил ей живот и широкие бедра, а затем провел пуховкой по треугольнику светлых волос.

– Нет, здесь не надо, – сказала она. – Для волос темный цвет лучше.

– Потом, – ответил я, не желая прерываться.

Я покрыл пудрой переднюю сторону бедер, и они вновь раздвинулись, на сей раз шире, чем я ожидал, –

настолько широко, что я даже увидел влагу, прилипшую к скрытым волосам. Я припудрил внутреннюю часть бедер, выгнув руку так, что костяшки пальцев проскользнули между шерстистыми губками. Она вздрогнула и простонала. Мое сердце страстно забилося, и я уже готов был впиться ртом в ее тепло, но бедра внезапно сжались.

– Колени, – сказала она, – вы забыли про колени.

Колени и лодыжки я припудрил наскоро, ведь предмет моего интереса располагался выше. Отодвинувшись, Карла сказала:

69

– Немного румян на соски, – но, поскольку я не шелохнулся, сама подошла к коробочке и принесла мне румяна. Поднявшись, я начал подкрашивать соски, разглаживая и прихлопывая, а затем растирая краску пальцами. Я взял еще немного румян и нанес на грудь пару светлых полосок, дабы оттенить их тон. Обхватывая обеими руками груди, я сжимал их, втирая краску в кожу.

Я снова наклонился и нанес румяна на волосы в паху, мягко разглаживая, обводя изгибы ее тела пальцами и просовывая их в горячую влажную канавку внизу.

– Вот теперь мы, кажется, готовы, – сказала она и отвернулась.

– Готовы? – повторил я с глупым видом.

– Фотографироваться, конечно.

– Фотографии подождут, – сказал я.

– Нет-нет, – улыбнулась она. – Фотографироваться мы будем сейчас. – И она улеглась в шезлонге. – Принесите мне, пожалуйста, бокал вина, Петер.

– Нет.

– Прошу вас... А потом будем сниматься.

Я ушел в соседнюю комнату, разделся, налил два бокала вина и хотел было уже вернуться в студию, но остановился, поставил бокалы на стол и снял с себя всю одежду. Не могу передать вам, с каким облегчением

освободил я страждущий член, упирившийся в брюки. Итак, полностью разоблачившись, я снова взял бокалы и, как только собрался войти в студию, замер в дверях, как вкопанный, не в силах пошевелиться или что-либо сказать, ибо прямо у меня на глазах разыгрывалась невероятная сценка.

Карла по-прежнему лежала в шезлонге, ее кожа была бархатистой от пудры, соски сверкали румянами, а сама она смотрела через всю студию на дверь, ведущую в прихожую. Она казалась такой беспечной, что я не мог поверить, будто она видит то же, что и я. Там стоял довольно низкий, но хорошо сложенный мальчик лет семнадцати, безумно уставившись большими черными глазами на Карлу. На нем была футболка и, как мне вначале показалось, больше ничего, но потом я увидел шорты. Мы трое просто неподвижно смотрели друг на друга, как вдруг мальчик взъерошил копну черных волос, а затем опустил обе руки на резинку шорт и спустил их вдоль бедер. Наружу вырвался его большой возбужденный член.

– Тебе нравится? – крикнул он ей, и его голос эхом отдался в студии.

– Да, да, да, – закричала она ему в ответ, и ее ноги широко раздвинулись – так широко, что передо мной раскрылась зардевшаяся плоть.

Мальчик сорвал с себя футболку, стянул шорты и, ринувшись через всю комнату, запрыгнул сверху на Карлу. Их раскрытые рты с громким шлепком соединились. Я увидел, как Карла, изогнув руку, дотянулась ладонью до члена мальчика. Запрокинув колени, она прижала его головку к своему отверстию, и мальчик одним махом засадил член до конца. Они заскакали, забились, закачались и завертели, как черт знает что.

Я уронил бокалы с вином на пол и помчался к шезлонгу.

– Прекратите, – заорал я. – Что вы делаете?

Но они не обращали на меня внимания, продолжая трахаться, как будто меня вообще не существовало. Схватив мальчика за плечо, я попытался оттащить его от Карлы, но она обвила его спину ногами, удерживая на месте. Стоя рядом с ними, я вопил: «Прекратите, прекратите», разрываясь между гневом и страстью. Они оба застонали, а его член захлюпал, двигаясь туда и обратно в сочном влагалище. Карла закричала, и мальчик бессильно повалился на нее; после этого послышалось лишь хриплое дыхание.

71

Вновь схватив мальчика за плечо, я потянул его, и на этот раз мне удалось оттащить его и поставить на ноги.

– Как ты сюда попал? – спросил я.

Он молча уставился на меня, а затем опустил взгляд на свой красный, сочащийся жезл, чей вид привел меня в еще большую ярость.

– Отвечай, – завопил я. – Как ты сюда попал?

– Через дверь, – ответил он.

– Кто ты такой?

– Никто.

– Скажи мне, кто ты!

– Я скажу тебе, кто он, – лениво проговорила Карла.

Я повернулся к ней:

– Ты грязная шлюха! Ты что, даешь каждому, кто заглянет в дверь?

– Нет, не каждому, Петер, – она казалась оскорбленной. – Но он такой милашка. Иди сюда, дорогой, давай повторим. (Последние слова были обращены к мальчику.)

Он повернулся к ней.

– Ничего вы не повторите. Одевайся и проваливай отсюда.

– Я? – спросила Карла с улыбкой.

– Нет, не ты. О тебе я позабочусь, как только он уйдет, – я глянул на мальчика. – Убирайся!

– Я не хочу, – сказал он. – Я хочу еще, – и он обхватил ладонью лоно Карлы.

– Довольно, – сказала она ему. – Лучше уйди. Мне нужно оставить немножко для Петера.

– Я не уйду.

– Нет, уйдешь, – сказала она, убирая его руку. – А не то больше ничего от меня не получишь.

– Хорошо, но дай мне чуть-чуть тебя полизать.

Он встал на колени перед шезлонгом, и его лицо исчезло в болотце ее чресл.

– Я не потерплю этого, – сказал я.

72 – Не шуми, Петер, и иди сюда. Да-да, иди сюда.

Я повиновался и, прислонившись к шезлонгу, засунул конец члена в прелестный алый ротик Карлы. Она задвигала головой, заглатывая мой жезл все глубже и глубже. От теплоты к нему прилила кровь, и когда Карла обвила его языком, я содрогнулся. Оставив мой орган, она припала ртом к мошонке и быстрыми короткими движениями игриво ее пососала. Я осторожно обошел Карлу и набросился на нее, резко оттолкнув при этом мальчишку. Тот упал на пол, и я обнаружил, что мое лицо находится теперь вровень с пахом Карлы. Сдвинувшись вниз, почувствовал, как она снова вставила мой член себе в рот, и в ту же минуту лицо мое опустилось между ее бедрами, а перед глазами у меня возникла горячая трепещущая розовая плоть, залитая соками наслаждения: целый мир крепких запахов, плоти, вьющихся волос и жирной влаги. Я водил языком вверх и вниз, поедая и выпивая все яства с богатого стола Карлы. Нежно покусывал ее и чувствовал, как она в ответ покусывает мой член по всей его длине. Мой язык погружался в ее канал, быстро двигаясь туда и обратно, и все тело Карлы содрогалось: ее бросало то в жар, то в холод. У меня во рту не уместились бы все те прелести, которые она могла предложить.

Внезапно Карла вытащила мой член изо рта.

– А теперь выеби меня, Петер. Выеби меня, – вздохнула она.

Я приподнял голову и перевернулся. Наши лица неистово соединились, губы стали тереться друг о друга, а языки плотно переплелись. Я почувствовал, как она задрала подо мной ноги, а ее пещерка выгнулась и уперлась в мой пульсирующий орган. Одним рывком я вогнал его глубоко внутрь. Ноги обхватили мою спину, так крепко сжав, что я едва мог дышать. Стиснув груди, я изо всех сил дергал и месил их, и мы ни на миг не размыкали губ. Ее бедра чуть-чуть качнулись, и мои начали вторить их движениям. Мы легко покачивались взад-вперед, а затем я стал постепенно вращать внутри нее членом. Под конец я долго, медленно вытягивал и опять засовывал его: вынимал до самой головки, а затем вновь погружал до бесконечности. Она дрожала от страсти, и я чувствовал, что близится ее оргазм: мои толчки стали короче и быстрее, но я по-прежнему глубоко вонзался, словно хотел порвать стенки ее влагалища. После каждого толчка она стонала и бешено вертела языком у меня во рту. Мы кончили одновременно – в один исступленный миг, заскрежетав зубами и обратившись в хлюпающие движения собственных чресл.

Затем мы откинулись, тяжело дыша.

– Теперь моя очередь, – услышал я голос мальчика. Я не стал ему отвечать. – Вставай, – сказал он, – если не дашь мне выебать ее, я выебу тебя.

Я по-прежнему не отвечал, но затем вдруг понял, что мальчик не шутит: он вскочил сверху и попытался засадить в меня член. Извернувшись, я вновь сбросил его на пол и вскочил на ноги.

– Убирайся отсюда, – сказал я.

– Пусть останется, Петер, – взмолилась Карла.

– Нет, я не хочу его здесь видеть.

– Ты думаешь, на вас двоих меня не хватит?

– Не в этом дело. Я не желаю, чтобы какой-то незнакомый мальчишка вламывался сюда и забавлялся с моей женщиной.

– Твоей женщиной, – насмешливо повторил парень. – Как ни крути, я проник в твою женщину раньше тебя.

– Откуда ты это знаешь? – спросил я.

– Я рассказала ему, Петер.

– Ты хочешь сказать, что была знакома с ним раньше?

– Да, – рассмеялась она. – Я встретила его на прошлой неделе, возвращаясь от тебя однажды ночью. Он хотел меня изнасиловать и затащил во двор одного дома. Конечно, я могла закричать, но стать жертвой насильника – так волнующе, поэтому я просто отбилась и царапалась. Помню лишь его чудесное оружие, которое свело меня с ума.

– Я ведь славно тебя взъебал? – спросил мальчик.

– Как всегда, Жан. И Петер – тоже. Так прекрасно иметь двух чудесных мужчин: пока один остывает, другой разогревается.

Возможно, такая расстановка сил была чудесной для Карлы, но меня подобные вещи не забавляли.

– Значит, ты считаешь, что мы будем развлекаться каждую ночь втроем? – спросил я.

– А почему бы и нет?

– В таком случае я не желаю в этом участвовать. Ты могла бы встречаться с ним в другое время. Как тебе вообще взбрело в голову привести его сюда?

– Ну, если хочешь знать правду...

– Разумеется, хочу.

– Я хотела заставить тебя ревновать. Хотела довести тебя до безумия, точь-в-точь как ты сам сводил меня с ума последние недели. Каждую ночь я буквально закипала, а ты ничего не делал – просто фотографировал. В ночь встречи с Жаном я так возбудилась, что еле волочила ноги. Можешь представить себе, как возбудились мы оба, если начали кататься холодной ночью по бетонному двору. Я все рассчитала так, чтобы он пришел сюда в ночь, когда доставят цветную пленку. Я надеялась, что по-настоящему тебя заведу (и мне это удалось), а затем, когда ты

возбудишься до предела, появится Жан, и произойдет то, что уже произошло.

– Но как он смог войти через запертую дверь? – спросил я.

– Она была не заперта, – ответила Карла. – У тебя за спиной я отперла задвижку и велела ему тихо войти, раздеться до нижнего белья и ждать, пока я не отправлю тебя за вином. В эту минуту он должен был войти в комнату. Полагаю, остальное объяснять не нужно.

75

По всей видимости, Жана этот разговор не интересовал, и он сжимал в руке свой стояк, как бы пытаясь его обуздать.

– Можно теперь вставить тебе, Карла? – спросил он.

– Да-да, – она в ожидании закрыла глаза. Как и прежде, парень подбежал и набросился на нее.

– Только теперь, чур я – сверху, – сказала она.

– А мне что прикажете делать? – спросил я.

– Можешь фотографировать, – ответил Жан. – Эти снимки стоят немалых денег. Я смогу их для тебя продать.

– Да, Петер, фотографируй – на цветную пленку. Но подожди, нужно загримировать Жана.

Она встала с шезлонга и поднесла коробочку с красками к мальчику. Загримировала ему лицо, а затем напудрила тело так же старательно, как я пудрил ее.

– Наложим немного помады на член, – сказала она, – хоть он и так уже весь красный.

Она подкрасила губы, а затем, обхватив ртом член Жана, перенесла помаду туда. Потом разровняла ее, облизывая член языком. Она лизала так усердно, что помада почти вся вытерлась, и Карла начала все сначала. При этом она встала на колени, а я лег спиной на пол и осторожно просунул голову у нее между бедрами. Карла прижалась ко мне, и ее плоть, заполнившая мой рот, показалась мне еще больше, чем раньше. Я страстно сосал ее, обхватив руками и лаская

ей ягодицы. Мои пальцы потянулись к щелке, и я пощекотал анус, который начал расширяться. Оторвавшись от нее, я взял из косметички баночку с кремом и смазал ей анус. Затем, встав сзади на колени, засунул жаждущий член в ее дыру. Обняв Карлу обеими руками, я погрузил одну в затопленное лоно, а другой стиснул груди; и все это время она продолжала сосать мальчика. Я затрепетал при соприкосновении с жирным кремом и ее тугим вторым отверстием. Она энергично насаживала на меня задницу; этот напор довел меня до исступления, и я стал яростно двигаться туда и обратно, теребя ее лоно, пока, наконец, не спустил, вскрикнув от наслаждения.

– Так, загримировались, – сказала она, вылезая из под меня. – А теперь можно и фотографироваться. Будешь говорить нам, какие принимать позы.

Им не нужно было ничего говорить – похоже, они оба прекрасно умели позировать. В ту ночь я сделал кучу снимков, и в перерывах Жан слезал с Карлы, а я взбирался. Ближе к рассвету она сказала, что ей пора, но Жан заявил, что моя квартира ему понравилась, и он, возможно, поживет здесь пару деньков.

– Ты не останешься здесь не то что на пару дней, а даже на пару минут. Я еще могу терпеть тебя ради Карлы, но если ее здесь нет, я хочу, чтобы тебя не было тоже.

Пока мы спорили, Карла оделась и вышла из квартиры, не дожидаясь исхода наших препираний. Все еще голые, мы с Жаном продолжали спорить. Наконец он улегся в шезлонг и притворился спящим. Я затряс его, но он не реагировал.

– Ты не обманешь меня, – сказал я. – Немедленно убирайся.

На его лице появилась улыбочка, и я заметил, что член у него снова встал. Вдруг он повернулся и засунул лицо мне в промежность. Я попятился.

– Если разрешишь мне здесь пожить, – сказал он, – сможешь развлекаться, даже когда рядом нет Карлы.

Он поласкал мой член, и когда тот затвердел, взял его в рот. Жан сосал ничем не хуже Карлы и несомненно имел в этом деле такой же большой опыт, как и она. Через несколько минут он потянулся за косметическим кремом и намазал им мой орган, затем перегнулся и отодвинулся, а я направил член в новую норку.

Короче, в ту ночь он остался у меня. На самом деле, он прожил у меня еще две недели, и по ночам мы втроем предавались сладким утехам. К несчастью, Жан старался доставлять мне удовольствие даже днем, и, возможно, к лучшему, что все это вскоре кончилось, иначе я превратился бы в развалину. Я не припоминаю другого случая в своей жизни, когда пребывал бы в таком же изнеможении, как в последние дни тех двух недель с Карлой и Жаном.

Цветные фотографии, на которых они вдвоем занимаются сексом, получились довольно сносными, особенно – крупные планы, и Жан, как и обещал, продал их для меня. Столько денег я еще никогда не зарабатывал и поэтому занялся профессией, которой остаюсь верен по сей день. Без сомнения, Жан большую часть денег оставлял себе, но я не мог жаловаться, ведь он был прилежной моделью.

Это счастливое сочетание денег и секса разрушила, в первую очередь, ревность. Карла ревновала Жана, так как ему больше хотелось угодить мне, нежели ей; я ревновал Карлу, потому что ей очень нравился Жан; и наконец, Жан ревновал меня, поскольку в присутствии Карлы я предпочитал заполнять не его, а ее отверстия. (Из-за этого мне приходилось вкореняться в Жана практически все время, пока не было Карлы, что и стало главной причиной моего истощения.) В конце концов, мы все трое поругались и

даже подрались. Карла оделась и выбежала из квартиры, поклявшись, что ноги ее здесь не будет. Едва она ушла, Жан бросился ко мне, радостно смеясь.

– Наконец-то мы остались вдвоем, – сказал он.

– Да, но один из нас – лишний.

– Что ты хочешь сказать?

– Я хочу сказать, что ты должен уйти. И я не желаю никаких препирательств.

– Разве ты забыл о наших послеобеденных радостях?

– Нет, к сожалению, не забыл.

– Разве тебе было плохо?

– Пару недель – интересно, но боюсь, что спать с тобой – совсем не в моем вкусе.

Он упал на колени (мы были оба голые), и принялся сосать мой член.

– Перестань, – сказал я. – Ты должен уйти.

Но он продолжал, и я заметил, что он плачет. Трудно было поверить, что этот плакса, сосущий мой член, и насильник Карлы – одно лицо. Так или иначе, я отшвырнул его. Он вернулся, и я вновь оттолкнул его – сильнее, чем хотел. Возвратившись, он нарочно заставил меня ударить его, и так несколько раз. Мы оба немного вышли из себя, и я стал лупить его изо всей силы. Я не сразу понял, насколько ему это нравится. Он стонал и вздыхал, а его член разбух до невероятных размеров. Я больше не мог остановиться и продолжал бить его, щипать и терзать, пока он весь не покрылся кровью. Каждая новая рана распяляла его еще больше, и он терся о мое тело, покрывая его легкими влажными поцелуями. Свалившись грудой у моих ног, он умолял, чтобы я пнул его, и я делал это снова и снова, и всякий раз он подползал, поглаживал, облизывал и целовал мои лодыжки, колени и бедра. Обезумев, я бросился на него, его ягодицы приподнялись, и вдруг мы соединились. Пока мы раскачивались и колыхались, я продолжал колотить и щипать его, словно этот последний омерзительный

акт должен был очистить меня от всей жуткой скверны минувших двух недель. Мой член ходил, как поршень, туда и обратно, терзая его, и в завершение я все же кончил.

После этого я почувствовал такое отвращение, что не мог смотреть на Жана. Он просил и умолял меня весь день и всю ночь, пока я ждал Карлу, которая так и не пришла. Я не хотел разговаривать с Жаном и даже видеть его, и через сутки он ушел.

Карла так и не вернулась, и от нее не было больше никаких вестей, не считая одной короткой записки. Через неделю после своего ухода она отправила мне письмо, в котором высказывала надежду, что я не забуду отложить для вас пачку фотографий. И еще она попросила о двух других вещах: о первой я не могу вам пока сказать, а вторая просьба... в общем, мистер Каннингем, вы должны позировать для снимка...

79

Ван Дрофт довольно робко посмотрел на меня.

– Разумеется, я попозирую. Хотя и не...

– Я хотел сказать, в обнаженном виде. Так же, как я снимал Карлу.

– Во имя всего святого, зачем ей понадобилось, чтобы...

– Этого я не могу вам пока сказать. Вся процедура займет пару минут. Сушая мелочь, которую мы обязаны сделать в память об этой страстной женщине.

– Да, хорошо. Я согласен.

– Но если подождете минутку, я принесу вам пачку. Наверное, она лежит где-то в глубине. Пожалуйста, угощайтесь вином.

Когда он вышел, я встал, чтобы подлить себе вина, и лишь тогда заметил огромную тень Колетт у двери, ведущей в студию. Передвинувшись, я увидел, как она, задрав платье и сунув руки в промежность, страстно тербит свою необъятную плоть. Она казалась смущенной, но не прервала своего занятия.

– Не смогла удержаться – подслушала рассказ и возбудилась. Выбите меня, мистер Каннингем!

Она стянула через голову платье и подошла ко мне, размахивая руками. Я так испугался, что, возможно, ударил бы ее, но в эту минуту вернулся ван Дроофт.

– Найти их оказалось легче, чем я думал... – Он резко остановился. – А, я вижу, Колетт уже готова фотографироваться. Надеюсь, вы не возражаете, мистер Каннингем? В это время дня было бы трудно найти другую модель-женщину. И лучше сделать это прямо сейчас.

– Я не уверен...

– Мы управимся за минуту.

Колетт восторженно улыбнулась и подошла помочь мне раздеться. Прокру от нее было мало, ведь она крепко вцепилась в мой гульфик, но, в конце концов, мне все же удалось снять с себя одежду.

– Какой он у вас хорошенький, – сказала Колетт. – Но такая крохотулечка. Давайте увеличим его для съемок?

Я столкнулся с той же трудностью, что и молодой человек, у которого перед этим не вставал на Колетт.

– Наверное, это поможет, – сказал ван Дроофт и протянул мне несколько обнаженных этюдов Карлы и пару сделанных им цветных снимков Карлы и Жана. Увидев ее вновь такой же, как двадцать лет назад, я был потрясен, но не устоял перед памятью плоти, и мой член поднялся, а тем временем Колетт продолжала испуганно над ним трудиться.

В студии Колетт легла в шезлонг, и я влез на нее сверху. Это оказалось гораздо приятнее, чем я предполагал, и я глубоко погрузился в ее плоть. Она широко раздвинула ноги, а я вставил свой жезл в ее мясистый холмик.

– Не засовывайте весь, – велел ван Дроофт. – А теперь замрите.

Камера щелкнула дважды, а затем еще пару раз.

– Все, – сказал ван Дроофт. – Сейчас проявлю, – и ушел.

– Теперь можете засунуть весь, – прошептала Колетт и тяжело опустила бедра, а я обнаружил, что член застрял в ней.

Вся она была влажная и студенистая. Я ласкал ей груди – круглые и дряблые, как буханки невыпеченного хлеба.

– О, о, о, – скулила она, быстро двигая бедрами, и от напряжения член мой пустил струю.

81

Колетт хотелось еще, но я решил, что довольно, и оставил ее одеваться. Когда я уже был одет, вернулся ван Дроофт и протянул мне фотографию. От потрясения у меня екнуло сердце. Карла попросила ван Дроофта наложить мое изображение на свое, причем я заменил на фотографии Жана, а она – Колетт. Одна половина снимка выцвела, а вторая была свежей, но место, где мой наполовину вставленный член входил в ее частично заполненное лоно, было таким четким, будто фотографию сделали только вчера.

82 Лишь через несколько часов после ухода из студии ван Дроофта я начал осмысливать рассказанную им историю. Какое-то время я думал, что не сумею выполнить последнюю просьбу Карлы или, по крайней мере, не смогу выполнять ее дальше. Уже по рассказу ван Дроофта я понял, что обещание Карлы сойти с ума сбылось. Я не хотел продолжать, не хотел ничего слушать, но, возможно, слушать просто больнее, чем жить? Вторая половина ее жизни явилась отчасти мезью за мою неверность. Мог ли я избавить Карлу от необходимости мстить? Конечно, мог, и то, что она умерла, едва ли имело значение. Но посреди мучений я вдруг почувствовал и осознал, что обязан пройти через все точно так же, как и она.

Я пил допоздна, но мне так и не удалось напиться или хотя бы заглушить боль. В конце концов, я лег в постель, но кости ныли, и спал я плохо. Мне что-то снилось, и я просыпался; потом засыпал снова, мне опять что-то снилось, и я вновь просыпался; и так – много раз. Кошмары будили меня звуками, доносившимися из моей глотки. В каждом сне Карла шла по улице, запруженной зеваками. Она была голая, а ее тело – выкрашено во все цвета радуги. Я преследовал ее, а она избегала меня, при этом все время проверяя, на месте ли я. Иногда она останавливалась у дерева и, подняв, как собака, ногу, мочилась. В этом месте сна мне, наверное, казалось, будто я смогу добраться до нее, и я начинал бежать.

- Говард, – звала она.
- Да, я иду.
- Говард...
- Я поймаю тебя.
- Говард...
- Не двигайся. Стой там.
- Говард...
- Да, Карла, да.
- Говард...

И она начинала смеяться, со смехом падала на землю и раздвигала ноги.

83

- Говард...
- Твоя пизда, Карла. Прекрасная твоя пизда. Она пахнет пирожными. Я хочу ее.
- Говард...
- Я бежал к ней без остановки, подбираясь все ближе.
- Говард...
- Я укушу твое пирожное.
- Говард...
- Я – здесь. Я иду. Мы будем ебаться с остервенением.
- Говард...

Вдруг я оказывался прямо перед ней. Ее ноги раздвигались шире; то, что находилось между ними, манило меня. Я был голый, и мой член разбухал, как бы вырастая на целые акры и мили, но как только он достигал ее чресл, я понимал, что погружаю свой орган в змеиное гнездо. Внутри ее лона ползало целое полчище змей. Я отпрыгивал, складывая свой член, как подзорную трубу.

- Говард...
- Но я не подходил ближе.
- Говард...

Змеи вырастали и переплетались; их язычки мелькали и тянулись ко мне.

- Говард...

Я застывал в кромешном ужасе, отказываясь ей помочь. Змеи были огромные, и они уже начинали обвиваться вокруг ее тела.

– Говард! – кричала она в страхе. – Говард! Говард!
Говард! Говард!

Я со стоном очнулся от сна. Но вскоре уснул снова, кошмар возобновился, и я опять проснулся. На рассвете я умылся и выкурил сигарету, изнемогая после ужасной ночи. Я вновь попытался заснуть, и на сей раз мне повезло больше: я проспал без сновидений до самого обеда.

84 Следующим по списку был некто Жан Дюпон. Я задумался, не тот ли это Жан, о котором вчера говорил ван Дроофт. Он жил в какой-то гостинице недалеко от площади Пигаль. Поскольку Карла не указала телефонного номера и мне не удалось найти его в справочнике, я подъехал к Пигаль около шести вечера, попетлял по узким улочкам и, наконец, добрался до гостиницы.

Все здесь было недавно покрашено и носило печать мнимой респектабельности; конторка портье располагалась под таким углом, что любой мог без труда подняться по лестнице, не будучи замеченным. Понятно, что в этом заведении номера сдавали по часам. Подойдя к конторке, я нажал на звонок, но никто не явился. Пришлось очень долго звонить, прежде чем по лестнице спустился пожилой мужчина.

– Да? – спросил он.

– Меня интересуется человек по имени Жан Дюпон.

– Здесь таких нет.

– Однако он жил здесь.

– Ничего не могу вам сказать. – И он отправился обратно вверх по лестнице.

– Подождите минутку. Не могли бы вы проверить? Возможно, у вас есть его новый адрес.

– Нет никакого адреса.

Я достал из бумажника тысячефранковую банкноту и положил ее на стол.

– Вы уверены? – спросил я.

Он быстро спустился и схватил деньги.

– Дюпон больше здесь не живет. Но наверху у него осталась подружка. Возможно, она вам поможет. Зовут ее Роз, и живет она в 17-м номере – на четвертом этаже справа.

– Большое спасибо.

– Всегда к вашим услугам.

Я взобрался на четвертый этаж и нашел 17-й номер: дверь была слегка приоткрыта, а комната погружена во мрак. Я подумал, что Роз, возможно, слишком занята и не сможет сообщить никаких сведений, но прислушался и, не уловив никакого шума, постучал в дверь. Хриплый женский голос пробормотал что-то похожее на «войдите», после чего я вошел и закрыл за собой дверь. В полумраке комнаты – окна были плотно зашторены – я увидел на кровати пухлую обнаженную женщину.

– Принес? – спросила она, а затем вдруг села в постели. – Эй, кто вы?

– Прошу прощения, – улыбнулся я, и она что-то проворчала, даже не подумав укрыться. В красноватом сумраке комнаты ее плоть напоминала зрелый плод. Каждая частичка сияла спелостью и зрелостью. Не слишком большие груди были пухлые, но упругие и заканчивались торчащими коричневыми сосками. Руки и ноги – толстые, мягкие и мясистые. Она была из тех женщин, у которых буквально все тело излучает секс.

– Убирайтесь отсюда и приходите позже, – сказала она. – Он убьет меня, если увидит вас здесь.

– Жан?

– Не Жан, а Пьер. Кто вы такой? И откуда вы знаете Жана?

– Я его не знаю. Я...

– Замолчите, – она в панике выскочила из постели. – Он поднимается по лестнице. О Боже!

Я бросился к двери, но она остановила меня.

– Спрячьтесь вон за той ширмой и ради Бога не дышите. Я на минутку отправлю его куда-нибудь, и тогда вы сможете уйти.

Не успел я зайти за ширму, как услышал, что дверь открывается.

– Вот вино, – грубо сказал Пьер. – Ну и жара на улице.

– Ах, Пьер, – ответила Роз. – Я знаю, что жарко, но ты бы не вышел еще раз ради своей милой девочки?

– Не хочу я никуда выходить. Сейчас я буду тебя ебать.

– Через минутку. Спустись, пожалуйста, вниз и принеси мне аспирина. У меня жутко разболелась голова.

– Сейчас перестанет. У меня есть пилюля.

– Просто раскальвается. Прошу тебя, купи аспирина.

– Если ты не заткнешься, я избавлю тебя от боли, но вместе с ней ты лишишься и головы, – он говорил таким тоном, словно и впрямь собирался это сделать.

– Ну пожалуйста... – взмолилась Роз, и затем я услышал оглушительный шлепок. Роз взвизгнула, а потом зарыдала. Я предположил, что еще не скоро выберусь отсюда, и поэтому расстегнул воротник и огляделся: рядом находились раковина и биде. Я понадеялся, что Пьер не станет пользоваться ни тем, ни другим. Делать было нечего, поэтому я устроился на биде и прислушался к разговору.

Пьер: Марш в постель и ради Бога перестань реветь.

Роз: Но моя голова!

Пьер: Тебе мало? Хочешь еще?

Роз: Нет. Нет, милый. Просто я хочу доставить тебе удовольствие, а когда у меня болит голова, я не в лучшей форме.

Пьер: Ты уж постарайся. А теперь – марш в постель.

(Скрип пружин и ворчание Пьера, снимающего одежду.)

Пьер: Ко мне все липнет – чертова жара! Ты ко мне прилипнешь?

Роз: Конечно, милый. Прилипну, как клей. Вот только голова...

Пьер (орет): Заладила одно и то же! Вот я сейчас натру ее своей пилюлей. Славной горячей пилюлей.

Роз (со вздохом): Ой какая хорошая пилюля. Но пилюли ведь глотают, разве не так?

Пьер: Вот именно.

(Сосущие звуки.)

Роз: Может, проглотишь мою?

Пьер: Нет, я не буду ее глотать, а лучше разжую.

(Скрип кровати и чавканье. Пьер хрюкает. Роз страстно вздыхает.)

Роз: Ах, как хорошо... Да... вот так... укуси... сильнее... о, Пьер...

Пьер: Какая пизда!

Роз: Она твоя, Пьер... Вставь язык... и вращай... глубже... а... а... у меня все ноет... я – одна большая ноющая пизда. Поднимись, чтобы я могла схватить тебя за хуй. Такой твердый и горячий... о, о, о... еще... укуси меня еще.

Пьер: Не дрочи так быстро, а то я кончу... Да, вот так хорошо. Да, полегче. Возьми снова в рот.

Роз: О, Пьер, выеби меня, выеби. Я сойду с ума. Ну ложись же.

Пьер: Я хочу съесть твои титьки. Вставь мне в рот этот толстый коричневый сосок.

Роз: Вот... о, укуси его, Пьер... убей меня, Пьер, разжуй меня на мелкие кусочки.

Пьер: Ну, хватит. Иди и сядь на меня. Вот так. Присядь на корточки. А теперь медленно опускайся. Ниже. Входит.

Роз: Я знаю, знаю. Его огромный шлем пронзает меня.

Пьер: Опустись еще ниже. Сильнее. Он почти вошел. До конца. Насади до конца.

Роз (тяжело дыша и с трудом выговаривая слова): Теперь он целиком во мне... Весь твой столб заполняет и обжигает меня... Хочешь, чтобы я подвигалась?

Пьер: Немного... Подвигайся немного... Вот так... Медленно, вверх-вниз.

Роз: О, о, он плавно выходит... и входит... будто гора в меня вклинивается... я чувствую, как он бьется и пульсирует... Да, давай... О, Пьер, давай... Двигайся... О, вновь вошел... Быстрее! Засади поглубже... О, чудесно... А горячие яйца бьются о жопу.

Пьер: Вверх, вверх. Быстрее. Дай мне титьки. Давай быстрее. Быстрее.

Роз: Быстрее... быстрее... он уже дымится... если станет тверже, я просто лопну... о, вот, еще, еще, еще... разорви меня, уничтожь... эти яйца... этот хуй...

Пьер: Какая жирная пизда... Я кончаю...

Роз: Кончай... Глубже, резче, быстрее... о, я умру... о... с ума сойду... быстрее... ну... горячий хуй... о, о... оооо...

Пьер: Спустил... спустил...

Роз: Оххх...

(Пара минут тишины.)

Пьер: Сядь своей грязной пиздой мне на лицо. Я хочу выпить то, чем тебя наполнил.

Роз: Я вся мокрая. Ты утопил меня в своем кипящем соку. О, выеби меня еще разок. Я не могу без твоего хуя. Дай, я теперь лягу. Залезь на меня. Повались на меня. Задужи. О, какой ты тяжелый!

Пьер: Ты такая мягкая. Я погружаюсь в тебя глубоко. Твоя плоть засасывает меня.

Роз: Дай мне засосать твой хуй. Вставь его. Да, до конца. О, как хорошо! Я хочу снова кончить. Не мешкай! Качай, качай! Да! Прыгай на мне, скачи!

Пьер: Обними меня ногами. Подмахивай. Хорошо.

Роз: Поторопись! Я не могу ждать! Мне это нужно... Уфф... вот так.

Пьер: Снова спускаю...

Роз: Да, залей меня. Я слышу, как он бушует во мне. Еще... Еще... Еще... Еще... Поцелуй меня, Пьер... Целуй меня.

(Придушенные стоны и вздохи; чавкающие звуки поцелуев; хлюпанье члена внутри нее. Роз кричит. Пьер хрюкает.)

Роз: Как было хорошо. Я могла бы заниматься этим всю ночь.

Пьер: Так и будет.

Я уже начал побаиваться, что это правда. Очевидно, Роз обо мне забыла. Чтобы напомнить ей, я слегка поскребся о ширму.

– Что это? – спросил Пьер.

– Я... ничего не слышала.

– А я слышал звук.

– Наверное, в трубах. Ах, Пьер, голова еще больше разболелась. Может, принесешь мне аспирина?

– Ты хочешь, чтобы я сейчас оделся? Если я оденусь, то уйду и не вернусь, а остаток ночи ты будешь ебаться сама с собой.

– Нет, Пьер, не нужно уходить. Просто надень брюки и попроси у портье аспирина. Пожалуйста. А потом выпьем вина и продолжим.

– Ладно, – сказал он неохотно.

Я услышал, как он накинул одежду, затем дверь открылась и снова закрылась.

– Эй, вы, – прошипела Роз. – Быстро убирайтесь.

Я вышел из-за ширмы.

– Вы все подслушали, – сказала она.

Она встала, и я не смог удержаться, чтобы не засунуть ей руку между ног: горячая мокрая плоть возбуждала меня.

– Приходите в другой раз. Меня хватит на всех.

– Скажите, где я могу найти Жана Дюпона?

– Зачем он вам?

– Я – его старинный друг.

– А вы точно не легавый?

Я сжал в руке ее плоть.

– Разве легавые так ощупывают? – спросил ее.

– Они тоже любят потрахаться.

Она прошептала мне адрес, а затем выставила за дверь, на прощание нежно дернув выпуклость моих брюк.

Когда я спускался по лестнице, Пьер уже топал наверх. Он был без рубашки и без обуви – нескладный детина лет тридцати пяти. Грозно глянув на меня, когда я проходил мимо, он двинулся дальше.

90 Роз дала мне адрес гостиницы, расположенной поблизости, поэтому я не стал садиться в машину, а просто вернулся пешком на бульвар, прошел пару кварталов на юг и затем повернул налево, направо и еще раз налево. Я очутился на довольно широкой, светлой (хотя уже спускалась ночь) и уютной улице. В отличие от предыдущей гостиницы, эта не была свежевыкрашенной, но казалась, несомненно, поприличнее. Это заведение предназначалось не для свиданий, а, скорее, для туристов.

Пожилая женщина за конторкой поправила очки и улыбнулась мне.

– Я хотел бы поговорить с Жаном Дюпоном.

– Я позвоню ему, – сказала она, сняла трубку и набрала номер. – Мсье Дюпон? Здесь какой-то господин хочет вас видеть, – она повернулась ко мне. – Как, вы сказали, вас зовут?

– Каннингем. Скажите ему, что я – американец.

Она сказала.

– Да, мсье Дюпон. Да, я передам ему, – положив трубку, она повернулась ко мне. – Он сейчас спустится, мистер Каннингем. Присядьте, пожалуйста, в холле.

Войдя в холл, я сел, закурил и осмотрелся. Не прошло и пяти минут, как Дюпон спустился. Это был невысокий, смуглый, коренастый и моложавый мужчина – довольно красивый и весьма элегантно одетый. Он улыбнулся мне:

– Мистер Каннингем?

– Совершенно верно.

– Чем могу служить, сударь?

– Не хотели бы вы сходить куда-нибудь выпить?
У меня слегка необычное поручение – здесь его не
обсудишь.

Он с любопытством подмигнул мне:

– Прекрасно. Куда же вы хотите пойти?

– Куда угодно. В какое-нибудь тихое местечко.

– Недалеко отсюда есть одно милое маленькое кафе.

Мы вышли из отеля и, свернув за угол, направились к довольно большому кафе, расположенному на площади. Поскольку приближалось время обеда, терраса кафе была безлюдна.

– Хотите сесть на террасе?

– Да.

Мы сели, и когда подошел официант, я сделал заказ за двоих.

– Теперь я расскажу, зачем вас разыскивал.

– В этом нет необходимости. Вам нужен мужчина, женщина или ребенок?

– Зачем?

Он взглянул на меня с недоумением:

– Говорите, кто дал вам мой адрес?

– Я как раз собирался это сказать: Карла.

– Какая еще Карла? Разве вы не американец, которого я ждал после обеда?

– Боюсь, что нет.

Чрезвычайная любезность, которую он проявлял ко мне до этого, мигом испарилась.

– Кто вы?

– Мою фамилию вы знаете. Я пришел по просьбе Карлы.

– Не знаю я никакой Карлы. Вы, случайно, не легавый?

– Как я могу быть легавым? Ведь я же американец.

– Откуда мне знать? Думаю, нам лучше попрощаться.

– Подождите минутку. Взгляните сюда, – я протянул ему свой паспорт. Он пролистнул страницы.

– Выглядит, как настоящий, – сказал он.

– Так он и есть настоящий.

Дюпон заговорщицки подался вперед:

- Сколько вы за него хотите?
- За паспорт?
- Ну конечно.
- Извините, он не продается.
- Сто тысяч франков?
- Уверяю вас, – сурово сказал я, – он не продается.
- Ну тогда какого черта вам от меня нужно?
- Информация.
- Значит, вы все-таки легавый, – он собрался встать из-за стола, но я схватил его за руку.
- Послушайте, Дюпон, информация, которая мне нужна, не принесет пользы никому, кроме меня. В действительности, даже мне самому от нее никакого прока, и я ищу ее по сентиментальным мотивам.
- Ну еще бы, – рассмеялся он.
- Вы помните женщину по имени Карла?
- Нет.
- Очень красивая женщина.
- Послушайте, дружище, красивые женщины – это мой бизнес.
- Она была очень молода, с платиновыми волосами. Возможно, вы знали ее в то время, когда она дружила с фотографом ван Дроофтом.
- Он недоверчиво посмотрел на меня и сказал:
- Карла. О Боже, так вы имеете в виду Карлу.
- Я так и сказал.
- Последний раз я видел ее еще до войны.
- Она умерла.
- Не знал.
- Это случилось всего пару дней назад. Дело в том, что она оставила мне письмо, в котором перечислила ряд имен и адресов. Вы тоже упомянуты. Она попросила меня обойти всех этих людей и расспросить об их отношениях с ней.
- Зачем ей это было нужно?

– Откровенно говоря, это своеобразная месть. Мы с Карлой были любовниками, и когда расстались, она предупредила меня, какую жизнь будет вести после разлуки. И вот теперь, по-моему, она хочет доказать мне, что исполнила свое обещание.

Дюпон кивнул и улыбнулся:

– Наверное, вы тот парень, который ее кинул.

– Если вам угодно так выразиться...

– Конечно, она рассказывала мне о вас. Говорила, что когда-нибудь вы придете и будете расспрашивать о ней. Так что же вы хотите узнать?

– Все, что вы пожелаете рассказать о Карле.

Он задумчиво уставился на свой бокал, похоже, размышляя, что же мне рассказать.

– Вы говорили, что знаете ван Дроофта?

– Я познакомился с ним только вчера. Его имя стояло первым в списке.

– Он – мерзкий гомик.

– Неужели?

– Да, я трахал его целыми сутками – его и Карлу. Им всегда было мало. В конце концов, мне пришлось сбежать от них, а не то я бы дошел до истощения и сдох.

Затем он пересказал практически ту же историю, которую сообщил мне ван Дроофт, вот только гомосексуальная тема была в ней вывернута наизнанку. Сам ван Дроофт умолял Дюпона пожить в студии, а троица распалась потому, что Дюпон просто физически не мог удовлетворять обоих сожителей. Именно ван Дроофт умолял, чтобы его избивали, вызвав у Дюпона такое отвращение, что тот сбежал. Я не могу сказать, какая из версий была правдивой, к тому же это имеет мало отношения к Карле. Несомненно одно: ни тому, ни другому она не приходилась супругой, и каким бы ни был горшок, обжигала его не Карла.

Я привожу рассказ Дюпона начиная с того места, на котором остановился ван Дроофт:

– В общем, – продолжил Дюпон, – я послал ван Дрофта ко всем чертям и вышел из его квартиры, не желая иметь с ним ничего общего. Однако я чувствовал, что мои отношения с Карлой не завершены. Мне хотелось от нее большего. Но я все же решил не возвращаться в студию примерно неделю и околачивался возле дома, где жил ван Дрофт, – я приходил туда к полуночи и каждую ночь ждал около часа. Иногда, пока я ждал, ван Дрофт выходил и шагал по улице. Поэтому я убедился, что Карлу он больше не интересовал. Я знал, что она интересовалась мною, но где мне ее искать? Я не знал ее адреса, а она – моего.

В конце концов, мне это надоело, и я перестал бродить у дома ван Дрофта. Я не видел Карлу почти пять лет – вплоть до весны 1938-го. За эти годы я открыл одно славное дельце – стал торговать мясом. Я немного поднаторел в нем еще в детстве, но, как только потерял след Карлы, занялся им серьезно. Дело было не хлопотное. Я знал кучу роскошных девчонок, которые были от меня без ума, и начал подумывать: а почему бы этим не воспользоваться? Так я начал говорить девицам: если хотите, чтобы я вас трахал, придется оказывать мне взамен кое-какие услуги. Некоторые соглашались сразу, а другие немного выжидали, пока не понимали, чего лишаются, и тогда прибегали сами. Уверяю вас, если девицу хоть раз трахнул Жан Дюпон, больше никто не сможет ее удовлетворить, и она будет трахаться с ним всегда. Это касается и таких парней, как ван Дрофт. Знаете, почему я живу в дорогом отеле и так элегантно одет? Да потому что шестьдесят шесть женщин и мужчин, мальчиков и девочек по всему Парижу готовы сделать все, что я скажу, лишь бы я их трахнул. Ну и, естественно, никто из них не добивается этого чаще одного раза в два-три месяца. А поскольку я трахаю их всего раз шесть в год, оставшееся время их трахают люди, которых я присылаю. Половине из

них даже не нужны деньги – они их и не получают. Занимаются этим из любви ко мне. Любые размеры, формы и возрасты. Моей самой юной работнице – семь лет. Хорошенькая девочка по имени Катрин. Я трахаю ее с четырех с половиной лет. У нее пизда, как у коровы, и она пользуется большим спросом, впрочем, уже не таким большим, как раньше. Вы бы очень удивились, узнав, что для мужчин есть большая разница между пятилетней и семилетней девочкой. Но все равно я каждую ночь заполучаю для нее одного-двух клиентов, а по воскресеньям она трудится, как церковная дверь.

95

Моему младшему мальчику – одиннадцать. Пока от него, конечно, мало проку, но зато его можно трахать. И могу вас заверить, мне пришлось хорошенько поработать, расширяя его очко, чтобы там мог поместиться клиент покрупнее. Я содомил мальчика два месяца подряд, пока его не расширил. (Если вам интересно, орудие у меня довольно большое.) А после этого заставил его полтора месяца носить днем и ночью в жопе огромную резиновую трубку. Теперь в его старую дырку можно засунуть большой кулак, причем он даже не поморщится, и бывает это довольно часто. Но, как я уже говорил, теперь он приближается к тому возрасту, когда можно будет не только трахать его, но и сам он сможет кинуть хорошую палку. Он уже становится любимцем женщин средних лет. Ему достаточно влезть на них, повертеть своим карандашиком в их точилках, – и бац! – дамы визжат в экстазе. Разумеется, у меня уже начинаются с ним трудности. Он заявляет, что откроет собственный бизнес, если я не буду навещать его почаще.

Самой старой моей бабе – девяносто два. Она лучшая хуесоска в Париже и, возможно, во всей Франции. У этой богатой чокнутой старушенции есть большой дом в фешенебельном районе города. На заднем дворе там стоит небольшой хлев, где она держит корову,

лошадь, мула, обезьяну, собаку и кошку. Она приводит клиентов прямо в хлев, и они все вместе там резвятся. У нее, видите ли, выпали зубы, и она повыдергивала их всем своим зверушкам. Уверяю вас, вы не знаете, что такое безумная ночка, если у вас никогда не отсасывала эта дама вместе со всем ее зоопарком. Потом она устраивает небольшое представление: старуху ебет лошадь. Вот это зрелище! Пизда у нее такая большая, что туда мог бы влезть даже слон. Но если пойдете к ней в гости, смотрите, не наклоняйтесь, а не то лошадь прокатится и на вас. У старушки – прекрасное чувство юмора.

Наконец, моему старику в следующем месяце исполнится восемьдесят восемь. И он бы не пользовался таким спросом, если бы не крупнейшая в мире коллекция плеток, которые ему не терпится пустить в ход.

Но это всего лишь четверо из моих работников. А есть еще шестьдесят два других, и все они мне преданы. Разумеется, дела не всегда шли так хорошо. Долгое время мне приходилось довольствоваться полудюжиной женщин, парочкой мужчин да изредка – одним ребенком. Но сейчас у меня есть свои апартаменты в отеле и собственный загородный дом. Лучше не придумай! Как я уже говорил, те четыре с половиной или пять лет, что я не видел Карлу, я все время строил свою маленькую империю, и мне было некогда о ней думать. На самом деле, я просто бродил повсюду, влюбляя в себя людей, чтобы можно было сколотить на них капитал. Так уж случилось, что в ту ночь я гулял по парижским предместьям и обходил кафе в Венсеннском лесу. Выйдя на опушку, я увидел, как в десяти футах передо мной остановилось такси, и из него вышла Карла – прекрасная, как никогда. Она немного поправилась, и ее титьки были такие пухлые и спелые, что мне захотелось съесть их прямо на улице. Вместе с Карлой вышел старик

лет шестидесяти, который водил перед собой руками, стараясь прикрыть шишку в штанах.

Карла не заметила меня и вместе со стариканом направилась в лес. Я последовал за ними, держась на расстоянии, и мне пришла в голову замечательная мысль. Углубившись в лес, они остановились на полянке и начали целоваться, как полоумные. Я слышал, как старик пыхтит и теребит платье Карлы. Наконец, они оба разделись, и я чуть не кончил, просто глядя на нее. Какая девица! Она легла на землю и раздвинула ноги, а мужик ходил кругами, посматривая на нее и сжимая в руках член.

97

«Некогда подглядывать», – подумал я. И так же быстро, как в тот раз у ван Дроофта, разделся за деревьями. Оставшись в одних шортах и майке, я вышел на поляну. Карла увидела меня и молча уставилась. Поэтому я спустил шорты ниже яиц, и мой жезл взмыл в воздух, будто флагшток.

– Тебе нравится? – завопил я.

– Да, да, да, – взвизгнула она.

Я сорвал с себя остатки одежды, помчался вприпрыжку через всю поляну и, ринувшись вперед, приземлился на нее сверху, так что у нас обоих сперло дыхание.

– Жан, – заскулила она, – Жан, как долго...

– А он такой же продолговатый, – сказал я. Она задергалась, раздвигая ноги, и ее манда шлепнулась о мой член. Я никогда не знал женщины, у которой пизда увлажнялась бы так сильно – будто лужица грязи. Я мял ее и теребил титьки, а она стонала.

– О Боже, – вздохнула она, – вставь его.

Тогда я схватил член и загнал поглубже. Как только он оказался внутри, Карла задергалась и заскакала, оцарапывая ногтями мне плечи и сжимая меня ногами. Она скакала вверх-вниз, насаживая себя на кол. Я обнял ее за жопу и стал полировать ее плоть. Почувствовал, что вот-вот разорву пизду в клочья и

что Карла этого хочет. Я бился и колотился, плавно двигаясь туда и обратно, а затем наши губы слились, и мы оба кончили, как скаковые лошади. Ура, ура! В этот миг мы вместе подпрыгнули в воздух, покатались по траве и, наконец, замерли, причем она осталась сидеть сверху.

Глаза у меня были закрыты, и я решил, будто она трясет меня, требуя продолжения, и могу вас заверить, я был готов. Немного потыкал членом туда-сюда, но затем, почувствовав, что она слишком сильно навалилась на меня, поднял глаза и увидел, что старикан влез на Карлу сзади и засадил ей прямо в жопу. Он усердно трудился, кусая ее за плечи, а она скакала на мне. Я просто лежал неподвижно, позволив им самим совершать телодвижения. Приятно было ощущать, как яйца старика шлепаются о мои, а сок Карлы стекает на задницу. Втроем мы пришли в иступление и подскакивали, как умалишенные.

Когда мы кончили, старик вскочил, а я отпихнул Карлу и встал.

– Слушай, ты, – сказал я мужику. – Какого черта ты делаешь с моей женой?

– Вашей женой, сударь? – спросил он.

– Ну конечно. Мне все равно, кто вставляет ей в пизду, но так уж случилось, что ее очко – мой личный университет. Кто из профессоров умер, назначив тебя своим преемником?

– Но я не имел понятия...

– Я не спрашиваю тебя о понятиях. Я просто хочу знать, где ты, по-твоему, находишься?

– Уверю вас, я понятия не имел, что дама замужем.

– Дело не в этом. Я говорю о ее кабинете для раздумий. Что там делают твои понятия?

– Я не заметил никаких знаков, запрещающих пользоваться этим дивным местечком, и поскольку оно взирало на меня с таким праздным выражением, я подумал, что любезность требует его заполнить.

– Значит, ты «подумал»? Значит, у тебя есть мысли? А чем, по-твоему, является эта длинная розовая штуковина – учебником?

– Тысяча извинений...

– Извинения в карман не положишь. За полученные знания полагается платить.

– Вы хотите сказать...

– Вот именно. Сколько раз ты входил в университет?

Карла ответила:

– Не меньше двенадцати.

99

– По сто франков за раз – итого получается тысяча двести франков. Надеюсь, это послужит тебе уроком.

– У меня нет при себе тысячи двухсот...

– А сколько есть? – спросил я и бросился к его одежде, прежде чем старик успел сам до нее добраться. В его бумажнике я нашел две тысячи франков и немного мелочи. Мелочь оставил, чтобы он мог добраться домой.

– А теперь можешь проваливать, – сказал я ему.

– Именно это я и собираюсь сделать. Никогда не думал, что Карла замешана в подобных грабежах.

– Грабеж? – переспросила Карла.

– А как бы ты иначе это назвала? – сказал старик.

– Учеба, – ответила она.

– В таком случае, ты сама должна заплатить мне за то, что я научил тебя паре вещей.

Это меня заинтересовало:

– Чему же ты научил ее?

– Заниматься сексом, стоя на голове.

– Что за чушь! – воскликнул я, не веря ни единому слову.

– Это правда, – сказала Карла.

– Так научи и меня.

– Нет, – произнес старик, – иначе ты заберешь у меня даже мелочь под предлогом, что научил меня заниматься этим у тебя на глазах.

– Давай показывай, – сказал я, – а не то я тебе яйца оторву.

Тогда он сделал следующее: поднял Карлу, свалил всю одежду в кучку возле дерева и перевернул Карлу вверх ногами, опустив головой на одежду, а туловище прислонив к дереву. Затем старикан резко подпрыгнул и приземлился на голову, тоже прислонившись к дереву туловищем. Оба они начали извиваться, и он вставил член в ее манду. Сильно скакать они не могли и лишь слегка раскачивались, а он все глубже засовывал свой жезл. Лица у них покраснели от крови, прилившей к головам. Они стали раскачиваться быстрее, и при этом оба хрюкали, как сумасшедшие. Сок Карлы стекал по животам. Они затряслись, и через пару минут мне показалось, будто они сейчас кончат. Оба заверещали, как поросята, а потом вдруг кончили и, перекувыркнувшись, рухнули в глубоком обмороке на землю.

Через пару секунд они очнулись.

– Я тоже хочу, – сказал я.

– Придется минутку обождать, – ответила Карла.

Поэтому, коротая время, я припал губами к ее пизде и всю ее облизывал, шумно чавкая. Ничто не сравнится с женским органом, хорошо смазанным ее собственным и мужским соками. Это подлинное пиршество с мясом и вином. В общем, я объедался, а она тяжело и часто дышала от возбуждения.

– Вот теперь, – сказала она, – я готова.

Старик перевернул ее и прислонил к дереву, а затем перевернул меня и чуть-чуть подпихнул, поскольку я сам не мог двигаться. Карла протянула руки, схватила меня за член и вставила головку себе в пизду. Потом мы прижались друг к другу, и он вошел до конца. Старик завел мои руки ей за спину, чтобы я мог тискать жопу.

С каждой секундой у меня все сильнее кружилась голова. Все мое тело трепетало, словно один огромный пульсирующий член. Попеременно входя и выходя, я чувствовал головокружение и тошноту,

но в то же время – небывалое возбуждение. Мне казалось, будто мой жезл разбух до невероятных размеров и вот-вот лопнет. Ее жопа у меня в руках была горячее, как раскаленное железо. Мы медленно покачивались, и я был на грани обморока. А потом вдруг кончил и потерял сознание: все мое тело выгнулось, я задрожал и затрясся. Такого со мной еще никогда не было.

Я даже не почувствовал, как упал на землю, полностью растворившись в оргазме, который, казалось, будет продолжаться вечно, и все мое тело истекало соком.

101

Когда я очнулся, старик уже ушел. Он вытащил из-под нас свою одежду и забрал деньги. Но мне было все равно. То, чему он научил меня, стоило этих денег.

– Ты живая? – спросил я Карлу.

– Ага. Правда, чудесно?

– Великолепно.

– Он регулярно устраивает вечеринки, на которых все становятся вверх ногами, прижимаются друг к другу и трахаются. Просто изумительно. Но теперь, наверное, он больше не захочет меня видеть.

– Ну и что? Мы сами будем устраивать вечеринки. Ведь я же нравлюсь тебе больше, чем он?

– Ну, разумеется, – сказала она и, чтобы доказать это, начала обрабатывать мой член ртом.

Мы еще раз трахнулись, а потом оделись и вышли из леса. Поймали такси до центра Парижа и зашли в бар, чтобы выпить и поговорить о былом. Я сказал: жаль, что мы знакомы, а то я мог бы снова тебя изнасиловать, и добавил:

– Я как раз в подходящем настроении.

– Если нельзя изнасиловать меня, можно кого-нибудь другого. А я тебе помогу!

– Правда?

– Да, но только не сейчас. Хочется немного отдохнуть после приключения в лесу.

– Хорошо, тогда расскажи, чем ты занималась все эти годы, пока мы не увиделись.

Она улыбнулась:

– Трахалась.

– Все время?

– По крайней мере, ночами. У меня было несколько замечательных мужчин.

– Держу пари, что я лучше.

– Господи, ну конечно!

102

– Скажи, Карла, тебе нравится мой хуй?

– Шутишь? Ты же знаешь, что я от него без ума.

– Расскажи подробнее.

– Что ты хочешь услышать? – Она протянула под столом руки, залезла мне в гульфик и принялась тереть мой член. – О таких вещах не говорят. Ими пользуются. И они пользуются тобой.

– Знаю, но все равно расскажи.

– Он огромный. Таких длинных я никогда видела. И самый толстый. Он идеальной формы. Твердый, как алмаз, и алый, как пламя. Он разрывает и обжигает меня. – Она помолчала. – А теперь расскажи о моей пизде.

Я задрал на ней платье и засунул три пальца прямо в дырку.

– Вот что я расскажу о ней, – проговорил я.

– И все?

Я вставил еще один палец, и тогда она сказала:

– Сейчас ты говоришь на моем языке.

Я попросил:

– Теперь расскажи о моих яйцах.

Она отпустила член и начала тереть мои шары:

– Я рассказала.

– Нет-нет, я имел в виду: настоящими словами.

– Ты слишком самоуверен, – сказала она.

– Самоуверен? – воскликнул я. Мне еще никто такого не говорил! – Что ты имеешь в виду, пиздорылая хуесосочка?

– Не принимай близко к сердцу, – сказала она. – Я жажду деятельности. Давай выйдем, найдем кого-нибудь и изнасилуем.

– Отличная мысль. Но мне все равно не нравится, когда ты называешь меня слишком самоуверенным. Следи за базаром, а не то я вздрючу тебя по полной программе.

Затем мы вышли и погуляли около часа, пока не нашли подходящую темную улочку. Бродя по ней, обнаружили открытую калитку, зашли туда и увидели внутренний дворик, подходивший для изнасилования. Там был разбит садик, Карла села на землю и сказала:

– Любая девушка могла бы мечтать о таком уютном местечке для изнасилования. Жаль, что ты изнасилуешь не меня.

– Как же я могу тебя изнасиловать? – спросил я. – Ты же первая давала во всем Париже. И знаешь, что я думаю?

– Что?

– Даже в тот первый раз я тебя не изнасиловал. Мне кажется, ты сама меня изнасиловала. Так сильно тебе этого хотелось.

Она рассмеялась, и я стиснул ее титьки.

– Вставь между ними член, – попросила она.

Я повиновался, она заколыхала титьками и так меня возбудила, что мне захотелось тотчас вскочить в нее.

– Вот, – сказала она, – теперь ты полностью готов к изнасилованию.

Мы вышли из сада и встали у калитки, дожидаясь, не пройдет ли кто-нибудь мимо. Но было уже поздно, и четверть часа никто не шел.

– Черт, – сказал я. – Видать, все без толку.

– Тсс, – прошептала она. – Кто-то идет.

Я выглянул на улицу и увидел женщину, шагающую навстречу. Когда она, наконец, приблизилась, я повернулся к Карле и сказал:

– Это же шлюха. Какой смысл ее насиловать?

Женщина повернулась к нам.

– Тебе не придется меня насиловать, голубушка, – сказала она, и я понял, что обращается она к Карле. Это была привлекательная баба лет сорока, с полным лицом и толстыми губами, между которыми она постоянно просовывала мясистый язык. На ней была тонкая блузка, просвечивавшая даже среди ночи на темной улице. Под блузкой скрывались пухлые титьки с большими коричневыми сосками. Я протянул руку и сжал один пальцами. Он был твердый, как член.

– Меня зовут Мари, дорогая, а тебя? – сказала шлюха Карле и погладила рукой ее грудь.

– Меня – Карла, – ответила она, – а это Жан.

Тогда Мари отпихнула меня, приперла Карлу спиной к калитке, и они начали целоваться. Оставшись не у дел, я начал ласкать жирную жопу Мари, а затем предложил:

– Пошли в сад за домом.

– Отличная мысль, – воскликнула Карла. Мы вернулись в садик и все трое разделись. Мари оказалась лакомым кусочком. Я не мог оторваться от ее боков и бедер, и мне до смерти хотелось пощупать ее пизду. Мы легли втроем на траву и расположились кружком: пизда Мари уткнулась мне в лицо, пизда Карлы – в лицо Мари, а мой член лежал во рту Карлы. Мы энергично принялись за дело. У Мари была потрясающая старая рабочая дырка – огромная и облегаящая, будто сточная труба, и хлестало из нее, как из водопроводного крана. Надо было видеть, как я ее облизывал. Но она вряд ли это замечала, так как была целиком поглощена Карлой. Она хватала и дергала ее за титьки. Я же облапывал все тело Мари, втыкая пальцы в нежное мясо.

Наконец, я решил плавно войти в Мари и, вынув член из Карлы, вскочил на Мари, которая по-прежнему лизала пизду. Ее колени раздвинулись,

и широкая пунцовая щель поднялась мне навстречу. Я уважил ее и задвинул в нее свой жезл. У меня, конечно, толстый и длинный, но у Мари хватило бы места на два таких же. Впрочем, я умею обращаться даже с дряблыми пиздами: извиваясь, я всаживал изо всей силы, и ей это нравилось. Тем временем Карла повернулась так, что, держа голову Мари у себя между ног, смогла уткнуться лицом прямо мне в жопу. А я тем временем наяривал, чувствуя, как ее язык входит и выходит из моей дырки. Это доставляло огромное наслаждение. В тот миг, когда я разрядился в Марию, Карла глубоко засунула язык мне в очко, и это было потрясающе.

105

После этого мы сели и завели разговор; Мари все время держала руку в пизде у Карлы.

– Я рада, что познакомилась с вами, – сказала Мари. – Надеюсь, у нас еще будет немало приятных встреч.

Карла чуть-чуть куснула титьку Мари.

– Вот что я вам скажу, – начал я. – Вы, девочки, можете на меня работать, и тогда мы очень часто будем вместе.

– А что за работа? – спросила Мари.

– Ты занимаешься ею всю жизнь.

– И сколько я за это получу?

– Я буду тебя хорошенько трахать, а Карла – хорошенько лизать.

– Но девица не может жить одним сексом, дорогой. Как же мне платить за квартиру?

– Ты будешь получать одну треть с каждой суммы, которую я беру с клиента.

– И сколько это составит? – подозрительно спросила она.

– Зависит от того, на сколько нам удастся его раскрутить.

– Даже не знаю. Я люблю договариваться точнее.

– Тупая ты манда, – сказал я. – Ты будешь зарабатывать вдвое больше. Кому захотелось бы трахнуть

такой, как ты, старый кусок дерьма, шляющийся по улицам?

– Тебе, например.

– Я бы не стал за это платить. Но если ты будешь работать на меня, я вначале выбью из клиента деньги, а уж потом приведу его к тебе. И тогда ему придется тебя полюбить, потому что он уже заплатил.

– Ну... – задумалась она.

– Я буду работать на тебя, Жан, – сказала Карла. – И, разумеется, не потребую за это никаких денег. Конечно, я надеюсь, что ты заметишь, каких занятых типчиков я умею цеплять. Я не хочу, чтобы клиенты просто вставляли и уходили. – Она повернулась к Мари. – Ты ведь хочешь работать на Жана, Мари?

– Не знаю...

– Что ж, если не знаешь, тогда убери с меня руку.

– Ну ладно, – сказала Мари. После чего все мы сползлись вместе, чтобы скрепить договор печатью, и поскольку уже рассвело, Карла сказала, что на сегодня хватит.

Так Карла стала одной из моих работниц. Она с самого начала пользовалась огромным успехом: могла принять за час пять мужчин и трудиться с полудни до рассвета без перерыва. Я запрашивал за нее действительно высокую цену. А она ухитрялась выманивать у клиентов больше денег, нежели они платили мне, чтобы на нее влезть. Она говорила, что еще за сотню франков покажет им что-нибудь особенное: например засунет соски им в жопу. Ее *pièce de résistance** была, разумеется, поза вверх ногами, за которую она всякий раз просила целых две тысячи франков. И каждый заработанный ею франк переходил ко мне. Она никогда не брала себе ни гроша. Иногда я говорил:

– Знаешь, Карла, я бы не стал возражать, если бы ты оставила часть денег себе.

* Коронный номер (фр.).

– Господи, Жан, я не нуждаюсь в деньгах. Я люблю свою работу, и мне нравится тебе помогать.

– Ты – сущий ангел.

– Единственное мое желание – чтобы ты хорошенько оттрахал меня хотя бы раз за ночь.

И она всегда этого добивалась. Каждую неделю мы посвящали одну ночь друг другу. Иногда к нам присоединялась Мари, но я предпочитал, чтобы ее рядом не было, иначе у меня почти не оставалось шансов добраться до пизды Карлы.

107

В общем, наша счастливая жизнь продолжалась всего года два. За это время мой бизнес неимоверно разросся, поскольку разразилась война и повсюду было полно солдат. Время от времени Карла принимала трех-четырёх за раз, превращая кучку иноземных вояк в большую счастливую семью.

Не знаю, сколько бы еще продлилось наше совместное житье, если бы не пришли немцы. Но Карла тогда испугалась за своего ребенка и, извинившись передо мной, сказала, что уезжает на юг.

– Ты с ума сошла, – сказал я. – На германской армии можно заработать приличные деньги.

– Только не мне, Жан. Разве ты не знаешь, что все немецкие солдаты – голубые?

– Правда?

– Так говорят.

– Спасибо, что сказала. Думаю, мне лучше заняться вербовкой армии мужчин.

В ночь перед отъездом Карлы из Парижа мы устроили безумную оргию. Простояли на головах часа два и все трахались, трахались, трахались. Когда она уходила, у меня так кружилась голова, что я даже забыл попрощаться.

После этого я целую неделю бродил по Парижу, подыскивая мужчин и уговаривая их работать на меня. Я готовился к оккупации, и когда вторглись немцы, у меня уже было восемнадцать работников.

С тех пор я больше не видел Карлу. Разумеется, я часто думал: что же с ней случилось? Я считал, что, возможно, она погибла во время войны, ведь если бы она выжила, то после освобождения наверняка примчалась бы ко мне...

– Она выжила, – сказал я Дюпону, – могу вас заверить.

108 – Но как она могла жить без меня?

– Этого я не знаю. Возможно, нашла кого-нибудь другого.

– Кого-нибудь другого! – презрительно фыркнул он. – Никто другой не устроил бы ей таких же скачек, как я.

– По-моему, она все же любила меня.

– Любила-любила – да кто вообще говорит о любви? Я говорю о хорошей, ни к чему не обязывающей ебле, – он взглянул на часы. – Уже поздно. Мне пора бежать. Но, возможно, вы хотите, чтобы я устроил вас на ночь – бесплатно, разумеется, вместо подарка. Друг Карлы – мой друг. Что вас интересует?

– Роз.

– Какая еще Роз?

– Девушка из гостиницы, где вы когда-то жили. Именно она дала мне ваш адрес.

– Она классно трахается. Идите прямо к ней. Скажите, что за счет заведения.

Мы пожали друг другу руки и расстались. Я вернулся в гостиницу к Роз и поднялся по лестнице в ее номер.

Дверь была все так же открыта, я заглянул внутрь и увидел, что Роз лежит на кровати, как прежде, голая.

– Боже мой, – сказала она. – А я уж думала, вы не придете.

– Ваш друг ушел?

– Да. Вы встретились с Жаном?

Я кивнул.

– Он что-нибудь передавал?

– Передал, что сегодня вы – моя, за счет заведения.

– Тогда раздевайся, – сказала она, поглаживая кусок волос у себя в промежности. – Ты возбуждаешь меня, голубчик.

Я сорвал с себя одежду и бросился к ней на кровать. Прижал свой пульсирующий член к ее животу, наши губы соединились, а моя рука стала гладить ей бедра.

– Я больше не могу ждать, – сказала она. – Выеби меня скорее. Выеби.

И с инстинктивным чутьем голубя, вернувшегося в свою голубятню, мой затвердевший орган юркнул в Роз.

110

Менее чем через сутки после разговора с Жаном Дюпоном я уже мчался в Ниццу. Когда мы вылетели из Орли, шел дождь, и поэтому полет был не очень приятным: небо затянуло тучами, а самолет сильно болтало, и многих пассажиров тошнило. Однако после Лиона небо начало проясняться, и как только мы пересекли Приморские Альпы, видимость стала идеальной. Внизу показались деревни, яркое солнце сияло в голубом, как стекло, небе, а вдалеке уже неясно вырисовывалось спокойное Средиземное море.

Когда мы приземлились в аэропорту Ниццы, погода стояла чудесная. Я взял такси до Канн и поселился в отеле «Сюперьер», сняв роскошный номер с видом на залив. Было уже семь часов утра, но солнце еще пекло. Несколько купальщиков плавали или нежились на берегу. Выйдя из номера, я заказал в баре выпить, а затем спросил лакея, где находится рю де ля Мер.

– В пяти минутах отсюда, – сказал он мне и уточнил, в какую сторону идти.

Отыскать рю де ля Мер оказалось нетрудно. Подобно большинству каннских улиц, она была узка и довольно темна. Едва очутившись на этой улочке, я тотчас сверился со списком Карлы, нашел номер дома и имя мужчины. Пройдя до конца, я обнаружил, что дом, соответствовавший номеру в списке, окружен высокой каменной стеной. Роскошные двойные деревянные двери в стене оказались слегка приот-

крыты, я отворил их и шагнул в передний двор. Участок был старательно ухожен: со всех сторон меня окружали густые заросли цветов всех оттенков и пород. Прошагав к входной двери, я нажал на звонок.

Почти моментально дверь распахнулась, и выглянул дворецкий.

– Это дом Шарля Бонне? – спросил я.

– Да, сударь.

– Могу ли я с ним поговорить?

– Мне придется посмотреть, дома ли мсье Бонне, – сказал он довольно чванливо. – А кто его спрашивает, простите?

– Говард Каннингем, американец и друг Карлы.

Он подозрительно взглянул на меня.

– Будьте так любезны, подождите минутку.

И он закрыл дверь прямо у меня перед носом. Поведение дворецкого меня раздражало, но я допускал, что его грубость, возможно, оправдана, поскольку половина восьмого вечера – странное время для прихода незваного гостя.

Через минуту дворецкий вернулся.

– Мсье Бонне вас примет, – сказал он.

Я последовал за ним в дом, и он вывел меня через вереницу коридоров в оранжерею посреди великолепных садов с видом на море. Около десятка людей широко и неравномерно расселись вокруг длинного стола, уставленного бокалами, бутылками, пачками сигарет и различными закусками. Там царил атмосфера роскоши и праздности.

Как только я шагнул в сад, один человек встал и вышел вперед.

– Мистер Каннингем? – спросил он.

– Да.

– Я – Шарль Бонне. Пожалуйста, идите сюда и садитесь.

Я последовал за ним к столу, и он познакомил меня со своими гостями и женой Луизой – сердитой, но

привлекательной женщиной за тридцать. Сам Бонне был постарше, возможно, пятидесяти с лишним лет: элегантный, жилистый человечек с седыми волосами и усами.

Я сел с ним и его женой в стороне от других.

– Что будете пить? – спросил он меня.

112 Я сказал ему, и он ушел за бокалом. Я остался наедине с его женой, которой, видимо, не хотелось говорить со мной, хоть она и смотрела на меня в упор. Луиза была весьма привлекательна: блондинка с темными глазами и золотистой кожей. Пуговицы на ее тонком летнем платье были вверху расстегнуты и обнажали большую часть белоснежной груди. Когда женщина вздыхала, с обеих сторон даже показывались маленькие розовые полумесяцы, а грудь как бы раздувалась.

– Вот, пожалуйста, – сказал Бонне, принеся мне бокал и усевшись напротив.

Я не знал, как завести разговор о Карле, особенно – в присутствии жены Бонне, но он мгновенно отвлек меня вопросом:

– Давно ли вы в Каннах, мистер Каннингем?

– Нет, прилетел сегодня вечером.

– А, новичок.

– Не совсем. Я бывал здесь раньше несколько раз – правда, никогда не останавливался в городе.

– А теперь остановитесь?

– Ненадолго. Самое большее – на пару дней.

– Как досадно, – сказала Луиза Бонне, глубоко вздохнув, и мне показалось, что ее соски выскользнут из платья. – На самом деле, сейчас идеальное время для отдыха в Каннах: туристов пока нет, да и сильная жара еще не наступила.

– Знаю, – сказал я, – но ничего не поделаешь.

Воцарилось молчание – скорее, опасливое, чем неловкое. Настало время пояснить мои намерения.

– Наверное, – начал я, – вас интересует цель моего визита.

– Признаюсь, что испытываю некоторое любопытство, мистер Каннингем, – произнес Бонне.

– Что ж, можно сказать прямо? – спросил я, повернувшись к Луизе.

– Разумеется, – ответила она.

– Повод для моего визита довольно деликатен. Возможно, будет лучше, если я останусь с вами, мсье Бонне, пару минут наедине.

113

Луиза Бонне холодно глянула на меня.

– У моего мужа нет от меня никаких секретов, – сказала она.

– Это сущая правда, мистер Каннингем. Вы можете говорить откровенно.

Я помедлил, пригубил из своего бокала и начал:

– Я пришел по просьбе Карлы.

– Какой еще Карлы? – спросил Бонне.

– Скорее всего, вы не знали настоящего имени. В любом случае, ее звали Карла Арвон.

Бонне, похоже, серьезно задумался. Он бросил взгляд через весь сад и вперил его в темнеющее море.

– Извините, – сказал он, – среди своих знакомых я не помню никого с таким именем.

– Возможно, она пользовалась другим. Это была обворожительная женщина с голубовато-платиновыми волосами и голубыми глазами...

– Шарль, ты наверняка должен помнить эту женщину, – сказала Луиза своему супругу.

– Мне тоже так кажется, но боюсь, что если даже я знал, то начисто забыл ее.

– Она попросила вас встретиться с моим мужем?

– В некотором роде. Видите ли, она умерла и оставила мне письмо, в котором просила встретиться с несколькими ее старыми друзьями. Мсье Бонне тоже внесен в список.

– Возможно, – произнес Бонне, – в Каннах есть другой человек с таким же именем?

– Она также оставила ваш адрес, – сказал я.

– Ясно... – Бонне задумался. – Как странно. Предположительно, мы с ней были близкими друзьями?

– Понятия не имею. Но другие люди из списка вспоминали ее без труда.

– И впрямь, Шарль, – сказала Луиза. – Вряд ли эта женщина стала бы беспокоиться о человеке, которого едва знала.

– Да, разумеется, – согласился он. – Но я честно не могу ее вспомнить. Мне ужасно жаль, мистер Каннингем. Я бы с огромной радостью вам помог...

– Это не так уж важно. В любом случае, я пробуду в Каннах еще пару дней, и если вы что-нибудь вспомните, то сможете найти меня в отеле «Сюперьер». Надеюсь, вы простите меня за сегодняшнее вторжение.

– Пустяки, – сказал Бонне, – я очень рад знакомству с вами. Когда круглый год живешь в Каннах, всегда приятно увидеть новое лицо еще до начала сезона.

– Да, – подтвердила Луиза. – Не хотите ли прийти к нам завтра на обед?

– С большим удовольствием.

– Отлично, – сказала она. – Тогда приходите к полудню. Обедаем мы обычно без церемоний. Так что если отправитесь утром купаться, вполне можете явиться в плавках.

Я пожал обоим руки, почувствовав теплый нажим Луизиных пальцев. Затем они вдвоем провели меня через весь дом к входной двери.

На обратном пути в отель я пытался найти разгадку. Неужели это новая грань ее извращенности? Значит, Карла запланировала эту охоту за химерами? Это казалось вероятным или, по крайней мере, возможным, и все же отпирательство Бонне меня не убедило. Что ж, я мог предпринять новую попытку

завтра за обедом: мне пришлось бы тщательно разработать стратегию и попробовать вставить в разговор что-нибудь типичное для Карлы.

Однако, как выяснилось, во всем этом не было необходимости, поскольку в отеле портье передал мне вместе с ключом два сообщения. Первое – от Бонне:

«Да, разумеется, я помню Карлу. Давайте встретимся в холле вашего отеля сегодня в одиннадцать вечера, и я расскажу все, что вы хотите узнать».

Второе сообщение сильно меня удивило – его оставила Луиза Бонне:

«Буду ждать вас в саду в два часа ночи. С нетерпением жду встречи».

Портье улыбался, пока я читал эту записку, а я взглянул на него неодобрительно и поднялся к себе в номер. Не успел я войти, как почувствовал, что зверски голоден. Я умылся, спустился вниз и оставил ключ, а затем отыскал ресторан, в котором ужинал много лет назад. Заказал много блюд и ел очень медленно, но когда я вышел прогуляться по променаду вдоль пляжа, еще не было и десяти.

Снизу до меня со всех сторон доносились пронзительные крики и сопение любовников, смешанные с рокотом прибоя. И мысли мои перемешались тоже: я думал об истории взаимоотношений Бонне с Карлой, которую он мне расскажет, и одновременно представлял себе, как в саду меня ждет Луиза, с выпавшей из платья грудью и румяными сосками, которые твердеют от моих поцелуев. В конце концов, я вообразил Луизу голой: она ждала, чтобы я овладел ею, повалил на клумбу и наша плоть соединилась. Картина нашего совокупления настолько возбуждала меня, что я даже приостановился, стараясь успокоиться.

Опершись о перила, я посмотрел вниз на пляж. Прямо подо мной лежали парень и девушка в мокрых купальных костюмах, прижимаясь друг к другу. Обоим

было не больше шестнадцати, и приспущенный костюм девушки обнажал два юных полушария, маленьких и красивых, как невысокие волны. Один розовый сосок парень держал во рту, и девушка гладила его по спине, вздыхая.

Вдруг парень поднял руки и начал стаскивать с нее купальный костюм. Тот плотно облегал ее тело, и мальчик тянул грубо, страстно.

– Не надо, – захныкала она. – Мне больно.

116

Но он продолжал стягивать до пояса, пока не появился мягкий, слегка вздутый животик. Мальчик припал к нему губами, а затем опустил костюм ниже – до самых бедер. Обнажился треугольник волос, и парень поцеловал его, а потом стянул с девушки купальник вдоль бедер, коленей и лодыжек, после чего она сама отпихнула костюм ногой. Лицо мальчика исчезло между бедрами девушки, и он повернулся так, чтобы его закрытые чресла оказались рядом с ее ртом. Девушка осторожно приспустила его плавки, и я услышал, как она вздохнула, когда член выскочил прямо перед ней, ткнувшись своей толстой головкой в губы. Губы раздвинулись, и она взяла его целиком в рот, зарывшись лицом в лобковые волосы. Так продолжалось несколько минут, а затем оба развернулись, их лица соединились, а тела прижались друг к другу. Пока они целовались, парень гладил девушку между ног.

– Дай мне, – сказал мальчик, оторвав от нее губы.

– Я боюсь. Я никогда раньше этого не делала.

– Ничего страшного. Просто расслабься.

– Ты перестанешь, если мне будет больно?

– Если захочешь.

Стоя на коленях, парень задвигался между расставленными ногами девушки. Он медленно поднял ее колени, они прижались к ее туловищу, и юный нетронутый орган девушки натянулся в ожидании. Парень подался вперед, взял член, направил его го-

ловку к щелке, плавно задвигал им, и девушка застонала от наслаждения. Кончик члена находился у входа во влагалище, и парень осторожно напирал, затем выходил, снова погружался немного глубже и вытаскивал.

– Вставь до конца, – крикнула девушка.

Мальчик ринулся вперед, рухнул на нее сверху, и его древко безжалостно вспороло девушку. Она тяжело, мучительно вздохнула.

– Вынь, – вскрикнула она.

117

Он повозился над ней пару секунд, пока не понял, что боль сменилась удовольствием, а затем спросил:

– Хочешь, чтобы я вынул?

– Нет-нет, – прошептала она, завертевшись под ним.

В этот момент, вспомнив, наконец, о приличиях, я оставил детей развлекаться наедине.

Вернувшись в отель незадолго до одиннадцати, я сел в холле, и вскоре пришел Бонне.

– Извините за все эти уловки, – сказал он вместо приветствия. – Я скоро все объясню. Моя машина стоит на улице. Я знаю одно милое местечко за городом, мы можем туда съездить. Там будет удобнее говорить.

Я последовал за ним к машине, мы сели и поехали в сторону Жуан-ле-Пен.

– Все дело в том, – начал он, с трудом переводя дыхание, – что моя жена очень ревнива, и о моем довольно скандальном прошлом она узнала лишь после нашего замужества. Выяснив это, она сразу решила, что за каждую женщину, которая была у меня до брака, будет получать по мужчине. В итоге девственница стала уличной девкой, а развратник – святым. Это немного утомительно, и, естественно, я прилагаю усилия для того, чтобы она ничего не знала о моей жизни до брака или, по крайней мере, знала о ней как можно меньше.

– Поэтому вы сделали вид, будто не помните Карлу.

– Разумеется. Само собой, я прекрасно ее помню. И точно знаю, почему вы здесь. Она говорила мне, что вы приедете.

– Дело в том, что она умерла.

– Я все понял из ваших слов. Мне очень горько это слышать.

– Полагаю, вы давно ее не видели.

– Боже мой, ну конечно. С самого окончания войны. Если простите мою иронию, у нас был военный роман. Нас свела вместе война, а разлучил мир. Просто мы испытывали друг к другу не только вождедение – нас связывали общие интересы.

– Секс?

– Мягко говоря. К тому времени, когда я познакомился с Карлой, обычные сексуальные отношения казались ей слишком пресными. Важно было их разнообразить. Она могла переспать с дюжиной мужчин – по очереди или одновременно – и так и не ощутить остроты, к которой стремилась.

– И что это была за острота?

Он пожал плечами.

– Разве столь развращенный человек, как она, еще способен ощущать остроту? Карла испытала все, что способно испытать тело, – он замолчал, а затем произнес: – Вот мы и приехали. Здесь прямо у дороги.

Он оставил машину на стоянке у большого здания, напоминавшего охотничий домик. Мы обогнули его сзади и очутились на террасе со столами и стульями, протянувшейся к самому морю. Там сидело несколько человек, и заведение освещали тусклые голубые лампы. Бонне отвел меня к столику в дальнем конце террасы, в нескольких ярдах от берега. Здесь мы были одни.

– Вон там, – сказал Бонне, показав в сторону моря, – всю войну стояла большая яхта, где мы с Карлой провели множество ночей. От этой самой террасы

мы отчаливали в моторной лодке к яхте. Это была необычная лодка, и я скоро вам о ней расскажу.

– Вначале давайте закажем чего-нибудь выпить.

Мы решили взять бутылку шампанского. Когда ее принесли, мы выпили в память о Карле и закурили, а я откинулся на спинку стула, приготовившись слушать рассказ Бонне. Он еще раз пригубил вино и начал:

– Мы познакомились в 1943 году, в самые жаркие дни лета. Мне всегда нравилось и нравится до сих пор плавать по ночам. Я люблю сесть в машину и ехать вдоль берега, пока не найду место, которое придется мне по душе. После этого я сразу останавливаюсь, снимаю одежду и долго, с удовольствием купаюсь в теплом море.

В ту ночь, когда я познакомился с Карлой, все именно так и произошло. Остановившись у полоски уединенного пляжа недалеко отсюда, я разделся, оставил вещи в машине и спустился по узкому каменистому берегу к кромке воды. До сих пор помню, какой теплой была вода, когда я вошел в нее и поплыл. Проплавав около четверти часа, я впервые оглянулся на берег и понял, что нахожусь примерно в ста ярдах от того места, где оставил машину. Я чуть-чуть запыхался и поэтому решил сразу же отправиться обратно – медленно, чтобы не растратить силы.

Но тут я увидел женщину, стоявшую на пляже. На таком расстоянии я, естественно, не мог рассмотреть ни ее лицо, ни фигуру, но мне удалось заметить странные движения рук, которые она подняла, словно кому-то самозабвенно отдаваясь. Тем не менее, она была одна, и мне стало так любопытно, что я неторопливо поплыл к берегу.

Приблизившись, я увидел, что она голая. У нее было роскошное тело, покрытое темными переливающимися

теньями; груди – полные и дразнящие, а соски – как спелые вишни. Она стояла, как я уже сказал, подняв руки и слегка ими помахивая; ее круглый живот выпячивался, чувственно дрожа. Страстно постанывая, она опустила руки и начала растирать соски, пока они не затвердели. Одну ладонь уронила на бедро, она медленно пробралась к пушистому холмику, а затем устремилась в промежность.

Этой женщине явно был нужен мужчина!

Подплыв к берегу, я вышел на пляж у нее за спиной. Молча приблизился и, встав сзади, протянул руки и сгреб в ладони ее полные груди, прижавшись так плотно, что мой разгоряченный вставший член лег в холодную ложбинку между ягодицами. Похоже, она вовсе не удивилась, однако отстранила меня и завертела задом. Я снял одну руку с ее груди и провел по ее холодному животу и округлым бедрам. Они раздвинулись, впуская мою ладонь. Внутри она была уже мокрая: на руку мне пролилось горячее, сырое желе.

Вдруг она развернулась и припала ртом к моим губам, засовывая язык между зубами. Я почувствовал, как она дернула меня, и мы оба одновременно повалились на песок, причем Карла упала навзничь, а я сел сверху. Рты мы не разъединяли; я жадно кусал ей губы, вращая языком за ее щеками.

Она отвела голову в сторону.

– Кусай меня, – сказала она. – Бей.

Я повиновался: сантиметр за сантиметром хватал я зубами ее плоть и кусал, пока не испугался, что могу разорвать ее в клочья.

– Сильнее, – кричала она.

И мои зубы вонзились в нее еще глубже. Медленно кусая, разрывая и вспарывая груди, я покрывал эти бледные полушария синими кровоподтеками. Затем перешел к подмышкам, вгрызаясь зубами в волосяную плоть, а потом к животу – гладкому теплому

холму, который искромсал до крови. Я покрыл укусами ее бедра и икры, ягодицы и поясницу и, наконец, приготовился к самому лакомому блюду.

Ее ноги широко раздвинулись, а колени подтянулись, раскрыв передо мной хитросплетение чресел. Я прижался лицом к ее лону и принялся остервенело есть, сжимая в зубах кусочки раскаленного мяса и глодая его, так что она завизжала. Мои руки грубо и страстно хватали песок, гальку и разбитые ракушки, валявшиеся вокруг, и, набирая целые пригоршни, я втирал их ей в тело и липкие чресла, засовывая в широкий влажный канал, а потом заталкивая эти обломки ниже – в тугой проход ануса.

121

Она обезумела от желания, бросилась на меня и засунула мой член в эту шершавую сеть, вставив его до конца. Песок обжигал мне член, вызывая ощущения, которых я никогда прежде не испытывал. Карла кричала, визжала и хрипела от мучительной боли, смешанной с неистовой радостью. Крепко стиснув меня ногами, она поднималась и опускалась, и наконец мы начали кататься по жесткому каменистому пляжу. Слившись в пламенных объятиях, мы без остановки катились по пляжу к воде. Наконец плюхнулись в море, и нас накрыли теплые нежные буруны.

Затем, полностью погрузившись под воду, мы оставались. Мои руки хватали ее груди и безжалостно щипали, а я загонял в нее и вытаскивал свой член, бешено колотясь в ее утробу и доставляя нам обоим наивысшее наслаждение. Наши соки смешались с морской водой, и после оргазма мы настолько ослабели, что волной нас разбросало в стороны.

Когда мне удалось встать на ноги, я увидел, что она сумела доползти до пляжа и теперь лежала, тяжело дыша, на одеяле, которого я раньше не заметил. Я добрался до нее, тоже лег на одеяло, и мы много помолчали.

Наконец она нарушила тишину:

- Спасибо, это было изумительно.
- Не благодарите, я тоже получил удовольствие, уверяю вас.
- Вы живете где-то поблизости? – спросила она.
- В Каннах. А вы?
- У меня вилла в горах. По ночам я приезжаю поплавать.
- И поискать приключений.
- Да, но это редко удается.
- Я-то думал, все мужчины должны падать к ногам такой женщины, как вы.
- Она рассмеялась:
- Мало мужчин плавает по ночам. К тому же – в таких уединенных местах.
- Вы всегда приходите на это место?
- Нет, обычно я хожу на разные пляжи. Здесь я еще ни разу не была.
- Но я надеюсь, вы еще вернетесь.
- Непременно – если вы тоже придете сюда.
- Она протянула руку над одеялом и сжала теплой ладонью мой член.
- Какой тяжелый, – сказала она.
- Это потому, что он полон.
- Полон?
- Да, сока, который должен излиться и заполнить вас.
- Боюсь, – улыбнулась она, – во всем мире не хватит сока, чтобы меня заполнить. Я – сосуд, обреченный всегда превышать по объему свое содержимое.
- Не совсем так. По-моему, я отлично заполнил вас всего пару минут назад.
- Как давно это было! Я уже почти ничего не помню.
- Тогда я должен доказать вам еще раз.
- Я осторожно придвинулся и обнял ее.
- Я хочу отсосать у тебя, – сказала она и плавно развернулась. Ее поджатые губы обхватили головку моего члена, а кончик языка мелькнул над его отверстием. Затем она медленно опустила голову, пока все

мое древко не погрузилось в теплую сливу ее глотки. Я тоже подвинулся и зарыл лицо в волосы ее паха. Теперь ее плоть стала гладкой: обломки смыло водой.

Я лениво сосал ее, проводя языком вдоль ложбинки от лобка до ануса. Лизал, а затем кусал клитор, и в ответ она кусала меня за член. Мой язык лежал у входа в ее дырку, и я водил им туда-сюда, словно он был ящеркой, а потом засовывал как можно дальше. Я смаковал сотни вкусов ее влажной утробы.

Когда мы разъединились, она встала на четвереньки и поманила меня, чтобы я пристроился сзади. Я так и сделал и увидел ее влажные, нежно обвисшие, волосатые губы. Ввел между ними свое орудие и засунул в трепещущее устье влагища. Я вошел медленно, и она нанизалась на меня задом: мы вновь плотно соединились. Я обнял ее, схватив руками за груди, и мы начали раскачиваться взад-вперед. Я плавно перенес одну руку с ее груди на щеку – туда, где в нее погружался член. Я царапал ее ногтем как раз над местом соединения – поначалу легко, а затем с нарастающей жестокостью. Чем сильнее я терзал ее, тем больше она распялялась и тяжело билась в меня, словно хотела поглотить меня целиком своими чреслами. Я царапал, а она толкалась до тех пор, пока я не почувствовал, что наши органы, распухшие от пылкой страсти, колошматятся друг о друга. В кульминационный момент я схватил ее обеими руками за поясницу и начал терзать, как сумасшедший. Она орала во всю глотку и бешено подмахивала мне, пока наш взрыв не утих.

Не отпуская меня, она упала на живот, и мы немало полежали, тяжело дыша.

- Не хочешь пойти на вечеринку? – спросил я, слезая с нее.
- Какую?
- Тебе понравится.
- С удовольствием. А где это?

– На яхте в заливе, недалеко от Жуан-ле-Пен.
– А я вернусь сюда к пяти утра?
– К чему такая спешка? Сейчас ведь уже начало третьего.

– Я хочу побыть дома с дочкой.
– Ну, ладно. Вернемся в пять, если хочешь. Яхта – всего в двадцати минутах от берега.

Она оделась, и мы зашагали к машине, где я тоже накинул на себя одежду.

– Моя машина тут недалеко, – сказала она.
– Мы можем поехать на моей, а потом я привезу тебя сюда обратно.

Наверное, теперь мне нужно объяснить, что вся эта роскошь стоила огромных денег. За бензин – и вообще обслуживание автомобиля – приходилось платить немцам баснословные суммы. Даже содержать яхту можно было только с согласия оккупационных войск; поэтому мы не опасались, что в это гнездо порока нагрянут слуги закона. Жизнь на яхте завершилась лишь с окончанием войны.

В общем, мы с Карлой подъехали к этой самой террасе, где всегда поджидало несколько моторных лодок, перевозивших членов клуба на яхту. Я показал свой членский билет и заплатил за проезд Карлы, а затем мы забрались в лодку и отчалили.

– Все это так захватывающе, – сказала Карла.
– Подожди еще, доберемся до яхты.
– А что там происходит?
– Что угодно. Ты получишь там все, чего захочешь.

Карла сидела рядом, и я обнимал ее, лаская груди. Свежий соленый ветерок брызгал нам в лицо хлопьями пены. Лишь когда мы уже были в паре минут от яхты, стали видны ее очертания.

– Какая огромная, – сказала Карла.
– Раньше она принадлежала одному богатому восточному принцу. Но принц бросил яхту, как только разразилась война, и ее захватила компания... сла-

столбцов, если можно так выразиться. Эта компания разделила судно на отсеки, дабы разместить там людей с самыми невероятными наклонностями. Но вот мы и прибыли, через минуту ты увидишь все собственными глазами.

Когда наша лодка приблизилась, с палубы спустился небольшой подъемник, мы с Карлой влезли туда, и нас подняли на борт.

– Добрый вечер, мсье Бонне, – сказал лакей.

– Добрый вечер. Это – мадмуазель Карла.

– Очень рад знакомству. Надеюсь, вы найдете себе развлечение по вкусу, – сказал он.

– Уверена, – ответила Карла.

Мы направились к главной двери и через вестибюль прошли в раздевалку. За конторкой, как обычно, стояло двое гардеробщиков: молодые мужчина и женщина, оба голые.

– Мы оставим свои вещи здесь, – сказал я Карле, и мы начали раздеваться.

Голые, мы проследовали в большой зал – просторный ночной клуб, где все – от музыкантов до официантов – были нагими.

– О, чудесно, – воскликнула Карла.

Она постояла немного, наблюдая за танцующими парами: некоторые одновременно занимались сексом. Один мужчина вальсировал, обнимая девушку, которая обвивала его ногами, а чресла их были соединены. В других частях зала люди ели, пили, разговаривали, совокуплялись, мочились, испражнялись – словом, делали все, чего душа пожелает.

– Хочешь потанцевать? – спросил я Карлу.

– Может, позже. Не терпится осмотреть все судно.

– Что ж, давай выйдем в коридор, – я повел ее на нижнюю палубу, где мы остановились перед дверью, из-за которой доносились душераздирающие вопли.

– Что там происходит? – спросила она.

– Давай зайдем и посмотрим.

Я распахнул дверь, и как только мы переступили порог, на нас набросилась дюжина человек с палками, плетками и другими орудиями. Большая комната была набита людьми: одних били, а другие били сами. Парочки лежали на кушетках и на полу, а мужчины и женщины секли их и топтались по ним. Кое-кто был прикован к стенке, подвешен за большие пальцы к потолку, привязан к колесу, уложен на шипы или примотан канатами к кресту. На каждого мученика приходилось по мучителю.

– Я редко захожу в эту комнату, – крикнул я Карле, пытаясь оттолкнуть нападающих.

Но Карла меня не слышала. Из ее груди вырывались страстные вопли, и она подставляла тело под плетки, извиваясь и изворачиваясь, чтобы ни одна частичка не осталась, так сказать, необработанной. Ее ноги широко раздвинулись.

– Сюда, – кричала она. – Бейте меня сюда.

Какой-то уродливый мужчина начал изо всей силы хлестать ее по пизде. Плетка рассекала ее, Карла визжала и ликовала – казалось, будто над ее чреслами курится пар. Мужчина набросился на нее и загнал свой колоссальный елдак, не обращая внимания на кровоподтеки. Остальные начали топтаться по этой паре. Подошла невысокая женщина, села Карле на лицо и оставила у нее на губах маленькую какашку.

– Убей меня, я кончаю, – завопила Карла, но в эту минуту мужчина вынул член.

– Не останавливайся, – закричала она.

Он стоял над ней, наслаждаясь ее прерванным оргазмом. Но другой вскочил на место первого, и хотя во многом ему уступал, все же быстро удовлетворил Карлу.

– Давай уйдем отсюда, – сказал я.

– Хорошо, – ответила она с неохотой, я помог ей встать на ноги и, вытолкнув из комнаты, захлопнул за нами дверь.

– Там было так весело! – воскликнула она.
– Кажется, тебе в самом деле понравилось. Но ты в крови.

– Мне все равно. Это тоже часть удовольствия. А что здесь?

Мы проходили мимо ряда дверей.

– Это комнаты для людей, желающих побыть в одиночестве.

– Нет, меня это пока не интересует. Пошли веселиться.

Мы добрались до конца коридора, затем поднялись по ступенькам, открыли дверь и вошли в зверинец.

– Ну и вонь! – сказала она. – Точно в хлеву.

– Так это он и есть.

Если бы даже во Франции возникла нехватка удовольствия, на яхте всегда было бы вдоволь отменного скота. Эти покои предназначались для любителей животного мира. Сначала мы подошли к женщине с жеребцом. Она ласкала его алый член по всей длине, усыпая поцелуями и вылизывая; конь ржал от удовольствия. Через минуту женщина подпрыгнула и, обняв жеребца за круп, протянула ноги к крестцу.

– Помогите мне кто-нибудь, – попросила она.

Я подошел.

– Вам никогда его не засунуть, – сказал я.

– Уже засовывала, – ответила она, лихорадочно дыша. – Давайте.

Тогда подошла Карла и, схватив жезл коня, направила его в дырку женщины. Та изгибалась и покачивалась, пока, наконец, с помощью Карлы, конь и женщина не соединились – разумеется, лишь отчасти. Пока женщина скакала, Карла обрабатывала оставшуюся снаружи часть древка, и вдруг из женщины хлынули жидкие брызги. Конь залягался в экстазе, а его партнерша застонала. Мы же с Карлой перешли к другим искателям сексуальных приключений.

Один пожилой мужчина стоял на коленях позади овцы, сжимая член в руке и собираясь проникнуть

в любовный ход животного. Другой намазал свое тело медом и лег на пол, а три боксера его облизывали. Рядом сидела женщина с кошкой между ног, и та энергично терла ее языком. Молодого человека зондировал теленок: парень стоял под животным и пытался, пытаясь насадить зад на телячий член. Карла вновь оказала сексуальную помощь: направила орудие к цели, и когда произошла стыковка, опустилась на пол и приникла лицом к промежности мужчины, взяв его приспособление в рот. Они трудились и маневрировали втроем, и я сам присоединился к ним, опустившись на пол и припав губами к влажным, воспаленным чреслам Карлы.

После этого мы направились в курятник и как раз успели увидеть, как один мужчина совершал там любовный обряд.

С большого насеста в конце комнаты он снял красивую, квохчущую белую курицу и поднес ее к комоду недалеко от того места, где стояли мы. Затем выверенным жестом засунул куриную голову в ящик и задвинул его до самой шеи, чтобы удерживать птицу на месте. Курица кудахтала и била крыльями. Любовник невозмутимо пристроился сзади и вогнал член сквозь перья в мясистый куриный канал. Птица кричала и тряслась в агонии, а мужчина страстно ее накачивал, поглаживая перья. В момент оргазма мужчина совершил мощный толчок, и ящик со щелчком закрылся, обезглавив курицу. Стены, тело мужчины и все вокруг забрызгало кровью, безголовая птица упала на пол, секунду покружилась вслепую, а затем рухнула замертво к нашим ногам.

- Хотите попробовать? – спросил меня мужчина.
- Нет, спасибо. Я не очень люблю цыплят.
- О вкусах не спорят. Лично мне больше нравится их трахать, а не есть.

И он направился обратно к насесту, чтобы выбрать себе новую партнершу.

– Пошли, – сказала Карла. – Думаю, зверюшек на сегодня с меня хватит.

Мы продолжили экскурсию, но в следующую комнату вход Карле был запрещен: она предназначалась только для мужчин.

– Как бы мне хотелось посмотреть, – сказала она.

– Извини, нельзя. Тебе никогда не удастся выдать себя за мужчину.

– Я чувствую себя обманутой.

– Ладно, если зайти в коридор с другой стороны, там есть потайное окошко, и ты сможешь увидеть, что происходит внутри.

– Лучше, чем ничего, – произнесла она.

Мы проскользнули в коридор и, благодаря двум стульям, смогли заглянуть в небольшую вентиляционную шахту вверху стены. Комнату заполнили мужчины во всех мыслимых позах. В одном углу стоял гигантский каменный фаллос, игравший роль алтаря и окруженный со всех сторон поклонниками. Вдоль стен разместилась гирлянда из мужчин, выстроившихся идеальным кругом: каждый педераст был одновременно активным и пассивным. Замкнутый ряд ритмично покачивался, подобно змее.

– Изумительно, – радостно воскликнула Карла.

Если какой-нибудь мужчина разрывал цепь, из середины комнаты выбирали другого, который ее пополнял.

– Ходят слухи, – пояснил я Карле, – что цепь ни разу не разрывалась в течение всех трех лет существования. Она движется ночью и днем, и каждому уходящему мужчине тотчас находят замену.

Внутри круга толпились десятки мужчин; то была нескончаемая панорама фаллосов, проникающих во рты и анусы. Один мужчина посередине комнаты, похоже, был особенно изобретателен. Он стоял на четвереньках в окружении других и держал по члену в каждой руке, один – во рту и еще один – в заднице;

одновременно его собственное оружие занимало прямую кишку мужчины внизу.

– Как я ему завидую, – воскликнула Карла.

– Почему?

– Мне бы очень хотелось трахать самой, и чтобы при этом трахали меня. Но это невозможно!

– Этот недостаток кое-чем компенсируется.

– Например?

– Тебя могут одновременно трахать двое. Ни один мужчина не смог бы этим похвастаться.

– Ты так думаешь? – промолвила Карла и показала на мужчину посредине комнаты, который теперь был зажат меж двумя другими, и оба его партнера одновременно засовывали члены в одно и то жеместилище.

Приуныв, Карла слезла со стула, и мы продолжили нашу прогулку.

В следующую комнату вход был запрещен мне, поскольку там женщины занимались сексом между собой.

– Отлично, – сказала Карла. – Это как раз для меня.

Распахнув дверь, она столкнулась с внезапным напором дородной плоти, а мне в ноздри ударил резкий, упоительный женский запах. Затем дверь захлопнулась. Я подошел с другой стороны к вентиляционному окошку, но вокруг него уже толпилось трое или четверо мужчин.

– Взгляните на ту красавицу, которая только что вошла, – сказал один.

– Она самая сексуальная в этой комнате, – произнес другой.

– Хватит толкаться, – воскликнул третий. – Не видно ничего.

Их глаза и члены выпучились от возбуждения.

– Какая у нее пизда, – сказал один и начал яростно трясти свой орган.

– Господи, я этого не выдержу.

– Я тоже. Давай найдем себе живого мяса.

Все мужчины – за исключением того, что мастурбировал, – слезли со стульев и ушли. Я вскочил на освободившееся место и заглянул в окошко. Поистине, это был рай с гуриями: толстые и худые, низенькие и высокие, с громадной грудью и плоскогрудые, белые, розовые и смуглые – женщины всех сортов и цветов, от великолепной Карлы до костлявой бабенки с уродливым лицом, которая носилась по комнате, лаская груди и зады и засовывая голову между истекающими влагой, возбужденными чреслами.

131

– О, о, о, – вздыхал рядом со мной мужчина, продолжая трясти свой член.

С Карлой обошлись, как с богиней. Группа поклонниц повела ее через всю комнату к ониксовой ванне. В воде растворили порошки и благовония с таким сильным ароматом, что его донесло даже до меня. Две женщины приподняли Карлу и осторожно уложили в хлопья пены.

– Я искупаю ее, – закричала одна женщина.

– Нет, я!

– Нет, я!

– Нет, я!

Казалось, драка неминуема. Около дюжины лиц побагровели от ревности и бешенства, и вскоре женщины набросились друг на друга: они молотили руками и ногами, белые зубы вгрызались в светлую плоть, длинные волосы развевались, ногти злобно разрывали пизды, а белые груди покрывались пятнами крови.

– Сейчас же прекратите! – приказал чей-то голос, и женщины разошлись.

К ним подошла высокая, прекрасно сложенная женщина с воинственной осанкой; ее большие груди величественно выступали.

– Я искупаю ее, – сказала она, и никто не посмел с ней спорить.

Это создание, похожее на амазонку, опустилось на колени подле ванны и облобызало Карлу. Затем женщина залезла в ванну и с беспредельной нежностью принялась омыwać каждую часть ее тела. Покрытые пеной руки амазонки гладили ушибленные плечи Карлы, а затем с любовью массировали ей груди, легко дергая за соски. Вдруг ее руки исчезли под водой, и все остальные женщины вздохнули при мысли о том, какие сокровища исследовала их предводительница. С улыбкой на устах Карла запрокинула голову и отдалась умелым рукам амазонки.

Мужчина рядом со мной тяжело вздыхал, и, взглянув на него, я успел заметить, как мощная пеннистая струя ударила из его орудия в стену; сам же он забился в оргазме. Когда стена покрылась его соком, мужчина сказал:

– Уже двенадцатый раз за два дня.

– Да неужто?

– Да. Восемь раз вчера, четыре – сегодня, то есть пока четыре.

– Мастурбируете?

– Да.

– Зачем?

Он поежился:

– Нравится, и все.

И он снова начал дергать себя за член, чтобы тот встал во всю длину.

Вернувшись к лесбийской комнате, я увидел, что теперь уже Карла моет свою подругу. Еще одна женщина подошла с толстым турецким полотенцем, Карла вылезла из ванны, и подруга обняла ее, завернув в него. Женщина вытирала каждый сантиметр ее тела, и когда Карла снова осталась голой, кожа ее зардела.

Пухлая пожилая дама принесла гребень и принялась расчесывать роскошные волосы Карлы, которые мягко и свободно рассыпались у нее по плечам. Затем старуха встала на колени и расчесала волосы

у Карлы в паху, осторожно просовывая гребень между бедрами и продолжая работать пальцами.

После этого внесли горшок с маслом и покрыли тело Карлы волшебным золотистым слоем. Она была женщиной неземной красоты. В комнате прекратилась любая возня, и Карлу окружили поклонницы. Тысяча любящих рук тянулись, чтобы дотронуться до нее, а губы прижимались к ее маслянистой плоти. В этот момент амазонка, исчезнувшая на пару минут, вернулась и привязала ремнем к своим чреслам черный резиновый вибратор, размеры которого посрамили бы любого мужчину. В эту секунду я даже испугался за здоровье Карлы, хотя ее это, похоже, не особенно беспокоило.

133

Карлу уложили на пол, и к ней тотчас подошли две женщины. Первая села прямо на лицо, уткнув свои пунцовые срамные губы Карле в рот, а вторая протиснулась у нее между бедрами и начала делать ей то же, что сама Карла делала первой женщине. Их обступили еще около десятка женщин, проворно облизывая все тело.

– Довольно, – крикнула амазонка и вышла вперед.

Карлу оставили в покое. Появились две девушки, и каждая схватила Карлу за округлую ягодицу. Они приподняли ее, и щель Карлы расширилась, маня маслами и собственными соками. Колени ее запрокинулись, амазонка подошла вплотную и глубоко засадила в Карлу искусственный член. Любовницы начали извиваться в экстазе. Женщины ползали сверху и снизу, лаская и облизывая каждое свободное местечко.

Когда черная махина вонзалась, а затем выходила, Карла трепетала, и я слышал радостные всхлипывания. Мастурбирующий мужчина рядом со мной стремительно приближался к тринадцатому оргазму. Казалось, будто все уже на грани безумия. Женская комната буквально пульсировала от сладострастного

возбуждения; лесбиянки громоздились друг на друга, и повсюду высились груды женской плоти. Мое собственное вожделение достигло такой степени, что если бы я не последовал примеру соседа, наверное, испустил бы дух. Я начал бешено дрочить, и плоть моя затряслась; отовсюду слышались крики; мой разгоряченный жезл готов был лопнуть. А в следующую минуту наступила всеобщая кульминация. Карла завизжала в оргазме, остальные вторили ей, а я и стоявший рядом мужчина одновременно разрядились мощными струями в стену.

Придя в себя, я увидел, что Карла бессильно лежит на полу. Искусственный член был на сей раз привязан к ее чреслам, и, очевидно, она собиралась отблагодарить амазонку за любезность. Однако теперь я заметил, что вибратор обоюдоостр: один его конец погружался в Карлу, а другой торчал наружу. Обряд был совершен со всеми, кроме меня, – как и прежде, я участвовал в нем лишь заочно. Даже мужчина рядом со мной с некоторым трудом добился очередного оргазма.

Вскоре после этого Карла вышла из комнаты.

– Ты видел? – спросила она.

– Конечно.

– Меня принимали, как королеву.

– И как короля.

– В эту комнату я частенько буду захаживать.

Вдруг она обернулась и увидела мастурбирующего мужчину.

– Что он делает? – спросила Карла.

– По-моему, это очевидно.

Она заботливо подошла к нему.

– Почему вы не найдете себе партнершу? – поинтересовалась она.

– Не хочу.

– Почему?

– Потому что мне нравится дрочить.

Она немного посмотрела на его член и сказала:
– Дайте мне потрогать.
– Нет, – он отстранился от нее.
– Прошу вас. Он такой красивый. Хотите, я чуть-чуть пососу?
– Нет.

Резко протянув руку, Карла попыталась схватить его воспаленный орган.

– Оставь его в покое, – сказал я.
– Но я хочу его, – страстно возразила она.
– Можешь порезвиться со мной, – предложил я.
– С тобой я порезвлюсь позже. А сейчас хочу с ним.
– Нет, нельзя, – решительно сказал мужчина.

Вне себя от разочарования, она заорала на него, и мне пришлось ее оттащить.

– Успокойся, – сказал я. – Нам еще нужно осмотреть много комнат.

– Не хочу я больше ничего осматривать, – надулась Карла.

– Ты ведешь себя, как ребенок. Только из-за того, что мужчина не хочет...

– Это первый человек, который мне отказал.

– Неужели ты думаешь, что должна всех сводить с ума? Ну пошли...

– Нет, я хочу домой.

– Не глупи.

– Мне пора домой. Наверное, я уже опоздала.

– Хорошо, я отвезу тебя к твоей машине.

Мы возвращались тем же путем, которым пришли, проходя по коридорам, поднимаясь и опускаясь на разные палубы, и наконец снова очутились в большом бальном зале. Там еще танцевали несколько человек, но теперь уже под граммофонные пластинки, поскольку музыканты из оркестра сошли вниз подыскать себе женщин. Сейчас там можно было наблюдать гремучую смесь из всего, что происходило в других комнатах.

- Всего один танец, – сказал я Карле.
- Нет, и впрямь слишком поздно.
- Ты обещала.
- Честно...
- Ты сказала, что станцуешь.
- Ну, хорошо. Только один разок.

136

Мы взялись за руки и вышли на танцпол. Ее тело все еще было маслянистым, и мой член скользил по ее животу. Опустив руки со спины на ягодицы, я крепко прижал ее к себе, и ее скользкая плоть начала тереться о мою. Осторожно засунув пальцы между ягодицами, я с легкостью, как по маслу, проник в ее анус. Подпрыгнув, Карла обвила меня ногами. Нащупав рукой мой член, она с силой нагнула его и вставила между пухлыми жирными холмиками: тот легко вскочил внутрь. Наши рты сомкнулись, и мы присосались друг к другу языками. Карла извивалась и изгибалась всем телом, закрепляя нашу связь, которая становилась все более плотной и иступленно-возбуждающей. Я вертел бедрами, вонзаясь в нее все быстрее и быстрее, а ее зубы больно впивались мне в губы. Сочное жирное хлюпанье наших стучащихся чресел заглушало музыку граммофона. Крепко обнимая друг друга, мы продолжали бешено трахаться, пока не довели друг друга до оргазма.

После этого я не захотел ее отпустить, и в той же позе мы направились в гардероб за вещами. Добравшись туда, мы вновь возбудились от собственных движений и принялись наяривать по новой. Молодой человек, прислуживавший в гардеробе, вышел из-за вешалки и приблизился к нам: он встал сзади Карлы, протиснулся и засадил член в ее маслянистое очко. Втроем мы неистово танцевали по комнате: я и лакей покрывали Карлу с обеих сторон, буквально выбивая из нее дух, и отпустили, лишь когда спереди и сзади из нее полились наши жидкости.

Мы поспешно оделись, добрались на лодке до берега, и я отвез Карлу обратно к месту нашей встречи, где она села в свою машину и укатила.

Договариваться о свидании, разумеется, было не нужно. Мы знали, где сможем найти друг друга во все последующие ночи. Я и впрямь сомневаюсь, что Карла пропустила хотя бы одну ночь на яхте до самого окончания войны. Не стоит и говорить, что порой мне не хотелось видеть ее целыми неделями. Поскольку я не отличался ее выносливостью, время от времени мне приходилось брать месячный отпуск. Так что иногда Карла развлекалась с другими. Но в целом мы были такими же любовниками, как и любая другая пара, ведущая подобный образ жизни.

Так продолжалось до конца войны. Все посетители яхты знали, что наш клуб скоро закроется, и в последнюю ночь мы устроили потрясающую вечеринку. Двадцать девственниц и столько же девственников впервые познакомились с сексом, как вы догадываетесь, наилучшим из возможных способов. Мы забили целую уйму кур, которых потом съели. Прежде чем завершилась долгая и многотрудная жизнь мужской гирлянды, не разорванной дотопле ни разу, к ней присоединились все мужчины на борту. И самое приятное для Карлы: мужчина, который мастурбировал у лесбийской комнаты, позволил ей не только прикоснуться к своему члену, но и кулаком довести себя до оргазма.

Так закончился наш роман. Карла вернулась туда, откуда приехала. Признаюсь, я не жалел, что она уезжает. Вскоре после этого я дал обет добропорядочной жизни и женился на девушке, с которой вы познакомились сегодня вечером. Наш брак оказался необычайно счастливым, хотя его и омрачают иногда слухи о моей прежней жизни, достигающие ушей Луизы.

Бонне закончил свой рассказ, осушив вместе со мною третью бутылку шампанского.

– Господи, как я устал, – сказал он.

– Да, рассказ получился длинный, – я взглянул на часы: было начало третьего. – Мне и впрямь пора.

– Я вас подброшу.

– Вы едете домой? – спросил я.

– Разумеется, нет. Как я могу? К тому же я чертовски устал.

Я смущенно промолчал. «Нет, – решил я, – не хочу обманывать этого милейшего человека. Пойду напрямик домой и лягу спать».

– Послушайте, – сказал он мне, – если вы сейчас думаете, что все же не пойдете развлечься с моей женой...

– Но откуда вы знаете? – недоверчиво воскликнул я.

– Я живу с этой женщиной уже семь лет. А теперь слушайте: если вы пойдете к ней, то сделаете мне одолжение. Если же нет – она найдет кого-нибудь другого. И, откровенно говоря, я предпочел бы, чтобы она выбрала вас.

– Очень любезно с вашей стороны...

– Пустяки. Всегда приходится соблюдать светские условности, не так ли?

– Думаю, да.

– Что ж, тогда поехали, я высажу вас возле дома.

В Канны мы возвращались молча. Я думал о том, к каким странным и неприятным последствиям привела мстительность Карлы. Узнавая подробности ее жизни после нашего расставания, я испытывал все большее отчуждение. В тот вечер меня больше волновала Луиза Бонне, нежели воспоминания о Карле.

Когда мы уже подъезжали к дому, Бонне сказал:

– Вы ведь будете умницей?

– Что вы имеете в виду?

– Во-первых, не забудьте про это, – он вытащил из кармана пачку презервативов. – Здесь их целая дюжина.

– Вряд ли мне столько понадобится.
– Кто знает, – рассмеялся он. – В любом случае, пообещайте, что воспользуетесь ими. Хотя я вас очень уважаю, мне вовсе не хотелось бы стать отцом вашего ребенка.

– Понимаю, – согласился я. – Я воспользуюсь ими.
– Во-вторых, – продолжал он, – я до смерти устал, так что не пытайтесь задержаться подольше. И последнее: не забудьте о завтрашнем обеде.

– Разумеется, не забуду.

Он остановился в паре ярдов от своего дома.

– Вот мы и приехали.

Мы пожали друг другу руки.

– Спокойной ночи, – сказал я.

– Спокойной. Желаю хорошо повеселиться.

Он укатил, а я направился по улице к его дому. Дверь в стене была открыта, и я шагнул в передний дворик. Поскольку Луизы там не было, я обошел дом по боковой тропке с тыла. В лунном свете сад казался еще великолепнее, чем на закате. Я огляделся, но так нигде и не увидел ее. Все огни в доме были погашены, и я предположил: возможно, она решила, что я не приду, и легла спать.

Побродив по саду, я сорвал с дерева веточку мимозы и подумал, не вернуться ли в отель.

– Кого-то ищите, мистер Каннингем? – послышался ее голос из-за купы деревьев, росших, как мне показалось, в конце сада. Я прошагал к ним и обнаружил, что сад тянется дальше. Там, посреди зарослей, залитая лунным светом, стояла Луиза Бонне. Она была не обнаженной, как я представлял в грезах, а в том же платье, что и прежде, да еще и застегнутом чуть-чуть выше. В свете луны она была восхитительна.

– Да, – сказал я, – я ищу вас.

– Меня? – переспросила она в недоумении. – Какое необычное время для визита! Хорошо еще, что нет моего мужа, не то...

– О чем вы? – сказал я, затаив дыхание. – Я получил в отеле вашу телефонограмму и...

– Телефонограмму? Я не оставляла для вас никаких сообщений.

В ее голосе сквозил такой холод, что я мгновенно догадался: меня разыгрывают.

– Здесь явно какая-то ошибка, – сказал я.

– Да.

– Тогда я пожелаю вам спокойной ночи.

– Точнее, доброго утра.

– Спокойной ночи и доброго утра.

Я развернулся, собираясь уйти, но остановился и обернулся к ней. Стремительно пробежав разделявшее нас расстояние, схватил ее и насильно поцеловал. Она попыталась оттолкнуть меня, и поначалу я боролся с ней, но под конец сдался.

– Вы – маньяк, – сказала она, но теперь я уже понял, что это часть игры: Луиза Бонне разыгрывала всю эту сцену в надежде, что я изнасилую ее.

– Иди сюда, – крикнул я, притянув Луизу к себе, и наши рты вновь соединились. Мой язык ощупывал ее губы, с силой раздвигая зубы; все это время она боролась и царапалась, но я не ослаблял хватку.

Наконец отпустив ее, я все же удержал в руках ворот ее платья и дернул в разные стороны – множество крошечных пуговиц оторвались и запрыгали по земле. Под платьем ничего не было. Я сорвал его и отступил, чтобы взглянуть на нее. Она пыталась прикрыть наготу руками, но мало что удавалось спрятать. На меня уставились два шарика с твердыми, пунцовыми в лунном свете сосками. Взяв за руку, я повалил ее на землю.

– Не двигайся, – сказал я, – или я убью тебя.

Пока я раздевался, она лежала тихо, в притворном ужасе, а когда набросился на нее, она снова сделала вид, будто отбивается. Как только я добрался

до ее паха, она начала так сильно извиваться, что я не мог ее удержать, но почувствовал рукой сочащуюся влагу страсти. Я силой раздвинул ей бедра, и она завертелась и запрыгала, а когда я направил член к ее дырке, сильно мотнулась, чтобы я не вошел. Я ринулся вперед и промазал, потому что она перевернулась; устремился вновь, и кончик моего члена проник внутрь, но тут же выпал, когда она резко дернулась. Я попробовал еще раз и глубоко погрузился в ее плоть. Она продолжала трястись и извиваться, но теперь уже прижимала меня к себе ногами.

141

Потом, когда мы разъединились, Луиза притворилась возмущенной.

– Как вы посмели! – воскликнула она.

– Я в отчаянии.

– Еще бы! Вы же знаете, что я могу позвонить в полицию, и вас немедленно арестуют.

– Я убью тебя, если ты это сделаешь.

– Не сомневаюсь. Вы же грязная скотина.

Она встала на ноги.

– Куда ты собралась? – спросил я.

– В дом.

– Нет, ты не пойдешь. Я еще с тобой не закончил.

Она поднялась.

– Изверг! – завопила она, когда я вновь потащил ее за землю.

– Заткнись. Чтобы даже не пискнула.

Разумеется, вся эта игра смешила меня, но в какой-то извращенной форме я наслаждался ею так же, как и она. В ту ночь я изнасиловал Луизу еще дважды, а потом вернулся в отель. Проспав до одиннадцати, спустился на пляж поплавать, а затем зашагал к дому Бонне на обед.

Это был приятный обед с несколькими другими гостями. Бонне был очень мил и исчез тотчас же, как только мы поели. Меня позабавило, скольких трудов

стоило Луизе избавиться от остальных гостей. Наконец все ушли, и мы остались вдвоем. Впервые за этот день она обратилась ко мне:

– Я ничего не сказала мужу о минувшей ночи. И советую вам сейчас же уйти и больше никогда не возвращаться в этот дом.

– Рановато, – сказал я.

– Надеюсь, вы не рассчитываете на продолжение вчерашнего безобразия!

142

– Вот именно.

Встав со стула, я взял ее на руки, отнес в заросли и изнасиловал бедняжку несколько раз подряд.

Сев на вечерний самолет до Парижа, я всю дорогу вспоминал Канны. Как это ни странно, лишь после приземления в Орли я полез в карман и обнаружил там полную пачку неиспользованных презервативов, которую Бонне вручил мне накануне вечером.

Вернувшись из Канн, я подвел итоги. Я прошел полсписка и при этом поучаствовал в адюльтере, бесплатно провел ночь с проституткой, позировал перед камерой в обнаженном виде, выслушал целый ряд странных историй и познакомился с несколькими весьма любопытными людьми. Полсписка пройдено, но осталось нанести еще три визита, а также съездить в деревню у испанской границы.

Следующее имя было Рекс Бакстер – очевидно, американец или англичанин. Я позвонил ему утром после возвращения в Париж.

– Алло, – сказал он с приятным, четким британским акцентом.

– Мистер Бакстер?

– Да.

– Моя фамилия – Каннингем, Говард Каннингем. Я старинный друг Карлы...

– Карла! Господи, а я ведь на днях читал о ней в газетах.

– Ужасно, не правда ли?

– Жутко. Как, вы сказали, вас зовут?

– Говард Каннингем.

Он секунду помычал в трубку.

– Скажем, я слышал это имя раньше.

– От Карлы. Я очень старинный ее любовник.

– Да, разумеется. Все ясно. Вы бросили ее или что-то в этом роде?

– В некотором смысле. Послушайте, могу ли я прийти и побеседовать с вами около часа?

– Конечно. Был бы рад. Можете прямо сейчас?

– Да.

– Хорошо, у вас есть адрес?

– Да, Карла оставила.

– Тогда я вас жду.

И я пошел к Бакстеру. Он жил в доме с видом на Тюильри. Бакстер открыл мне сам.

– Заходите, – сказал он.

144

Я увидел низкого, худощавого блондина с довольно женственными чертами лица. Его можно было принять за хорошо сохранившегося пятидесятилетнего или потрепанного двадцатипятилетнего мужчину; на самом же деле, ему было, наверное, не больше тридцати – в его манерах еще чувствовалась какая-то неуверенность и неуклюжесть.

Проведя меня в огромную солнечную гостиную с видом на Тюильри, Бакстер сказал:

– Кажется, я помню, как Карла говорила мне что-то о вашем будущем визите. Но я, конечно, не думал, что это когда-нибудь произойдет. Садитесь, пожалуйста. Что будете пить?

– На самом деле, я не...

– Как насчет вкусного томатного сока – в честь утра, с добавлением водки – в честь солнца?

– Хорошо, – согласился я.

Он вышел из комнаты и вернулся через минуту с двумя бокалами, наполненными слепящей красной жидкостью.

– Кровь и спирт. За неминуемую кончину Карлы, – провозгласил он тост. – Простите мою бестактность.

Мы выпили.

– А теперь, – сказал он, придвигаясь ко мне на стуле, – скажите, что я могу для вас сделать?

– Дело в том, что Карла оставила мне письмо, где среди прочих упомянуто и ваше имя. Она просила, чтобы вы рассказали мне о ваших с ней отношениях.

- И все?
- Да. Прочее – на ваше усмотрение. Если вы готовы...
- Разумеется, готов, – он помедлил. – Правда, это такая странная история...
- После рассказов о приключениях Карлы, которые я уже слышал, меня ничто не сможет шокировать.
- Возможно. Но до конца я не уверен. Во всяком случае, я расскажу все, но вы должны пообещать, что если мой рассказ вас ужаснет, вы остановите меня. Просто я не хочу никого шокировать.
- Хорошо, согласен. Если меня что-нибудь шокирует, хоть это и маловероятно, я остановлю вас.

145

И вот я в четвертый раз откинулся на спинку стула с бокалом в руке, чтобы выслушать историю сладострастных походов Карлы:

– Прежде всего, мистер Каннингем, я должен рассказать немного о себе. Для такого человека, как я, любовь – неделима. Иными словами, мне равно приятен секс с женщиной, мужчиной, ребенком, зверем или даже с предметами или трупами. Все вещи на земле обладают для меня какой-то неодолимой притягательностью. Моя кровать открыта для всех и для всего. Я всегда был таким: природа, как вам известно, формирует характер распутника еще в детстве. На самом деле, мои первые сексуальные воспоминания восходят к смерти матери или времени, наступившему сразу после нее, когда жестокий пьянчуга-отец насиловал меня много ночей подряд. Его новая жена – моя мачеха – принимала меня вместо мужа после обеда. В школе меня развращали как учителя, так и ученики (или, говоря по правде, я сам развращал их). Я был и остался ненасытным. Более того: я делаю ненасытными многих людей, которых встречаю.

После войны я, студент со скромными средствами, приехал в Париж. Какие-то деньги я получал от своих

поклонников, ведь мною заинтересовались даже французы. Описать ли вам все мои извращения? Позвольте привести один пример.

В 1947 году я познакомился с компанией весьма зажиточных людей. Самой богатой из них была женщина по имени Марсель. Это случилось весной: однажды она сказала мне, что устраивает в своем загородном доме костюмированный бал и приглашает меня. Нечего и говорить, как я обрадовался. У меня оставалось немного денег, и я принялся шить себе костюм. Я решил нарядиться Золушкой и много часов просидел над платьем и париком из белой шерсти. Когда наступил день бала, я уже готов был появиться в костюме обворожительной сказочной героини.

Я невысок, и у меня мелкие черты лица, поэтому я знал, что смогу обмануть незнакомцев, выдавая себя за женщину. Но мне хотелось также обмануть тех, кто меня знал. Для этого потребовался искусный макияж, и я потратил уйму времени, накладывая на лицо несколько слоев пудры, дабы скрыть щетину, и густо подкрашивая глаза. Как это ни удивительно, из меня получилась удивительная женщина. В лиф я подложил накладные резиновые груди такой правдоподобной формы и плотности, что, как только они нагрелись от тела, я сам готов был спутать их с настоящими.

Надев маску, я приехал к Марсель, и меня действительно никто не узнал. Мои знакомые смотрели на меня с любопытством, а затем поворачивались друг к другу и спрашивали, кто бы это мог быть. Я танцевал и с мужчинами, и с женщинами, и мне удалось обмануть всех. Как чудесно быть знакомым и при этом незнакомым, одновременно мужчиной и женщиной! Разумеется, я настолько увлекся самим собой, что почти не обращал внимания на других.

Точнее, не обращал до самой полуночи, когда в бальном зале появился весьма необычный госпо-

дин. Одет он был в костюм Робин Гуда, носил маску и бороду. Трико у него было такое облегающее, что никто не мог оторвать взгляд от его гениталий. Признаюсь, я поразился и, воспользовавшись положением, подошел к нему, чтобы проверить, насколько далеко сумею зайти, не выдав себя.

– Добрый вечер, Робин Гуд, – сказал я.

– Добрый вечер, Золушка, – он поклонился мне, и я поклонился в ответ.

– Кажется, я знаю, кто вы, – прошептал я, не имея об этом ни малейшего представления и стремясь просто поддержать разговор.

– И кто же?

– Вы... вы – Жюль де Марвиль.

Он рассмеялся – тихо и мелодично.

– Нет, я не Марвиль. А взгляды всех Жюлей прикованы к вам.

– Робин Гуд умеет польстить, – сказал я довольно нервно.

– Я никогда не лъщу. Это сущая правда. Но вы не отгадали, кто я.

– Что ж, если вы – не Марвиль, не могу даже представить себе, кто вы.

– Тогда заключим сделку?

– Пожалуй...

– Меняю свое имя на ваше.

– Нет-нет, – сказал я. – Это не обмен. Я – Золушка, и больше никто.

– В таком случае, Золушка, не хотите ли потанцевать с тем, кто не является ни Марвилем, ни Робин Гудом?

Мы вышли на середину зала, и он обнял меня, притянув к себе. Почти в тот же миг я с изумлением ощутил, как ко мне прижалось его твердое, будто камень, орудие. Какая неотразимая женщина из меня получилась! Однако беда была в том, что, пока мы танцевали, мой собственный член тоже начал

затвердевать, и я боялся, что, если партнер это почувствует, вечер может закончиться для меня вовсе не романтически, а обычным синяком под глазом.

– Давайте выйдем в сад, – предложил я, прервав танец.

– С удовольствием.

Мы вышли, и он продолжал меня обнимать. Поскольку вокруг дома уже расположилось множество пар, мы пробродили еще пять-шесть минут, прежде чем смогли усесться на шершавой деревянной скамье в укромном местечке сада.

– Какая дивная ночь, – сказал он, переложив руку с моего плеча на талию.

– О да, – согласился я, затаив дыхание.

Я знал, что мы не будем весь вечер обсуждать погоду, и задумался, что мне делать, если его объятия начнут грозить раскрытием моего секрета. Что я предприму, если он схватит меня за груди и обнаружит, что они – накладные? Что делать, если он захочет потрогать мягкие женские места, а взамен обнаружит такой же твердый прибор, как тот, что даже сейчас выпирал из его чресла?

Испытав безумное влечение к упомянутой выпуклости, я безотчетно протянул руку и положил ему на трико. Длина и толщина члена поразили меня, но, осознав, что сделал, я тут же отдернул руку.

– Нет, – сказал он. – Продолжайте.

– Мне нельзя, – сказал я.

– Но почему, ради всего святого?

Я покачал головой:

– Не могу объяснить. Просто нельзя. Поверьте.

Он с силой сжал меня в объятиях, склонил ко мне лицо, и наши рты соединились. Закрыв рот, я старался не пропускать его настойчивый язык, но мои губы растаяли от его нежности, наконец я расслабился, опустил разводной мост зубов и позволил ему въехать в замок рта. Наши языки соприкоснулись

и обвили друг друга, я буквально ослеп от страсти. Вдруг почувствовал, как он провел ладонью по моей шее и стал спускаться к груди. Через миг он залез бы ко мне в лифт.

«Я погиб, – подумал я. – Погиб».

В страхе я хотел было убежать, но страсть не отпускала меня, и я безрассудно отдался поцелую, отгоняя мысли о неизбежном.

Со спокойной уверенностью его рука залезла ко мне под платье и схватила твердую, теплую резиновую грудь. Похоже, он не заметил никакого подвоха; успокоившись, я плюнул на осторожность, и моя рука снова потянулась к огромному бугру у него между ног.

Через минуту его ладонь отпустила мою грудь и вскоре очутилась на моей лодыжке. Отклонившись вверх, заскользила по икре и колену, а затем ласково, с бесконечной нежностью, погладила мне бедро. С отчаянной решимостью я резко соединил ноги.

– Что случилось? – спросил он.

– Меня нельзя здесь трогать.

– Почему? Я хочу.

– Пожалуйста, не надо.

– Наверняка, должно быть какое-то объяснение. Я же знаю, ты жаждешь меня...

– Да, но...

– Но что? Скажи.

И тогда мне в голову пришла блестящая мысль.

– Нельзя, – сказал я, – потому что...

– Почему?

– Я стесняюсь это говорить.

– Чепуха. Ты не должна меня стесняться. Пожалуйста, скажи мне.

Уговаривая, он с любовью осыпал мне шею легкими влажными поцелуями.

– Скажи, – повторял он.

– Ну ладно, дело в том, что... у меня месячные.

Он расхохотался.

– Ты думаешь, меня испугает капелька крови?

– Это касается не только тебя – я сама не выношу, когда меня трогают в это время.

– Давай я покажу тебе, как это приятно.

– Нет-нет, – и затем, собравшись с мужеством, я предложил то, о чем мечтал с первой минуты, когда увидел его. – Но есть другие способы.

– Другие способы?

– Да, другие проходы, по которым может шествовать страсть.

Он улыбнулся:

– Понимаю.

Мы замолчали, я поднялся и встал на колени перед скамейкой, опершись локтями о шершавую древесину. Он опустился на колени сзади, и я почувствовал, как он задрал на мне платье. Осторожно спустив мои трусики, он прижался горячими губами к моим ягодицам. Затем остановился, и я затрепетал, услышав, как он тоже спускает на себе одежду.

Вновь потянувшись к моей плоти, он широко раздвинул мне ягодицы. Я почувствовал, как огромная головка его члена коснулась моего нежного ануса. Он сделал пару толчков и, разрывая меня, вогнал его на всю длину. Соединившись, мы застыли без движения. Затем, обвив меня руками, он начал ласкать мне груди, но лишь одна ладонь осталась у меня на груди, другая же спускалась все ниже и ниже.

Я настолько увлекся ролью женщины, что совершенно забыл, чего может коснуться ладонь моего любовника, тянувшаяся за влагой. Я позволил ему опустить руку, но потом вдруг осознал, что его пальцы дотронулись до моего воспаленного члена. Придя в неопиcуемый ужас, я дернулся вперед, и его орган выпал из меня. Вскочив на ноги, я натянул трусики, ожидая, что на меня посыплются тумачи. Но когда взглянул на своего Робин Гуда, тот по-прежнему

стоял на коленях, и перед ним торчало огромное орудие, причем он вовсе не метался в бешенстве, а сотрясался от смеха.

– Ты сердишься? – спросил я.

– Сержусь?

– Да.

Он немного успокоился.

– С какой стати?

– Ведь я тебя обманул.

– Ты не обманул меня.

– Не... – Я лишился дара речи. – Ты хочешь сказать, будто с самого начала знал, что я – не женщина?

– Разумеется. Выходит, голубчик, тебя самого обманули.

– Меня? Но как?

И, снова расхохотавшись, он встал на ноги и снял со своих пухлых мясистых боков пояс, к которому был привязан розовый резиновый член, не опадающий никогда. Под ним показался женский треугольник волос в паху.

– Ты – женщина, – сказал я.

– Разумеется. И зовут меня Карла.

Теперь настал мой черед смеяться, и я от души расхохотался.

– Я пришла на эту вечеринку, – сказала она, – совершить то, о чем всегда мечтала: трахнуть мужчину. Надеюсь, ты любезно позволишь мне закончить то, что так прекрасно началось.

– С величайшей радостью.

Она вновь нацепила искусственный член, и мы стали в ту же позу. Резиновый пенис снова проник в мою утробу, однако на сей раз, как только меня обвила рука Робин Гуда, я стал с наслаждением ждать, когда пальцы Карлы обхватят мой жезл. Двигаясь туда и обратно, Карла накачивала меня до тех пор, пока моя жидкость не пролилась на землю.

После этого она сказала:

– Я понимаю, что твой член слабее моего, но уверена, что он способен доставить мне столько же удовольствия, сколько мой доставил тебе. Если, конечно, ты не против.

И, желая доказать, что обеими руками за, я тотчас начал стягивать с нее костюм; она тоже сняла с меня платье. Мы не уgomонились до тех пор, пока Золушка с Робин Гудом не повалились на землю, а мы с Карлой не встали друг напротив друга. Передо мною пылало страстью ее пухлое, зрелое тело. Вытянув руки, я обхватил ее набухшие полушария. Мы придвинулись ближе, плоть соприкоснулась с плотью, и мой член крепко прижался к ее животу. Губы наши сомкнулись, а языки переплелись. Я провел пальцами вдоль всего ее тела, массируя каждый его сантиметр: шелковистую спину, упругие ягодичцы, мягкие, но крепкие бедра.

Не проронив ни слова, мы упали в росистую траву и начали кататься по влаге, пылко прижимаясь друг к другу бедрами. Холодная сырая земля пачкала и мочила нашу плоть, и вскоре все тело Карлы стало таким же склизким, как и ее промежность. Я рылся руками в этой слизи, шарил в ее норке, покрытой волосами и желе. Вставлял туда кончик пальца, затем вынимал и много раз проводил им по клитору. В конце концов, она запрокинула ноги, и на меня уставились ее срамные губы. Склонившись, я подвел член к порогу ее влагалища. Она трепетала, а я все засаживал, вламывался в нее, соединяя нашу пульсирующую плоть, и тяжело, бешено колотился. Ее ноги извивались в воздухе от страсти. Затем, в миг нашего оргазма, ее ягодичцы испуленно задвигались вверх-вниз, и наши смешавшиеся соки залили все вокруг.

Некоторое время мы оставались спяянными.

– Поздравляю тебя, – наконец сказала она.

– С чем?

– С тем, что ты можешь быть не только соблазнительной женой, но и опытным супругом.

– То же самое я могу сказать о тебе. Я даже вынужден признаться: как супруг ты, бесспорно, в два раза лучше меня.

– В два с половиной, ведь какое-то время я вообще не была ничьим супругом.

– Я тоже.

– Да, – рассмеялась она. – Странная мы парочка. Думаю, у нас впереди немало увлекательных вечеров. Не правда ли, мой женомуж?

– Разумеется, моя мужежена.

Вернувшись на бал, мы долго танцевали и беседовали, рассказывая друг другу о прошлых своих приключениях. Вплоть до этого вечера я считал себя самым развращенным человеком, но подвиги Карлы меня ошеломили. Она перепробовала все на свете.

– Какая ты необычная, – сказал я ей.

– Почему ты так считаешь? Твоя жизнь почти так же насыщена, как моя, и к тому же ты намного моложе.

– Нет, я не это имел в виду. Я назвал тебя необычной, потому что разврат не оставил на тебе никаких следов. У тебя – сочное, молодое, безупречное тело. Твое лицо... нет, мне не надо описывать твою красоту. Несомненно, десятки других уже рассказали тебе о твоих прелестях.

– Ты льстишь мне.

– Вовсе нет. Да и зачем? Но скажи мне, Карла, как тебе удастся так хорошо сохраняться, отчего безрасудная жизнь не оставила никаких следов?

Она вздохнула:

– Да ладно, Рекс, я же говорила тебе: сексу посвящена лишь очень небольшая часть моей жизни. Каждую ночь, возвращаясь домой, я ложусь в постель и сплю до обеда. Моя дочь Анджела тем временем учится, и хотя мы с ней почти никогда не видимся по утрам, я стараюсь всегда находиться в эти часы дома.

- Она не имеет понятия о твоей... второй жизни?
- Ни малейшего.
- Невероятно!
- Все нет. Сохранение моего секрета нередко стоило больших денег. Мне приходилось регулярно менять слуг и зачастую дорого платить за их молчание. Дело не в том, что они могут хоть что-нибудь заподозрить. Но, разумеется, служанка, дворецкий или гувернантка Анджелы неизбежно замечали мое отсутствие по ночам. Купить их молчание легко. Они считают меня истеричной матерью, ослепленной любовью...
- Похоже, так и есть.
- Да, это так. Видишь ли, мое поведение вполне логично. Я говорю прислуге, что ходила в гости к подруге, но дочери не нужно об этом знать. Она должна быть уверена, что для меня нет никого важнее, чем она. И это правда.
- Хорошо, но как эта преданность сохраняет твою красоту?
- Дело не в преданности. Просто с полудня, когда я встаю, и до полуночи, когда ухожу из дома, моя жизнь спокойна, размеренна и упорядочена. За каждым шестью часами безумия следуют восемнадцать часов отдыха.
- Понятно.
- Как ты знаешь, большинство распутников не способны слишком долго хранить свою тайну. Им трудно ограничивать секс определенным временем. Они срываются десятки раз на дню, причем в разное время. Именно это их изнашивает – не поступки, а неупорядоченность жизни.
- Я это запомню.
- Если хорошо запомнишь, – сказала она мне, – и будешь действовать соответственно, думаю, ты обнаружишь, что стал выносливее и сохраняешь потенцию дольше большинства мужчин.

Тогда я понял, что Карла не только занималась сексом на практике, но и вывела о нем теорию. Я видел, что, в отличие от большинства людей, она не бросалась в омут с головой. Когда я спросил об этом, она ответила:

– А ты думал, я пренебрегаю столь важной частью своей жизни?

– Я говорю не о пренебрежении...

– Хотя большинство гостей на этой вечеринке – развратники, которые думают только о сексе, на самом деле, они пренебрегают им.

– Что ты хочешь этим сказать?

– Они считают секс лишь физическим достижением. Выдумывают самые безумные ухищрения. Я знала одного мужчину, который научил меня заниматься сексом, стоя на голове.

– Правда? Никогда о таком не слышал.

– Об этом мало кто слышал. И, тем не менее, по всему миру существуют целые группы людей, не желающих заниматься сексом как-либо иначе.

– Ты должна научить меня.

– Когда-нибудь. Но вернемся к нашей теме: мужчина, который научил меня, считал это лишь особым, захватывающим и безудержным способом ебли. Для меня же это было чем-то большим – новым подвигом, вызовом, брошенным природе. Преодолением.

– Чего?

– Да хоть самой себя. Собственных ограничений.

– Понятно.

– Но ради Бога, Рекс, не подумай, будто во время секса я философствую.

– По тебе не скажешь.

– Спасибо.

– Да и не похожа ты на философа.

– Вот это и впрямь комплимент.

Вечеринка закончилась тем, чем неизменно завершаются подобные собрания, – свальным грехом.

Костюмы порвали и раскидали по углам комнаты. Люди бросались друг на друга, и от пола до потолка громоздились горы живой пульсирующей плоти. Вернувшись к роли Робин Гуда, Карла всаживала свой резиновый фаллос в каждое подвернувшееся отверстие. Я всегда был сзади: мой неутомимый член въезжал по влажным срамным губам в ее содрогавшееся влагалище, а руки сдавливали нежные упругие груди.

Во время оргии нас разлучили: к Карле подошел какой-то мужчина, сорвал вибратор и потащил ее в другой конец комнаты. Сквозь гам толпы я слышал страдальческие крики и звуки ударов, которыми незнакомец осыпал ее плоть. Когда мне наконец удалось подползти к Карле, я увидел, что мужчина удерживает ее бока в воздухе, а сама она стоит на плечах. Подавшись вперед между ее бедрами, он вонзился в нее. Затем схватил ее за руки, поднял в воздух и швырнул навзничь: от падения Карлы задрожал пол. Но ее ноги так крепко обнимали мужчину за спину, что разъединить их было невозможно.

В этот момент меня отвлекли две женщины и мужчина, которые подбежали и повалили меня на пол.

Карлу я увидел лишь гораздо позже. Она подошла ко мне, отбиваясь от мужчины, который увел ее от меня.

- Оставь меня в покое, – кричала она.
 - Нет, – тянул он ее.
 - Найди себе кого-то еще. Мне уже пора.
 - Ты не можешь уйти. Вечеринка продлится еще несколько дней.
 - Тогда я вернусь завтра, и мы начнем с того, на чем остановились.
 - Я заставлю тебя остаться.
 - Не заставишь. Не выставляй себя на посмешище. Отпусти меня. Ты сможешь найти себе кого-нибудь.
- Наконец ей удалось пробраться ко мне. Ее партнер взглянул на меня.

– Я оставлю тебя, – сказал он Карле, – если взамен получу его.

– Охотно, – сказал я.

– Тебе придется минутку подождать, – сказала Карла. – Мне пора идти, Рекс.

– Сможешь прийти ко мне завтра вечером?

– Да.

Я назвал свой адрес, пока она рылась среди костюмов. Так и не найдя своей одежды, Карла удовольствовалась тигровой шкурой, которая прикрывала лишь одну грудь, вторая же соблазнительно смотрела на меня. Когда Карла ушла, ее бывший партнер повалил меня на пол, а затем поставил в свою излюбленную позу. Раздвинув мне ягодицы, он засадил член в мой зад, и как только мы крепко соединились, начал швырять меня вверх-вниз, как он это делал с Карлой. Я почувствовал, что его орган увеличился, кровь начала в нем пульсировать, и в меня внезапно хлынули его сливки. Поскольку это не удовлетворило никого из нас, мы продолжали в том же духе до самого утра. Но потом мои внутренности наполнились большим количеством жидкости, и, не сумев сдержать спазм, я вытолкнул его орган, после чего несколько огромных жирных какашек шлепнулись на его гениталии, покрыв их толстым коричневым слоем.

– Вылижи меня дочиста, – рявкнул он.

Нисколько не смутившись и стараясь услужить, я повиновался ему и вернул в себя то, что мое тело недавно извергло. Вскоре мы надоели друг другу, и я решил последовать совету Карлы: пошел домой и лег спать, чтобы подготовиться к новой встрече с этой прекрасной женщиной.

Она пришла ко мне в полночь, приведя с собой мужчину, которого я видел раньше, хотя не мог вспомнить где.

Карла оглядела мою комнату и сказала:

– Маловато места для хорошего секса. Ванная есть?

– Разумеется, нет.

Она повернулась к мужчине:

– Купи Рексу завтра квартиру. Деньги верну вечером.
Тот кивнул.

– Нам нужна комната для любви, а еще – ванная.
Я научу тебя одному изумительному способу секса.
Но вначале познакомься с моим другом и деловым партнером Полем Ленуаром.

Мы пожали руки, и я сказал:

158 – Кажется, я видел вас раньше, только не могу вспомнить где.

– Возможно, – ответил он. – У меня такая работа, что я все время на ногах.

– Поль, – пояснила Карла, – торгует спермой.

– Правда? – Я не смог сдержать улыбку.

– Мне тоже сначала было смешно, – сказала она. – Но когда ты узнаешь, что этот бизнес касается тебя, будет не до шуток.

– Это кажется чуточку странным, – извинился я.

– В общем, он занимается тем, что покупает и продает сперму.

– Ах да! – воскликнул я. – Так вот где я его видел.

– Неужели? – спросил меня Ленуар. – Не припоминаю, чтобы имел с тобой дело.

– Со мной не имели. Но несколько месяцев назад я шел по улице с одним своим другом, а вы шагали по другой стороне. Друг показал на вас и сказал: «Видишь того парня? Очень странный тип. Пару недель назад его прислал ко мне один приятель, и он предложил мне две тысячи франков за бутылочку малафьи, причем маленькую: на два-три дня работы. Я ответил, что с радостью услужил бы, но довольно трудно упротить девчонку вернуть то, чем ты ее только что наградил. Тогда он дал мне коробку резинок и сказал: надевай, а потом выливай в бутылку или, если хочешь, просто отдавай мне использован-

ные резинки. Разумеется, я согласился, и с тех пор набрал целую кучу бутылочек». Мой друг не сказал мне, что вы делаете с этой дрянью.

– Перепродаю, – ответил Ленуар.

– И я – одна из его постоянных клиенток, – сообщила мне Карла.

– А что ты с ней делаешь? – спросил я.

– Завтра узнаешь.

– На самом деле, – сказал Ленуар, – Карла – самая требовательная клиентка. Мне пришлось отказаться от множества других, чтобы выполнять ее заказы.

– Это не так, Поль. Как только я получила необходимое количество, мне требуется лишь небольшое регулярное пополнение.

– Просто не терпится узнать, – сказал я, – для чего ты ее используешь.

– Тебе придется подождать. А теперь, прежде чем перейти к сегодняшним развлечениям, я хочу напомнить, что ты должен упаковать все свои вещи завтра к полуночи. Я заеду на такси и отвезу тебя на твою новую квартиру, – она повернулась к Ленуару. – Постарайся найти для него что-нибудь превосходное.

– Разве я когда-нибудь подводил тебя, Карла?

– Никогда – и ни в каком смысле.

Затем мы втроем разделись и устроили вечеринку, которая продолжалась до рассвета.

Разумеется, я трепетал при мысли о переезде из своей комнатухи в просторные апартаменты. Все свои вещи я упаковал задолго до приезда Карлы и поэтому весь вечер шагал из угла в угол, дожидаясь сладостной минуты.

Наконец Карла явилась в сопровождении Ленуара и таксиста.

– Ты готов? – спросила она.

– Готов? Да я упакован еще с обеда.

– Хорошо. Тогда поехали?

Каждый взял по чемодану, мы вышли из комнаты и спустились по лестнице на улицу. Сели в такси и через минуту уже были в пути.

– Это так волнующе, – сказал я, не в силах поверить, что все происходит наяву.

– Ты еще не видел самой квартиры! – воскликнула Карла.

– А разве ты уже видела? – спросил я.

– Мы только что оттуда. Квартира – в твоём полном распоряжении.

– Господи, Карла, – сказал я, – даже не знаю, как тебя отблагодарить.

– Не говори глупостей. Мне это очень приятно. К тому же тебе просто необходима квартира с ванной.

Когда такси остановилось, я с изумлением увидел напротив Тюильри.

– Не может быть! – воскликнул я.

– Еще как может. Квартира с видом на сад.

Мы все поднялись, и Карла дала мне ключ.

– По-моему, ты должен перенести меня через порог.

Я открыл дверь, взял ее на руки и внес в квартиру.

– С мебелью! – воскликнул я, не веря своим глазам: там уже было все необходимое.

– Разумеется. Мне показалось, что без нее здесь будет скучновато коротать время.

Мы обошли апартаменты, по-прежнему в сопровождении Ленуара и таксиста. Я заметил, что Карла, похоже, заинтересовалась шофером. Он был приятной наружности, но главное – вполне мог стать сексуальным партнером, а этого достаточно, чтобы вызвать у Карлы интерес. Пока мы бродили по квартире, я заметил, как она бочком подбирается к таксисту и при каждой удобной возможности вихляет перед ним задницей. Видимо, бедняга чуть не обезумел от желания. Когда мы дошли до ванной, Карла внезапно повернулась к нему и сказала:

– Сегодня мы устроим здесь небольшую вечеринку, – она прижалась к нему ногой. – Весьма интимную, понимаете? Возможно, вы останетесь?

– С удовольствием, – прохрипел тот в ответ.

Тогда Карла представила ему всех, а шофер, в свою очередь, сказал, что его зовут Луи.

– Ну что ж, господа, – начала Карла, повернув дверную ручку ванной. – Позвольте показать вам жемчужину сегодняшнего вечера.

И она распахнула дверь. Это была самая роскошная ванная комната, которую я когда-либо видел: она превышала по размерам обычную гостиную. Там стояла не только ванна, но также большая кровать и шезлонг.

– Подойдите ближе, – велела Карла. – Еще. И загляните в ванну.

Мы с Луи приблизились. Ванна была до половины наполнена густой поблескивающей жидкостью белесого цвета. Прошло несколько секунд, прежде чем я понял, что это.

– Так вот зачем тебе нужна была ванна, – сказал я.

– Именно.

– Но она, наверное, жутко холодная.

– Отнюдь, – возразила Карла и повернулась к Ленуару. – Поль, ты не нагреешь?

– Да, конечно, – и он вышел из комнаты.

Пока его не было, Карла опустила руку в жидкость, а затем вынула мокрые пальцы и провела ими по лицу мне и таксисту Луи.

– Что это? – спросил он ошарашено.

– А на что похоже?

– Я... не уверен.

Придвинувшись к нему, она сказала:

– То, что ты скоро вольешь в меня.

Луи обнял Карлу, и рты их слились в глубоком, страстном поцелуе. Я смотрел, как его руки ласкают ей спину от бедер до плеч.

Ленуар принес занятное устройство: два скрепленных вместе металлических стержня, к которым присоединялся длинный провод со штепсельной вилкой на конце. Эту вилку Ленуар вставил в розетку недалеко от ванны, а затем погрузил оба стержня в ванну со спермой.

– Как только стержни накалятся, – пояснила Карла, – жидкость нагреется. Благослови Боже наш технический век! Давайте разденемся.

И мы вчетвером начали друг друга разоблачать. Когда все остались голыми, Карла снова окунула руку в ванну.

– Почти готово, – сказала она. – Кто намажет мне тело этим бесценным бальзамом?

Вызвалось трое добровольцев, но, поскольку Луи был новичком, решили, что Карлу намажет он. Тем не менее, справлял новоселье я, и поэтому Карла должна была сама покрыть меня этой жидкостью.

Луи пришел в восторг. Он подошел к Карле с вытянутыми руками и торчащим орудием. Тела их вновь встретились, и Луи, целуясь и извиваясь, засунул член ей между бедрами. Оба покачивались, терлись, гладили друг друга и вздыхали. Наконец Карла отделилась:

– Нет-нет, негодник. Сначала меня нужно намазать самым бесценным соком на свете.

Перейдя к ванне, Луи окунул руки в жидкость, а затем вынул и начал массировать Карлу. Он намазал ей плечи и стал втирать вещество в грудную клетку. Груды он покрыл таким толстым слоем, что они стали похожи на белесые шары. Зачерпнув еще, Луи поглаживал ей живот и бедра и размазал две большие пригоршни по волосам у нее в паху, превратив их в липкое месиво. Теперь Карла буквально истекала спермой. В исступлении Луи просунул влажную руку между ее бедрами, и Карла прислонилась к стене, приподнявшись, чтобы все могли видеть

место, над которым он трудился. Ее лоно было густо залито спермой, и Луи засовывал пальцы в дырку. Затем он обмазал ей бедра, колени, лодыжки и даже пальцы ног.

Карла обернулась и сказала:

– Теперь вторая часть.

Луи охотно подчинился. Вскоре ее спина истекала соком тысячи оргазмов. Луи нежно раздвинул ей ягодицы и втер крем в ложбинку и анус. Вскоре Карла превратилась в сплошную массу подсыхающей спермы.

– А теперь, Рекс...

– Да.

– Настал твой черед ощутить эту восхитительную влагу всеми клеточками тела.

Она резко погрузила руки в ванну и зачерпнула ладонями немало жидкости. Карла была не такой экономной и спешила гораздо сильнее, чем Луи. Теплая липкая кашица приставала к моему телу толстыми комьями, стекая по шее, груди и ногам. Обеими горстями ласкала Карла мои гениталии, и ощущение было таким приятным, что мне казалось, будто я в любую с минуту смогу пополнить ее запасы. Однако она закончила, едва начав.

– Чересчур быстро, – промолвил я.

– Я хотела успеть, пока не высохла.

Приблизив ко мне лицо, с горящими от страсти глазами начала она слизывать с моего тела то, чем только что его намазала. Обсасывала мою грудь и подмышки, пупок, покрытые толстым слоем чресла, ноги, спину и ложбинку между ягодицами. Ее язык с жадностью мелькал во рту, а губы облизывали каждый сантиметр моего воспаленного тела.

Вылизав меня дочиста, Карла вынула из ванны электрические стержни и сказала:

– Иди сюда, Рекс. Полезай в ванну.

Она ступила туда, и я следом за ней окунулся в густое желе наслаждения.

– Изумительно, правда? – кричала Карла, обрызгивая жидкостью себя и меня.

Поль Ленуар и Луи встали рядом на колени и начали натирать нас содержимым ванны. Я протянул руки сквозь густую кашицу и стал искать склизкие груди Карлы. Стискивая их, дергал за большие соски. Она тоже схватила меня за член и начала дробить его в нежной бархатистой сперме. Время от времени на поверхность всплывал резиновый презерватив, Карла ловила его и проводила им по своему лицу.

– Представь, что мы купаемся в целом море секса, – кричала она с безумным восторгом в глазах.

Когда очередной презерватив всплыл на поверхность, Карла схватила его и велела Луи встать. Тот подчинился, она расправила резинку и надела ему на член, растирая ладонями сперму по мошонке. Затем Луи ткнул своим органом Карле в лицо; она открыла рот, и туда вломился его мокрый, покрытый презервативом член. Она стала с жадностью его сосать.

Тем временем я подвинулся вперед и лег у Карлы между ног. Запрокинув ее колени, я почувствовал под толщей жидкости ее желеобразную манду. Забравшись на Карлу сверху, бочком подвел свой жезл к ее пылающей дырке и ринулся вперед, увлекая за собой десятки оргазмов. Как только мы соединились, Ленуар запрыгнул в ванну, пристроился ко мне сзади и засадил свою раскаленную штуковину в мой содрогающийся анус. Дабы завершить картину, Луи тоже залез в ванну, не вынимая своего орудия из преданного рта Карлы. Вчетвером мы скакали, тряслись и содрогались. Ленуар пиялил меня, а я пиялил Карлу.

Наконец все мы достигли оргазма, и наши свежие соки смешались с соками в ванне. Карла томно потянулась.

– Правда ведь, жизнь прекрасна? – сказала она.

Да, жизнь была прекрасна, но ванна начала остывать, поэтому все мы выскочили оттуда и воткнули

обратно электрические стержни, чтобы подогреть кашу. Мы сплелись в каком-то причудливом танце, поеживаясь и прижимаясь друг к другу, обмазанные желе. Карла с радостью вылизала всех дочиста, а затем, сорвав резинку с члена Луи, засунула ее в рот и сосала до тех пор, пока на ней не осталось ни капли. Это так распалило Луи, что он упал на пол между ног Карлы и начал страстно лизать ей пизду. Через минуту Карла отодвинулась и пристроилась над членом Луи. Грациозно опустившись, она полностью приняла его в себя. Пока они так сидели, мы с Лемуаром начали вычерпывать сперму и поливать ею любовников. (Лемуар выливал слишком много, и я даже заподозрил, что он делает это из корыстных побуждений.)

165

Когда Карла склонилась над Луи, ее груди закачались, и я заполнил ложбинку между ними малафьей. Затем намазал желе собственный зад и плюхнул его прямо на лицо Луи, согнувшись вперед, чтобы взять в рот влажный сосок Карлы. Я с удовольствием почувствовал, как Луи слизывает языком вещество, предоставленное в его распоряжение. Лемуар тоже пристроился к нам, засадив свой смазанный прибор в рот Карле. Все мы безудержно скакали, и, желая усилить свой оргазм, я поднял зад у Луи со рта и вставил туда собственный член. Так мы вчетвером снова извергли любовные соки.

После этого ванна нагрелась, и мы залезли обратно в успокаивающее желе, поигрывая друг с другом в легком изнеможении.

– Как было бы чудесно, – сказала Карла, – если бы мы могли опознать каждую капельку спермы!

– Что ты имеешь в виду? – спросил я.

– Ну, например, я показала бы на каплю у тебя на носу и сказала: «Это с того раза, когда Жозеф трахнул Люси в гараже ее отца». Было бы так приятно знать происхождение каждой капельки.

– Какая ты любопытная, – сказал Ленуар. – Что еще, по-твоему, я должен спрашивать у своих работников?

Карла рассмеялась:

– Да я вовсе не заставляю тебя спрашивать! Мне просто кажется, что приятно было бы это знать. Сотни людей кончили тысячи раз, и теперь мы сидим здесь, не зная, при каких обстоятельствах это произошло.

– Ладно, – сказал ей Луи, – обещаю, что впредь буду сохранять для тебя каждую струйку и подробно рассказывать, как это случилось.

– Мне бы очень хотелось, – ответила Карла, натирая его спину неопознанной жидкостью.

– Я знаю, где ты можешь набрать целую кучу, к тому же – бесплатно, – сказал Луи Карле.

Ленуару это явно не понравилось.

– Уверяю тебя, я перерыл все на свете в поисках этой живительной влаги.

– Держу пари, что туда ты никогда не забредал, – возразил Луи. – Потому что мало кто вообще знает об этом месте.

– Где же оно? – спросила Карла.

– Это союз ветеранов. Они проводят ежемесячные встречи, а потом устраивают вечеринки в задней комнате. Несколько мужчин и женщин выходят и трахаются посредине, а стариканы сидят вокруг, смотрят и дрожат.

– И много их? – спросила Карла.

– Около сотни. И кончают они по три-четыре раза за представление.

– Но как нам собрать сперму? – спросила Карла.

– Положись на меня. Если ты согласна устроить представление, я позабочусь об остальном.

– Конечно, согласна, – сказала она.

– Следующая встреча – через неделю. Спектакль начинается в час ночи, так что я заберу тебя здесь, скажем, в полпервого.

– Отлично.

Договорившись, мы вернулись к своим утехам и резвились, пока Карла не собралась домой. Когда они ушли, я принялся распаковывать вещи.

Всю следующую неделю Карла приходила ко мне каждую ночь, неизменно приводя с собой двух-трех человек. Должен признаться, она была крайне неразборчива в людях. В том, что касается секса, Карла была поистине слепа. Она приводила толстых проституток и старых бродяг – буквально всех, на кого случайно натыкалась. И, как ни странно, каждый человек расцветал от ее прикосновений. Стоило втолкнуть прыщавого юнца в курящуюся ванну спермы, и он становился самым страстным любовником.

167

Так прошла неделя ожидания. И вот, как и обещал, Луи явился ко мне в половине первого ночи.

– Нам нужно спешить, – сказал он.

– Мы готовы, – ответила Карла. Мы отправились вслед за ним и прыгнули в такси. Карла села на переднее сиденье рядом с шофером и сосала у него всю дорогу до места встречи.

Оставив машину в переулке за высоким зданием, мы поднялись по очень темной лестнице и вошли в невзрачную комнатку, которая вела в огромный зал, где вокруг небольшого пятачка были широкой дугой расставлены десятки стульев.

– Они будут здесь с минуты на минуту, – сказал Луи. Лишь тогда я заметил у него в руке большую коробку.

– Что это? – спросил я.

– Для сбора малафьи. Постой, кажется, я их слышу.

Большая дверь в дальней части комнаты распахнулась, и в нее устремились ветераны. Они были разного роста, телосложения и возраста, и я слышал их тяжелое взволнованное дыхание. Большой группой все они прошагали в угол комнаты, разделлись и сложили вещи в небольшие шкафчики, очевидно, установленные специально для этих случаев.

Полностью обнажившись, они вышли вперед и расцелись. Луи поднял руки, призывая мужчин к тишине.

– Сегодня, господа, – начал он, – я привел для вашего удовольствия женщину – не только самую прекрасную, но и самую податливую плоть, которую большинству из нас доводилось видеть.

Зрители подались вперед.

– Имею честь представить, – продолжил Луи, – Карлу Ненасытную.

Мужчины одобрительно заплодировали, а затем Луи сказал, что пора раздеваться. С чрезвычайной медлительностью мы наконец это сделали. Когда мы трое остались нагишом, Луи заговорил снова:

– Сегодня, господа, вас ждет особое наслаждение. Карла – страстная собирательница того сока, который мужчины с таким удовольствием производят. В этой коробке, которую я принес с собой, лежат сотни резинок. Карла сама наденет их на ваши пульсирующие органы. У меня хватит колпачков, чтобы обнести вас всех по шесть раз. И, наконец, главный сюрприз сегодняшнего вечера: каждому из вас, кто способен на два оргазма подряд, Карла позволит разрядиться в третий, четвертый и даже в пятый и шестой раз – в прекрасную горячую плоть, которую я сейчас перед вами обнажу.

Луи поднял Карлу вверх, прижав ее спиной к своей груди. Я же шагнул вперед и, наклонившись, широко раздвинул перед зрителями ноги Карлы. Мы обошли комнату по кругу – мужчины одобрительно вздыхали.

– Теперь, господа, – сказал Луи, – если позволите, эта прекрасная женщина покроет ваши потрясающие стояки колпачками.

Луи распахнул коробку, и мы обошли всю комнату. Карла останавливалась перед каждым из сотни мужчин, увлажняя ртом его член и надевала резинку. Ни один не смог удержаться от того, чтобы не

потрогать пальцем плоть, которую ему только что продемонстрировали.

Когда все жезлы в комнате, за исключением моего и Луи, были покрыты, мы втроем вернулись на середину комнаты и приступили к любовным утехам. В тот вечер Карла была великолепна. Каждая клеточка ее тела трепетала от возбуждения. Она излучала страсть, да и я обезумел от желания: мне казалось, будто я смогу дополнить ее коллекцию полудюжиною экземпляров. Мы с Луи трудились над Карлой и катались втроем по полу, приближаясь к мужчинам в первом ряду, которые тянули к нам руки. Я крепко сжимал ртом один сосок Карлы, а Луи – другой. Моя рука блуждала по ее телу, исследуя его заново, впервые ощупывая ее плоть на глазах у двух сотен зрителей. Мои пальцы опустились вниз и жадно схватили мокрое розовое лоно, и еще одна сотня рука вытянулась одновременно с моей.

Мы втроем повернулись вбок: теперь я был спереди Карлы, а Луи – сзади. Мы одновременно начали проникать в ее тело. Левую ее ногу подняли высоко, чтобы все зрители могли наблюдать, как головка моего ноющего члена плавно входит в расширяющееся влагалище, а сразу же за ним в Карлу проник другой орган. Мы ринулись вперед и засадили ей по самые яйца. Комната огласилась страстными вздохами. Снова и снова я вонзался и выходил, а Луи следовал моему примеру. Нога Карлы оставалась на весу, чтобы наше совокупление было хорошо видно всем. Мужчины встали и передвинулись вперед, окружив нас со всех сторон и обдавая горячим возбужденным дыханием. Посреди этой разгоряченной, взволнованной массы мы бросились на Карлу, и через минуту повсюду раздались вздохи доброй сотни оргазмов.

Мужчины вернулись на места, Карла встала и обошла всю комнату, собирая использованные резинки,

а затем завязала их и сложила в углу. Так каждый мужчина пережил высшее наслаждение, пока его дочиста вылизывала вечно голодная Карла. После этого она снова обошла всех и надела новые резинки.

Последовало второе представление, немного отличающееся от предыдущего, и в конце концов, была наполнена еще одна сотня колпачков.

– А теперь, господа, – сказал Луи, – вы можете провести остаток вечера по своему усмотрению. Каждый из вас вправе использовать Карлу, как сочтет нужным.

Настало время Луи и мне занять места зрителей, и после этого началась такая сногшибательная групповуха, какой я не видел никогда в жизни. Чем яростнее набрасывались на Карлу, тем охотнее она отдавалась. После каждого оргазма жаждала нового. Мужские члены покрывали и заполняли каждую частичку ее плоти. Карлу кусали и лупили, царапали и разрывали, а она лишь кричала: «Еще!»

Но, должен признаться, мы с Луи недолго за этим наблюдали. Паре десятков мужчин пришла в голову отличная мысль – так сказать, погреть свои железки на нашем огне, пока очаг Карлы не будет готов их принять.

Разумеется, мне это доставило огромное удовольствие, а нескольким мужчинам даже захотелось, чтобы я погрел в их огне *свою* железку.

В общем, это был незабываемый вечер. Карла ушла на рассвете, а мы с Луи вскоре тоже последовали за ней вместе с несколькими сотнями заключенных в резинки оргазмов. Он привез меня домой на такси и помог занести сперму в квартиру, где, несмотря на изнеможение, нам удалось приласкать друг друга и еще совсем чуть-чуть пополнить запасы Карлы.

Но, как это ни странно, Карла больше ни разу ко мне не явилась. Луи – тоже. Я увидел ее вновь лишь месяц спустя, когда мне пришлось в голову, что, возможно, она опять отправилась на встречу ветеранов.

Карла действительно оказалась там вместе с Луи и несколькими другими мужчинами; солдаты еще не вошли.

– Карла, – окликнул я.

– О, Рекс, дорогой.

– Что случилось?

– Ничего!

Она казалась такой беззаботной, и я даже не знал, что сказать.

– Почему ты решил, будто что-то случилось? – спросила она. 171

– Я не видел тебя целый месяц.

– Знаю.

– Так почему же не приходила ко мне?

– Честно говоря, Рекс, с той первой ночи здесь я поняла, что один, два, три и даже десять мужчин для меня маловато. Мне нужна толпа – такая, как эта.

– Но это же бывает лишь раз в месяц.

– Совершенно верно. Но Луи знал о других подобных вечеринках, которые проводятся каждую ночь по всему Парижу.

– Понятно.

В ту ночь я остался на вечеринку, пообещав Карле, что буду посещать и другие, и она дала мне адреса. Но я так ни разу и не пошел туда. Дело в том, что я влюбился в Карлу и хотел, чтобы она была только моей – хотя бы время от времени. Коль скоро это невозможно, мне показалось, что лучше сразу разорвать отношения.

На следующий день пришла уборщица – почистить ванну. За тот месяц, пока ею не пользовались, вся сперма превратилась в сухую грязь, и женщина ворчала, жалуясь, что никогда не видела ванн в таком ужасном состоянии. Похоже, она не знала, для чего нужны резинки.

– Что это? – спросила она. – Высохшие воздушные шарики?

- Вы замужем?
- Да, и у меня десятеро детей.
- Тогда все ясно.

Она пожала плечами и закончила уборку. Когда уходила, я подарил ей двойной металлический стержень, сказав, что тот мгновенно нагревает воду...

- 172
- Так, мистер Каннингем, последний след Карлы исчез из моей квартиры – и моей жизни.
 - С тех пор как я знал ее, она прошла долгий путь, – сказал я Бакстеру.
 - Но разве вас не шокировал мой рассказ?
 - Право же, нет.
 - Тогда я могу лишь заметить, что, наверное, рассказы о Карле, услышанные вами от других, достаточно вас к этому подготовили.
 - Ну да. Что ж, мистер Бакстер, не смею больше вас беспокоить.
 - Никакого беспокойства. На самом деле, я наслаждался каждой минутой.
 - Мы встали, и он вывел меня из гостиной.
 - Еще одна просьба, – сказал я.
 - Любая.
 - Можно взглянуть на ванну?
 - Бакстер расхохотался.
 - Ну разумеется, – сказал он.

Оставалось нанести всего два визита, но должен признаться, я не был к этому расположен. Чем глубже, судя по рассказам, Карла погружалась в бездну разврата, тем меньше волновала меня она сама и мои воспоминания. История Бакстера показалась мне слегка неприятной, однако сильно меня не задела. Просто месть Карлы вышла за пределы разумного.

Тем не менее, я решил поступить «благородно» и продолжил наносить визиты.

Женщину под цифрой пять звали Эмма Делиньи. Судя по адресу и номеру телефона, она жила на Монмартре. Я выждал два дня, прежде чем ей позвонить, и мне понадобилось собрать всю волю в кулак, чтобы заставить себя набрать номер.

– Алло, – раздался в трубке резкий женский голос.

– Алло, могу ли я поговорить с Эммой Делиньи?

– Эмма, Эмма, Эмма, – забормотала она.

– Да, с Эммой Делиньи.

– Эмма – это я, – неуверенно сказала она.

– Вы – Эмма Делиньи?

– Нет.

Какой несносный человек.

– Вы – Эмма Делиньи?

– Иногда бываю, – она глубоко вздохнула, и на миг мне показалось, что она сейчас расплечется.

– Меня зовут Говард Каннингем, – представился я, надеясь, что это, возможно, о чем-нибудь ей говорит.

– Я плохо себя чувствую, – тихо сказал она.

– Мне очень жаль. Я хотел спросить, не помните ли вы женщину по имени Карла?

– Эмма.

– Нет, не Эмма – Карла. Вы – Эмма?

– Да.

– Могу ли я приехать сегодня после обеда и поговорить с вами пару минут?

На другом конце провода воцарилась тишина, и я повторил вопрос.

174 – О чем вы хотите поговорить? – спросила она.

– Мне хотелось бы побеседовать с вами о Карле.

Опять наступила тишина, и когда я уже собирался заговорить вновь, в трубке послышался крик.

– Что случилось? – завопила женщина. – Где она? Где?

– Кто?

– Где Карла? Когда она вернется домой? Эмма ждет.

– Я сейчас подъеду, – сказал я.

– Вместе с Карлой?

Не ответив, я повесил трубку, вышел на улицу, сел в свою машину и помчался на Монмартр. Дом стоял на странной улочке, похожей на проселочную дорогу посреди городского квартала. Я прошел в ворота и направился к дому – это был полуразрушенный особняк.

Постучав в дверь, стал ждать, предчувствуя недоброе. Вскоре я вновь услышал тот самый голос, который говорил со мной по телефону.

– Карла? – спросил он, и, как это ни комично, я ответил:

– Да.

Дверь приоткрылась, и в щель выглянуло лицо. Оно было такое белое, а комната за ним – такая темная, что на миг мне померещилась отрезанная голова. Лицо было старое-престарое – я в жизни таких не видел. Призрачно-бледное, свисавшее большими мясистыми складками: глаза и рот скошены кни-

зу. Волосы, обрамлявшие лицо, были мучительно-тревожного ярко-фиолетового цвета, подкрашенные в тон большим безумным глазам.

– Карла? – спросила она, глядя на меня.

Я не придумал что ответить. Под лицом показался согнутый палец: она ткнула им в меня, приглашая войти. Я повиновался, и она заперла за мной дверь. В темноте я не видел ни зги. Подождал, а затем услышал глухие неприятные шаги, зашлепавшие по комнате. Открылась дверь, и на меня хлынул поток белого электрического света. В этом свете я увидел женщину, впустившую меня в дом.

175

Она была голая, если не считать широкого браслета на дряблой руке выше локтя. Первым делом я заметил волосы у нее в паху, которые были такого же цвета, как и на голове. На миг я представил себе, как эта сумасшедшая сидит на биде, наполненном фиолетовыми чернилами, и окунает в краску свой мясистый орган. Ее тело вызывало отвращение. Длинные худые груди свисали до самого живота, заканчиваясь огромными сосками, подрисованными красным; пупок был такого же цвета. Повсюду колыхались многочисленные складки, но толстой она не была. Впрочем, когда-то, без сомнения, была, но жир с тех пор сошел, и осталась лишь эта омерзительная, морщинистая кожаная оболочка.

Я вошел вслед за ней в комнату, дверь которой она открыла. Там горело два десятка лампочек без абажура, их свет резал мне глаза. Когда зрение привыкло, я огляделся по сторонам. Каждый сантиметр стен и окон был заклеен шокирующими фотографиями Карлы, по сравнению с которыми снимки ван Дрофта казались детской шалостью. Большую часть комнаты занимала незастеленная кровать, но рядом находились табурет и туалетный столик, на котором стоял телефон. Зеркало над столиком было тоже полностью заклеено фотографиями Карлы.

– Где Карла? – вдруг спросила женщина.

– Когда вы видели ее в последний раз?

Она опустилась на край кровати, и ее бедра раздвинулись, обнажив мясистую припуздrenную щель.

– В последний раз? – переспросила женщина. – Прошлой ночью. У нас была вечеринка. Пришли все.

– Не может такого быть, – тихо сказал я.

Ее лицо исказилось от ненависти.

– А я говорю, прошлой ночью, – завизжала она. – Вы тоже были. Я помню. Вас прибили гвоздями к стене. – Вдруг она вскочила.

– У вас она еще есть?

– Что?

Женщина принялась рыться у меня в штанах, и я попятился.

– Есть, – воскликнула она. – Я чувствую. Когда Карла вернется, мы вас прикончим. Заберем ее у вас.

Я понял, что говорить с этой женщиной бесполезно, но предпринял еще одну отчаянную попытку проникнуть в ее мысли.

– Карла говорила, – промолвил я, – что вы расскажете мне о той вечеринке.

– Не лгите мне, – насмешливо процедила она. – Вам удалось сбежать. Вы выжили. У вас еще есть бомба. Покажите мне.

– Нет.

– Трахни меня, а потом я отрежу ее.

– Нет.

Тогда она попыталась меня соблазнить. Начала ходить по комнате, семеня и вальсируя. Затем рухнула на кровать и стала гладить свои длинные плоские груди и живот, широко раздвигая губы фиолетовой истерзанной манды.

– Вставь сюда, – простонала она и начала кричать.

– Нет. Боюсь, мне придется уйти.

– Потрахай меня чуть-чуть, ну совсем немножко, – вздохнула она сквозь слезы.

Признаюсь, она наводила на меня уныние. Я сказал:
– А вы расскажете мне потом о вечеринке?
– Да, во всех подробностях. Их было так много. Там было так много народу.

Я подошел и встал возле кровати. Она убрала руки со своей промежности, потянулась к моим брюкам и расстегнула их. Когда сняла с меня нижнее белье, я закрыл глаза и позволил ей поиграть моим членом. Казалось, прошло несколько часов, прежде чем тот начал твердеть и подниматься. Ее мягкие влажные руки нежно меня гладили. Не открывая глаз, я взобрался на нее. Мягкая рука подвела мой орган к пылающему влагиалищу.

– Весь сразу, – прошипела она, – он должен войти весь сразу.

Женщина приподнялась, придержала мой член, а затем вдруг ринулась вперед, так что я влетел в нее по самые яйца.

Мой крик отразился эхом от стен.

Я еще никогда не испытывал такой боли. Казалось, будто в мой жезл впились множество лезвий. Открыв глаза, я уставился на безумное, иступленное лицо женщины. Я боялся пошевелиться, опасаясь, что серьезно поранюсь, но боль была такой сильной, что я не мог ни секунды оставлять его внутри. Собравшись с мужеством, потянулся назад и пережил сущий ад, пока мой орган выходил наружу. Вытащив член полностью, я посмотрел на него: это было сплошное месиво из царапин и ссадин, и некоторые порезы кровоточили.

Глаза Эммы Делиньи широко распахнулись, и она с неимоверным возбуждением уставилась на мой покалеченный член.

– Еще, – задыхалась она. – Еще.

Я не удостоил ее ответом, но заметил, что ее тело начинает трястись и содрогаться. Она разводила и сводила колени, вновь и вновь сдвигая свои дряблые

бедр. Я, конечно, понимал, что приближается оргазм, и она пристально смотрела на мое орудие, которое я вытирал носовым платком.

– О, о, – всхлипывала она. – Как тебе больно.

Ее тело приподнималось и опадало, а под ним скрипела кровать. Она продолжала вздыматься, бедра ее сжимались все быстрее, а стоны раздавались все чаще и громче. В эту минуту я заметил на туалетном столике стеклянный кувшин. Приблизившись, выяснил, что он наполнен остывшим кофе. Взял кувшин, вернулся к женщине, и как только она забилась в подступающем оргазме, одним махом выплеснул на нее холодный кофе.

Придя в ярость, женщина села в кровати, пытаясь перевести дух.

– Что за мерзкое устройство у тебя в пизде, потаскуха? – заорал я.

Похоже, это остудило ее, и она сказала:

– Тебя поранило. Порвало...

– Возможно, не так сильно, как тебе хотелось бы.

Я поправил брюки и устремился к двери. Но она выпрыгнула из постели и преградила мне путь.

– Карла, – сказала она, вдруг вспомнив. – Ты привел Карлу?

– Да, – ответил я. – Она на улице. Я скажу ей, чтобы вошла.

Мощным рывком отпихнул ее от двери и вышел из комнаты в темную соседнюю, а затем покинул дом, громко хлопнув за собой дверью.

«Бежать. Поскорее бежать».

Эти слова крутились у меня в голове, пока моя машина мчалась обратно к бульвару.

Я решил не наносить последний визит вовсе не из отвращения, а от лютого страха. Минуты, проведенные с Эммой Делиньи, внушили мне уже не конкретный, а совокупный ужас перед жизнью Карлы, которая неуклонно двигалась ко все большим извращениям и заканчивалась смертью от них.

Я чувствовал, что шестое имя в списке Карлы, возможно, таит угрозу лично для меня. Поэтому со страхом и неуверенностью признался себе, что не хочу посещать последнего адресата. Однако он не давал мне покоя, и когда я уже считал свое решение окончательным, ко мне вновь закрались сомнения, после того как я обнаружил газету, где впервые сообщалось о смерти Карлы.

В ту ночь она мне приснилась, но этот сон разительно отличался от того, что я видел на первом этапе своих поисков. Во сне Карла плакала. Только ее плач – и больше ничего.

Я спросил: «Почему ты плачешь?» Но она не ответила. Я инстинктивно понял причину ее горя. Она была мертва. Именно эта сторона жизни Карлы – ее конец – оставалась для меня загадкой.

Проснувшись, я понял, что другого выбора нет. Поэтому сел на самолет, затем на поезд, а потом на автобус и в четыре пополудни вышел на Рыночной площади Нэра – деревушки в часе езды от испанской границы. Свой чемодан я оставил в единственной гостинице этого селения и спросил хозяина, где находится Вилла де Флёр.

– Вы никак туда собрались? – спросил он.

– Да.

– Проку нет. Он никого не принимает.

– О ком вы?

– Да о хозяине виллы – мсье Монтрозе.

Эта фамилия действительно стояла в списке Карлы: Серж Монтроз.

– С ним-то я и собираюсь встретиться, – сказал я хозяину.

180 – Он вас не примет. Прислуга ни за что пустит вас за ворота.

– Я все же попытаюсь.

Он пожал плечами и показал мне тропинку, которая вела из деревни. До Монтроза можно было добраться только пешком, и поскольку дорога шла в гору, я тотчас туда отправился. Прогулка выдалась прекрасной, и я увидел саму виллу за полчаса до того, как подошел к ней. Размещаясь, подобно цитадели, на склоне холма, она господствовала над деревней.

Дом оправдывал свое название – его повсюду окружали цветы. Подойдя к воротам, я залюбовался ухоженной лужайкой, а затем дернул звонок. Служанка открыла входную дверь и спустилась ко мне, но ворота не отперла.

– Да? – спросила она.

– Я хочу увидеть мсье Монтроза.

– Извините, но мсье Монтроз никого не принимает.

– Возможно, он согласится. Не могли бы вы передать, что с ним хочет поговорить Говард Каннингем, американский друг Карлы?

– Извините, но...

– Спросите его, пожалуйста!

Она развернулась и вошла в дом, оставив дверь открытой. Я прождал очень долго, прежде чем кто-то появился в дверях. На сей раз это была не девушка, а исполинский старик. Его туша застыла на пороге. Пухлое лицо обрамляла огромная седая борода, а вокруг лысины росли длинные седые волосы.

- Что вам надо? – рявкнул он издали.
- Вы – Монтроз?
- Зачем вам знать?
- Я пришел по просьбе Карлы.
- Она умерла.

Я кивнул, но решил промолчать и дожждаться его реакции. Его произношение удивило меня: хотя он носил французскую фамилию, соответствующего акцента не было. К тому же что-то в его внешности вызывало смутные воспоминания.

181

– Я не приму вас, – заорал старик. – Отправляйтесь восвояси.

Вдруг меня осенило, и я закричал в ответ:

– Если я уйду, не поговорив с вами, вы будете об этом жалеть, барон Арвон.

Тогда он спустился прямо по тропинке и открыл ворота.

– Она рассказала вам? – зашипел он.

– Да, – солгал я.

Мы взглянули друг на друга с одинаковым отвращением.

– Если б она не умерла, – сказал он, – я бы убил ее еще раз.

– Еще раз? – Его слова потрясли меня, хотя сам он особенно не встревожился.

– Сколько вы хотите? – холодно спросил он.

– Мне от вас ничего не нужно.

– Зачем же вы пришли?

– Чтобы найти убийцу Карлы.

– Убийцу, – повторил он с презрительной усмешкой. – Никакого убийства не было. Это было приятно нам обоим.

– Думаю, в особенности – ей.

Он отошел от ворот и плюхнулся своей огромной тушей на стул, стоявший на лужайке. Я сел рядом.

– Она рассказала вам о нашем уговоре? – спросил он меня.

– Нет.

– Так откуда же вы узнали...

Мозг у меня заработал с феноменальной быстротой.

– Она оставила мне перед смертью письмо, – это была наиболее обтекаемая фраза, какую мне удалось придумать.

– Тогда я расскажу вам, мистер Каннингем, что двадцать лет назад я собирался ее убить. Она умоляла меня не делать этого ради ребенка, но поскольку я больше не мог жить с нею и при этом не готов был снести позор официального развода, решено было, что «умру» я. В обмен на это я получал право убить ее, как сочту нужным, на ее сорокалетний юбилей. Так я ушел из жизни. Купил себе новые документы и эту виллу, где провожу лишь часть времени. Я часто езжу в другие места – в действительности, последние двадцать лет я нередко бывал и у Карлы. Она даже рассказала мне о своей любви к вам. Любовь к вам! За все эти двадцать лет никто не сделал для Карлы столько, сколько мог сделать и сделал я – с нашей брачной ночи и до той ночи ее смерти.

– Я хочу, чтобы вы рассказали о ее кончине.

– А вы потом донесете в полицию?

– Нет, вы сами во всем сознаетесь.

– Я заключу с вами сделку, Каннингем. Я расскажу вам о смерти Карлы, но взамен вы позволите мне покончить с собой. Чтобы вы не успели донести в полицию.

– Я не могу на это согласиться: вы ведь, похоже, специалист по жизни после смерти.

– Можете поверить мне на слово. Примите условия сделки, не ради меня, а ради моего имени – и дочери.

Я не испытывал к нему никакой симпатии, но подумал, что если не приму его предложения, это доставит Анджеле лишнюю боль.

– Ладно, согласен, – сказал я ему.

– Хорошо, благодарю вас.

– Не стоит. Теперь расскажите мне об убийстве.

– Все просто. Мы договорились, что на свой сорокалетний юбилей Карла снимет номер в одной гостинице, владельцу которой хорошо заплатит за молчание. Вскоре после того, как она вошла в номер, я последовал за ней с той забавной спиртовкой, которую обнаружила полиция. Я также принес с собой искусственный член, который обрадовал Карлу, и огромный железный прут. Зажег спиртовку и положил на нее сверху прут, чтобы тот нагрелся.

Мы разделись. Карла становилась все краше год от года. Зрелость наделила ее тело чем-то таким, чего, возможно, не хватало ему в юности. На свете нет ничего великолепнее этих пухлых, цветущих грудей – округлых, упругих, податливых! Я ласкал ее соски, чувствуя, как они твердеют под пальцами. Поставив ее на колени, силой засунул ей в рот член: она без труда проглотила его целиком – без труда и с наслаждением. Ее пухлые губы сжимали его, мокрый язык лизал, а теплый рот согревал мою твердь. Затем она облизала мне яйца, проворно водя языком по мошонке.

Карла легла на пол, и я пристроился к ней, уткнув лицо в тот маслянистый желобок, который так хорошо знал. Я потер его своей бородой, а затем вставил туда язык и начал плавно водить вдоль всей щели, щекоча клитор и засовывая язык в широкую выжидающую дырку.

– Твой час настал, – сказала я.

– Скорей. Я не могу ждать.

Даже неминуемая смерть не могла ослабить ее возбуждение.

Она запрокинула колени, и я влез между ее бедрами. Мой фаллос остановился у дверей. Я тихо постучал, легко вошел, затем отступил, вошел вновь и опять вышел. Ее дырка содрогалась, предвкушая полное проникновение, и наконец я опустил и осторожно погрузил член в глубину ее утробы. От страсти

у Карлы изо рта потекли слюни. Она схватилась за меня, мы неудержимо набросились друг на друга, и мое оружие тяжело в ней забилося.

Я почувствовал приближение оргазма и повернулся набок. Пока она содрогалась в экстазе, я потянулся и взял один конец прута, лежавшего на спиртовке. Половина его накалилась докрасна. Я снял его и в ту же секунду повернулся, чтобы Карла легла на меня сверху. Свободной рукой раздвинул ей ягодицы и нащупал анус, расширившийся в предвкушении. Она в испуге тряслась надо мной, приближая наш оргазм. Затем, крепко схватив прут, я резко завел его снизу и, ни секунды не колеблясь, вогнал в Карлу. В тот же миг наши соки смешались, а запах горелой плоти обострил мое наслаждение.

Не могу сказать, большее или меньшее наслаждение испытала Карла, ведь когда я отодвинул ее, она уже была мертва. Но я не удержался и овладел ею еще разок, вонзаясь в остывающее тело.

После этого я оделся, дал хозяину гостиницы еще денег и сел в ближайший поезд на юг.

Наверное, лицо мое искривилось в отвращении, поскольку старик сказал:

– Нет, не смотрите на меня так. На самом деле, Карла могла без труда рассказать о нашей встрече полиции или кому угодно. Она легко могла бы предотвратить собственную смерть. Но вы должны понимать, мистер Каннингем, что она этого хотела. Ей хотелось познать смерть среди сладчайших радостей жизни, на пике своих сексуальных способностей. И она познала все по собственной воле.

Конечно, он говорил правду, но хотя Карла и была маньячкой, ведь даже в минуты нашей любви она, наверное, помнила, что когда-нибудь подвергнется этому возмутительному эксперименту, – барон и сам был точно таким же безумцем.

– Тем не менее, – сказал я, – вы должны выполнить наш уговор. Убейте себя, или я сдам вас полиции.

– Я должен сделать это прямо сейчас?

– Немедленно!

Он со вздохом поднял свою тушу со стула и зашагал по тропинке к дому. Я был не в силах последовать за ним и к тому же не сомневался, что уговор он выполнит.

Встав со стула, я зашагал к воротам. Но, как только открыл их, услышал крик:

– Мистер Каннингем!

Я оглянулся на дом. Барон стоял в окне верхнего этажа.

– Как жаль, – прокричал он мне, – что смерть не интересует всех точно так же, как Карлу.

Я ничего не смог ответить, чувствуя себя убийцей, хотя для Арвона это было меньшее из зол. Я не имел права его судить, но как я мог сказать: «Ладно, все хорошо, сумасшедший старик, живи дальше и продолжай убивать сумасшедших женщин»? А потом забыть о нем навсегда? Мне пришлось бы обратиться в полицию, но при этом я причинил бы вред самому невинному существу на свете – Анджеле. Ведь, в конце концов, пострадала бы именно она.

Арвон отошел от окна и секундой позже вернулся с ружьем в руке. На минуту мне показалось, будто он целится в меня. Наконец он поднял дуло к виску.

– Прощайте, – прокричал он. – Я глубоко сожалею, что получил гораздо больше, чем вы.

Мне хотелось крикнуть: «Стойте!», но я лишь опустил глаза и дождался выстрела. Звук был краток и не так громок, как я ожидал. Подняв голову, я увидел, как огромное тело качнулось вперед и низко наклонилось. Затем оно выпало из окна, пролетело в воздухе и грузно упало на цветочную клумбу позади лужайки.

Отовсюду появились слуги, кое-кто из них закричал. Я подумал, что лучше незаметно улизнуть, но

меня заметила служанка, которая подошла к воротам раньше.

– Что стряслось? – завопила она в ужасе.

– Несчастный случай.

– Несчастный случай?

– Да, он хотел показать мне свое ружье и в шутку поднес его к виску. Видимо, не знал, что оно заряжено. Ружье выстрелило, а он выпал из окна.

– Какой ужас! – в один голос воскликнули все и заверили, что он был очень добрым и щедрым хозяином.

– Но ведь он даже не успел понять, что произошло, – утешил я их. – Каждый из нас мечтал бы о столь быстром конце.

Затем позвонили в полицию, которая сказала по прибытии, что я должен остаться для расследования. Мне пришлось провести еще два дня в Нэре, где ровным счетом нечем было заняться. Я гулял и беседовал с местными жителями, которые побаивались меня, словно я – убийца. На расследовании я повторил свой рассказ, но, по-моему, никто мне по-настоящему не поверил. Все чувствовали, хотя ни разу и не высказали этого вслух, что я виноват в смерти Арвона (или Монтроза). Обстоятельства были весьма странны: я появился в Нэре, куда редко приезжают чужие; меня приняли на вилле Монтроз, куда не пускают никого; а через два часа пожилой и неприветливый, но почтенный господин погиб.

Так или иначе, был вынесен вердикт: несчастный случай. Очевидно, горожане предпочли бы убийство, вынужденное или простое самоубийство, но все же остановились на несчастном случае.

Я покинул Нэр через двадцать минут после того, как объявили решение, и вернулся в Париж посреди ночи. «Конец», – мысленно сказал я, разорвав список Карлы и выбросив клочки. Оставалось нанести только один визит.

И я не сомневался, что уж он-то будет приятным.

Я позвонил Анджеле на следующее утро.

– Алло, – сказала она. – А я уж думала, вы больше никогда не объявитесь.

– Все это время я был занят. Я ведь говорил вам, что ваша мать попросила меня встретиться с несколькими людьми.

– Я помню. Наверное, людей было слишком много. Или им надо было многое рассказать.

– И то, и другое. Кажется, с прошлого раза настроение у вас заметно улучшилось.

– У вас тоже, – сказала она.

– Да, признаюсь, у меня улучшилось настроение. Причем только что.

– Отчего же? – спросила она с радостью.

– Оттого, что я с нетерпением жду встречи с вами.

– Тогда приезжайте немедленно.

– Сказано – сделано.

Она ждала меня у дверей особняка. Анджела все еще носила траур, но платье на ней уже не было таким мрачным, как в нашу первую встречу. Нынешний ее наряд был парадоксален: он траурно прикрывал лишь половину груди. Под тканью проступали свежие молодые холмики – невинная ложь жизни. К тому же платье было из очень тонкой летней материи, так что я мог рассмотреть скрытые округлости нижней половины груди и темно-розовые соски. Еще ниже просвечивали контуры трусиков, нетерпеливо облежавших чресла.

– Очень рада видеть вас вновь, – сказала Анджела и подставила щечку для поцелуя – еще одного отеческого поцелуя.

– И я тоже очень рад вас видеть.

Взяв за руку, она повела меня в гостиную, налила по бокалу хереса, и мы сели рядышком на диване.

– Ну как, – начала она, – мама отправила вас к интересным людям?

– Более или менее, – промямлил я. – Финансисты и тому подобное...

– Какая скука, – улыбнулась она. – Я думала, мама никогда не занималась подобными вещами сама.

– Полагаю, да, но...

– К тому же, странно: вчера вечером здесь был наш адвокат, который сказал, что все в порядке.

Я не мог скрыть своего смущения:

– Ну, я, конечно, встречался с финансистами, однако не по делу, а по-дружески.

– Понятно, – произнесла она и, к моему изумлению, добавила: – Вы хотите сказать, это были ее ночные друзья?

– О чем вы?

– Я прекрасно знаю, о чем говорю!

– А я не имею даже смутного представления, – сказал я, но ложь была очевидна.

– Полноте, Говард. Не возражаете, если я буду называть вас Говардом?

– Разумеется, нет. Мне это даже нравится, – я накрыл своей ладонью ее руку, лежавшую рядом на диване.

– Хорошо, так неужели вы, Говард, думаете, что я могла прожить с человеком двадцать лет и ни разу не заметить, как он отлучается по ночам?

– Возможно, она выходила прогуляться, – предположил я.

– Нет, вы знаете так же хорошо, как и я, что ночью моя мама становилась необузданной женщиной. Я знала об этом еще с войны, когда была маленькой

девочкой и познакомилась с человеком, который видел меня с ней. Он знал маму по той ужасной яхте и все мне рассказал.

– Вы говорили ей о том, что знаете?

– Нет, никогда. Она бы не пережила. Это разбило бы ей сердце. Как будто я стала бы любить ее меньше, раз ей необходимо то же, что и всем женщинам!

Я почувствовал, как задрожала ее рука, и обнял Анджелу, притянув к себе.

– Вы безумно милы, – сказал я. – Как повезло Карле – у нее были вы!

– Чтобы иметь меня, – мимоходом обронила она, – вовсе не нужно быть Карлой. Но я хочу, чтобы вы кое о чем мне рассказали.

– О чем же?

– О маминой смерти.

Я, право же, не мог на это отважиться:

– Я знаю об этом не больше, чем вы.

– Скажите мне, Говард, кто такой Серж Монтроз?

Я взглянул на нее с недоверием:

– Где вы о нем услышали?

– В газетах была небольшая заметка о расследовании, на котором вы выступали свидетелем. Это как-то связано с мамой, не так ли?

– Вовсе нет. Это мой старинный друг.

– В газетах писали, что вы никогда с ним раньше не встречались, а кто-то из прислуги слышал, как вы крикнули ему «барон». При этом пишут, что никаким бароном он не был.

– Это ошибка.

– Не верю.

– Придется поверить, – сказал я ровным голосом, пытаясь внушить ей, что лучше не задавать лишних вопросов. Однако она настаивала:

– Я хочу знать правду. Я буду беспокоить вас днем и ночью, пока вы не расскажете.

– Я был бы рад, если бы вы меня беспокоили.

– Тогда расскажите, или я не доставлю вам такой радости.

– Ладно, – сказал я. – Подробности неинтересны. Но суть примерно такова: ваш отец вовсе не умер вскоре после вашего рождения. Это был розыгрыш.

– Мама знала об этом?

– Нет, – солгал я. – Вплоть до самого конца. Он при- слал ей письмо и попросил о встрече. Она боялась, что он убьет ее, и так в действительности и произошло.

– Но почему?

– Он был душевнобольной. Бессмысленно спраши- вать почему. Люди просто вынуждены поступать так, а не иначе.

– Продолжайте.

– Благодаря случайному стечению обстоятельств я узнал о Монтрозе и, интуитивно о чем-то догадав- шись, отправился к нему. Оказалось, что это барон Арвон, и он покончил с собой, чтобы не видеть, как его имя запятнается позором, если я сообщу поли- ции. Разумеется, ради вас я не сообщил бы полиции ничего.

Она закрыла лицо руками.

– Это ужасно. Ужасно. Мне так одиноко.

– Во все нет, я – ваш друг.

Она взглянула на меня:

– Да, мне тоже так кажется.

Она приблизила ко мне лицо, и наши губы соеди- нились. Пухлый юный ротик раскрылся перед моим языком, с радостью приняв мой поцелуй. Я провел рукой по легкой материи, обтягивавшей грудь, и об- хватил упругую плоть. Нежная теплота подалась под моими пальцами, и Анджела вздохнула сквозь поцелуй.

– Давайте я сниму с вас платье, – сказал я.

– Пойдите.

Она встала и, пройдя к двери, заперла ее. Когда вернулась, я приподнял платье и снял его через го-

лову. Она стояла передо мной: розовая плоть пылала, а неприкрытые груди были обнажены. Я сжал их в горстях и начал массировать, растирая нежные сопочки.

– Как вы прекрасны, – сказал я. Она уронила на пол трусики, и я увидел треугольник каштановых волос.

– Прошу вас, – прошептала она, – разденьтесь тоже.

Я начал поспешно снимать с себя одежду, и, пока раздевался, она сказала:

– Знаете, Говард, я еще ни разу не видела голого мужчину.

– Ну так полюбуйтесь, – сказал я и разделся донага.

Она внимательно изучала мое тело, рассматривая грудную клетку, плечи, руки, живот. Ей было не просто опустить взгляд ниже, но она пересилила себя, и щеки ее порозовели. Подойдя ко мне, Анджела протянула руку к моему члену. Вначале слегка прикоснулась к нему, затем погладила снизу и наконец сжала в руках.

– Какой красивый, – сказала она.

Потом взяла в руку мою кошонку и осторожно надавила, словно взвешивая мои яички. Отпустив их, она плотно прижалась ко мне и начала тереться животом о член. Я потянулся рукой к ее промежности, и бедра Анджелы слегка разошлись. Я двинулся дальше, поглаживая пальцами волосы вокруг узенькой щелки. На ней выступила легкая влага – не больше капелек пота.

– Я хочу поцеловать тебя там, – сказал я.

– Мне было бы очень приятно.

Мы опустились на коврик, и я принял позу «валетом», надеясь, что мне не придется упрашивать ее пососать меня. Засунув голову ей между ног, я припал лицом к лону, благоухавшему женским ароматом. Медленно водил языком взад-вперед, а она вздрагивала, крепко обхватывая мою голову бедрами. Вдруг я почувствовал, как ее нежные губы поцеловали мой

член, и ткнулся в них. Губы ее раздвинулись, и мой жезл медленно вошел в теплый рот Анджелы.

Я продолжал лизать ее, снова и снова проводя языком по клитору. Когда я добрался до входа во влагалище, от возбуждения она даже слегка подскочила. Я с силой просунул язык в тугое преддверие. Ее рот страстно трудился над моим членом.

– Сейчас, – сказал я и отодвинулся от нее.

192

Она промолчала и не открыла глаза, когда я влез на нее. Запрокинув ее колени, я плавно провел членом по влажному лону. Затем направил головку в дырочку и нажал – сначала легонько, а потом сильнее. Она застонала.

– Больно?

Она покачала головой. Я сделал еще один толчок, но проникнуть дальше можно было лишь сильным рывком. Я подготовил Анджелу, осторожно вводя и выводя член из отверстия, и когда она начала вздыхать, ринулся вперед и загнал его на всю длину.

С губ Анджелы сорвался крик.

– Больно? – спросил я снова.

– Что бы вы ни делали, мне очень приятно, – тихо сказала она.

Я ввел член, вытащил наполовину, а затем вновь засадил по самые яйца. Это движение ей понравилось, я повторил его и продолжил с некоторыми вариациями, пока она сама не выбрала подходящий ритм.

Я лежал на ней сверху, и наши рты сливались в долгом поцелуе, который сопровождал толчки наших чресл; страсть наша усиливалась, а движения ускорялись. Я почувствовал, что она близка к кульминации, и ускорил толчки, сделав их равномернее. Она кусала мою губу, царапала ногтями мне плечи и крепко обнимала ногами за спину. Мы качались, напирали и стонали, пока оба не достигли оргазма.

– Как прекрасно, – сказала она чуть позже.

Я сумел лишь кивнуть в знак согласия. Мои руки гладили ее пылающее тело.

– Немудрено, что мама была от вас без ума, – прошептала она. – Вы всегда так хорошо это делали?

Я улыбнулся:

– Только с такими прекрасными женщинами, как ты.

– Теперь вы всегда будете со мной этим заниматься?

И так часто, как я захочу?

– Чаще.

– Чаще нельзя, ведь я хочу каждую минуту, целый день.

– Только день? А как же ночи?

– Ночи? – Она рассмеялась. – Думаю, ночи, Говард, останутся тайной.

ИЗДАТЕЛЬСТВА
“KOLONNA PUBLICATIONS” и «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

194

Пьер Буржад
МЕХАНИЧЕСКИЙ ЭРОС

Книги Пьера Буржада (р. 1927) пользовались огромным успехом у французских либертенов в годы сексуальной революции. Сегодня писатель ведет жизнь затворника в Латинском квартале Парижа, практически ни с кем не общаясь, разве что по-прежнему является членом закрытого садомазохистского клуба и входит в жюри литературной премии имени маркиза де Сада.

Моник Виттиг
ВЕРГИЛИЙ, НЕТ!

«Вергилий, нет!» – последний роман радикальной феминистки Моник Виттиг (1935–2003). Сцены из «Божественной комедии» разыгрываются в Сан-Франциско конца XX века, где соседствуют Ад, Чистилище и Рай. Женщины, закабаленные мужчинами, терпят невыносимые муки в Аду, и только свободная лесбийская любовь дарует им надежду на избавление от страданий. В своих романах и философских эссе Виттиг призывала к восстанию против мужчин, которых она считала садистами-оккупантами. Писательница утверждала, что бунт увенчается успехом, если удастся уничтожить главное оружие мужчин – язык гетеросексуального общества.

ИЗДАТЕЛЬСТВА
“KOLONNA PUBLICATIONS” и «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

Ладислав Клима
СТРАДАНИЯ КНЯЗЯ ШТЕРНЕНГОХА

195

В 1928 году, когда «Страдания князя Штерненгоха» впервые увидели свет, члены профсоюза чешских учительниц отказались от подписки на книжную серию «Плеяда», в которой была опубликована эта книга, поскольку «не покупают порнографию ради красивой обложки». Сам Ладислав Клима говорил, что его роман «в 10 раз реалистичнее и отвратительнее, чем Золя, в 10 раз фантастичнее, чем Гофман, в 10 раз непристойнее, чем Казанова, в 10 раз извращеннее, чем Бодлер, короче говоря – аморальность, хулиганство и безумие».

Уильям Берроуз
БЛЭЙДРАННЕР

Вряд ли у сценариста когда-нибудь появятся возможности воплотить на экране кинопрозу Берроуза. Ведь никакие, даже самые необыкновенные спецэффекты не смогут передать ту гамму эмоциональных, визуальных, обонятельных и осязательных впечатлений, которые воплощают глубокие, как Вселенная, тексты Берроуза. Но если вы все-таки захотите «посмотреть» такое кино с оргиями в гигантском лепрозории, вам придется наплевать на закон, отправившись вместе с У.Б. в неконтролируемый волнующий трип.

ИЗДАТЕЛЬСТВА
“KOLONNA PUBLICATIONS” и «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

196

Жорж Батай, Колетт Пеньо
САКРАЛЬНОЕ

Лаура (Колетт Пеньо, 1903–1938) – одна из самых ярких нонконформисток французской литературы XX столетия. Она была сексуальной рабыней берлинского садиста, любовницей лидера французских коммунистов Бориса Суварина и писателя Бориса Пильняка, с которым познакомилась, отправившись изучать коммунизм в СССР. Сблизившись с философом Жоржем Батаем, Лаура стала соучастницей необыкновенной религиозно-чувственной мистерии, сравнимой с той «божественной комедией», что разыгрывалась между Терезой Авильской и Иоанном Креста, но отличной от нее тем, что святость достигалась не умерщвлением плоти, а отчаянным низвержением в бездны сладострастия. «Святая бездны», так назвал Лауру Мишель Лейрис, ближайший друг Батая и верный конфидент Колетт.

ИЗДАТЕЛЬСТВА
“KOLONNA PUBLICATIONS” и «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

Йозеф Вахал
КРОВАВЫЙ РОМАН

197

Созданный прямо в типографском наборе без рукописи «Кровавый роман» – литературный памятник, которому нет аналогов. Его можно воспринимать как образчик автоматического письма, которое проповедовали сюрреалисты, как постмодернистский коллаж, пародию, произведение книгопечатного искусства, а можно просто читать как забавный приключенческий роман. Выпущенный в 1924 году тиражом 17 экземпляров для коллекционеров, «Кровавый роман» приобрел колоссальную популярность в начале 90-х годов, через четверть века после смерти его автора, художника и оккультиста Йозефа Вахала. Роман многократно переиздавался, был экранизирован, и ценители называют его лучшей книгой, написанной в двадцатом столетии на чешском языке.

ИЗДАТЕЛЬСТВА
“KOLONNA PUBLICATIONS” и «МИТИН ЖУРНАЛ»
ПРЕДСТАВЛЯЮТ:

198

Кэти Акер
БОЛЬШИЕ НАДЕЖДЫ

«Большие надежды» – постмодернистский шедевр Кэти Акер (1948–1997), построенный на бесчисленных явных и скрытых цитатах. История героини предстает в декорациях, позаимствованных у Чарльза Диккенса, Германа Мелвилла, Бена Джонсона, Марселя Пруста, Пьера Гийота, Раймона Русселя и безымянных сочинителей бульварных романов. Ощувив эмоциональную смерть модернизма, Кэти Акер разрушила все коды, чтобы пробиться к сердцу читателя.

Филип Ридли
СТРАХ ГИАЦИНТОВ

Филип Ридли – создатель самых любопытных, гротескных и завораживающих британских пьес и фильмов последних лет. В кино, театре, прозе и акварелях Ридли обнажает темную сторону человеческой природы, исследуя двусмысленность чудовищного и прекрасного. Красивое и уродливое, честность и наглая ложь, любовь и беспричинная жестокость сосуществуют в опасном соседстве. В сборник культового писателя и кинорежиссера вошли рассказы из сборника «Полет фламинго» и гомоэротическая повесть «Крокодила».

Место встречи – магазин «ИНДИГО»!

«Тематические» литература и кино

Все книги издательства «Колонна»

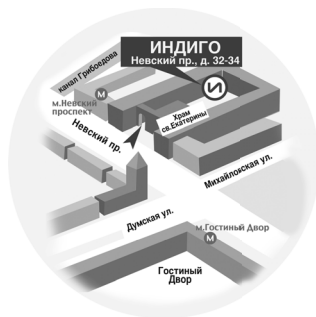
Полная подшивка журнала «Квир»

Эротические фотоальбомы и календари

Мужское нижнее белье и плавки известных марок

Джинсы, рубашки, ремни, сумки

199

Москва, ул. Петровка, д. 17, стр. 2

(495) 783-0055, 507-4623

Время работы: с 10 до 22, без выходных

Проезд: М. Чеховская, Охотный ряд, Кузнецкий мост

Вход в арку напротив Мосгордумы

Санкт-Петербург, Невский пр., д. 32-34

(812) 448-5533, 570-4107

Время работы: с 11 до 23, без выходных

Проезд: М. Невский пр., Гостинный двор

Вход в арку во двор слева от храма

Книги издательств «Митин Журнал» и “KOLONNA PUBLICATIONS” можно приобрести в Москве:

«Проект ОГИ» Потаповский пер., д. 8/12, стр. 2
«Пирог на Дмитровке» ул. Б. Дмитровка, дом 12, стр. 1
«Ад Маргинем» 1-й Новокузнецкий пер., д. 5/7
«Фаланстер» Малый Гнездниковский переулок, д. 12/27
«Гилея» Нахимовский пр-т, д. 51/21,
«Дом Книги на Ладужской» ул. Ладужская, д. 8
«Молодая гвардия» ул. Б. Полянка, д. 28
«Московский Дом Книги» ул. Новый Арбат, д. 8
«Букбери» сеть книжных супермаркетов
«Республика» 1-я Тверская-Ямская, д. 10
«Библиоглобус» Мясницкая ул., д. 6/3, стр. 5
«Москва» ул. Тверская, д. 8
«Индиго» ул. Петровка, д. 17, стр. 2
«Клуб 36, 6» Рязанский пер., д. 3

В Петербурге:

«Буквоед» сеть магазинов
«Индиго» Невский пр., д. 32-34
ДК им. Крупской, на стенде фирмы «Петро»
«Академический проект» ул. Рубинштейна, д. 26
«Дарт» ул. Колокольная, д. 1

через Интернет:

“Ozon” ozon.ru
«Лабиринт» labirint-shop.ru
“Esterum” esterum.ru
“Petropol” petropol.com
«Болеро» bolero.ru
«Чакона» chaconne.ru
«Международная книга» mkniga.ru
«Лавка Я + Я» shop.gay.ru/books

По вопросу оптовых продаж
обращаться в ООО «БЕРРОУНЗ», тел. (495) 104-6836

Все книги нашего издательства можно заказать
наложенным платежом в редакции на сайте kolonna.org

Альфред Честер КОЛЕСНИЦА ПЛОТИ

KOLONNA PUBLICATIONS

Россия, Тверь, а/я 2448

Подписано в печать 15. 07. 2007. Тираж 1000 экз. Заказ № 665

Формат 70 х 100/32. Объем 6.25 п. л. Гарнитура ITС SNARTER

Подготовлено на оборудовании APPLE MACINTOSH

Отпечатано в типографии «ВЕГА»

г. Ульяновск, Инженерный 9-й пр., д. 10. Тел. (8422) 203969